Халил Умаров-Гозалишвили

ТРАГЕДИЯ МЕСХОВ

Халил Умаров-Гозалишвили не боялся смерти, но очень боялся умереть на чужбине, где он оказался вместе со своими близкими вследствие депортации сталинекой властью 120 тысяч месхов-мусульман из Южной Грузии в ноябре 1944 года.

Весь облик Халила Гозалишвили излучал мудрость, бесстрашие и благородство, корни которых уходили в безграничное страдание, вызванное потерей родины. Он был воплощением тоски по Грузии, тоски, которая не давала ему покоя: с пятидесятых годов он вместе с Латифшахом Бараташвили и другими лидерами, боролся за восстановление справедливости, за возвращение изгнанных месхов на родину, за сохранение у них исторической памяти; за то, чтобы они не забывали свое грузинское происхождение. Поэтому написал он "Трагедию месхов", поэтому писал стихи, письма, обращения. И он был гоним КГБ, не услышан и оскорблен грузинскими националистами, вышедшим на арену с 1989 года... И случилось то, чего он так боялся: окончательно потеряв надежду, как и тысячи изгнанных месхов, он умер вдали от родного края.

Наира Гелашвили

Халил Умаров-Гозалишвили

ТРАГЕДИЯ МЕСХОВ

Халил Умаров-Гозалишвили

ТРАГЕДИЯ МЕСХОВ

"Кавказский Дом"
Тбилиси
2004

Редактор – НАИРА ГЕЛАШВИЛИ

Над книгой также работали: ГАМЛЕТ ЗУКАКИШВИЛИ
КЛАРА БАРАТАШВИЛИ

Художник – ГОГИ ЦЕРЕТЕЛИ

Второе издание.
Впервые издана в 1994 году.

ISBN 99928-71-62-X

ВСПОМИНАЯ ХАЛИЛА...

Этот высокий, худощавый человек, темноволосый и темноглазый , вежливый и степенный как-то незаметно вошел в мою жизнь, чтобы остаться навсегда. Незаметно, потому что в том потоке новых людей, новых лиц, новых мыслей и идей, который увлек меня тогда, в конце семидесятых, я не с первой встречи выделила его, Халила Гозалишвили (Умарова). Он не любил выделяться. Но стойкость и сила его принципов выделяла его. Халил Гозалишвили был лидером той части депортированных, которая считала и считает себя грузинами по национальности, а именно месхами, и мусульманами по религии. То есть теми, кто они есть и кем они были записаны в переписях населения, которые скрупулезно, детально, на совесть, составлялись чиновниками царской России.

Халил неуклонно вел эту линию. Еще на высылке, работая в школе преподавателем истории (он закончил исторический факультет университета), он умудрялся рассказывать месхетинским детям, кто они есть. Кстати, тогда еще живы были месхетинские старики, которые помнили грузинский язык. Сам г-н Халил говорил по-грузински, но, конечно, русский, т.е. тогда государственный язык, знал лучше.

Он делал очень много для восстановления национального самосознания месхов, дезориентированных длительным национальным и религиозным гнетом. Оттоманской империи, затем царизм, советская власть и впоследствие неоправданно нетерпимое отношение к себе родного народа совершенно унизили и попрали месхов.

Помню, как он читая нам – мне, Гураму Мамулиа и Звиаду Гамсахурдиа собранный им лексический материал для лексикона – грузинские слова (которых было им собрано, если не ошибаюсь, тысяча с лишним) активного употребления в диа-

лекте месхов-мусульман. А какой ажиотаж у всех нас вызвал книга Халила – вот эта самая, которую бережно и вдумчиво редактировали Гурам и я. В этом принимал участие и Звиад. В те диссидентские годы, когда за всеми нами по пятам ходили и следили агенты КГБ, Звиад был активным борцом за месхов. К великому сожалению, впоследствии он стал еще более активным противником их возвращения.

Каждый приезд Халила в Тбилиси бывал отмечен каким-нибудь, конечно, минимальным продвижением нашего дела. Он часто останавливался у нас (у меня даже было "одеяло для Халила"). И наши экспрессивные беседы с участием многих сторонников, так сказать, активистов, репатриации и реабилитации этой части грузинского народа, затягивались до глубокой ночи. Халил всегда бывал выдержанным и корректным в беседах и в спорах – каким путем двигаться вперед.

К сожалению, пережитое не могло не оставить своего следа: здоровье Халила с годами все ухудшалось. Его мечта – вернуться на родину – куда он приезжал лишь гостем и просителем (сколько приемов в верхах, сколько походов по инстанциям!) так и осталась неосуществимой. Но эта мечта настойчиво витает в воздухе, которым дышат месхи, где бы они ни были – в странах Центральной Азии, на Северном Кавказе, в Ростовской или еще какой-нибудь области России, в Азербайджане или за океаном.

Читателям этой книги, которая поначалу была опасным самиздатом, мне хочется пожелать, чтобы они открыли сердца, замкнутые недоверием и порой даже враждебным отношением к многострадальным отринутым братьям своим, постарались бы осознать, какой трагедией для всей Грузии является судьба месхов-мусульман и найти нелегкие, но необходимые пути к воссозданию национального единства.

И еще раз приходится вспомнить: рушить – легко, и быстро, а строить и восстанавливать – во сто крат труднее и дольше.

Но: что разрушено враждой, то отстроено любовью.

Камилла-Мариам Коринтэли

НЕЗАБВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

С Халилом Гозалишвили (по документам – Умаровым), борцом за' возвращение в Грузию населения, депортированного из Южной Грузии в 1944 году, диссидентом, истинным патриотом Грузии я познакомился в 1989 году, после массовых погромов месхов в Ферганской области Узбекистана. Сам Халил с семьей в это время жил на Северном Кавказе, в Кабардино-Балкарии.

В этот период в Грузии уже бушевали агрессивный национализм, слепая ненависть ко всему "другому"-"другим" этносам, вероисповеданиям, мыслям, позициям, что можно считать основной "заслугой" новых политических сил, которые противостояли коммунистической власти лишь с одной целью – самим придти к ней...

Несмотря на всеобщую непримиримость, господствующую в то время в Грузии, на ненависть к месхам-мусульманам, Халил Гозалишвили не сомневался в том, что грузинский народ не станет народом манкуртов, выберется из нравственного хаоса, придет в себя и прижмет к груди свою плоть и кровь, изгнанных с родины месхов, отторгнутых от него коммунистическим режимом и выполнит, тем самым, завет Ильи Чавчавадзе, который призывал заботиться о возвращении в лоно общей родины мусульманской Грузии.

Известно, что с 70-х годов прошлого века в русскую прессу, между прочим, в диссидентскую, был внедрен бессмысленный термин "турки-месхетинцы". Шли настойчивые слухи, что это исходило из КГБ. Для Халила Гозалишвили, так же как для всех его единомышленников – как грузин-мусульман, так и для христиан, этот абсурдный термин был ножом в сердце. Особенно тревожным и болезненным было то, что грузинская политическая элита, по своей недальновидности внедрила его и в Грузии. "Мы не турки, наши предки были грузинами", – ут-

верждали Халил и его единомышленники. Халил рассказывал мне, что КГБ особенно притесняло месхов, проявляющих грузинскую ориентацию, грузинское самосознание и способствовало утверждению турецкой ориентации, турецкого сознания. Он говорил, что после утверждения этого нелепого термина – "турки-месхетинцы" и в Грузии среди высланного населения начало увеличиваться число тех, кто утверждал о своей турецкой идентичности, увеличилось число сторонников протурецки ориентированной организации месхетинцев "Ватан". Халилу доставляло нестерпимую боль нескончаемое унижение месхов-мусульман грузинским телевидением и прессой, создание из этого многострадального народа "образа врага",

Но настоящую травму доставил ему Звиад Гамсахурдиа, который в 70-х годах объявил себя правозащитником депортированного населения, единомышленником и соратником Халила Гозалишвили и его друзей и помогал ему издать книгу "Месхетинская трагедия", даже стилистически правил ее. После его прихода к власти г-н Халил несколько раз добивался приема у него, но Звиад Гамсахурдиа его не принял. Был и такой случай: они встретились случайно лицом к лицу, но З. Гамсахурдиа сделал вид, что не узнал его и отвернулся. Я посоветовал Халилу еще раз попытаться встретиться с ним, но он был гордым и считал себя униженным. Он был легко ранимым, .в это время он запирался в комнате и выходил к нам, когда немного успокаивался.

По приезде в Тбилиси, он останавливался у.меня по ул. Худадова, 41, где из-за него сторонники Гамсахурдиа несколько раз устроили погром.

В июле 1989 года мы основали Лигу защиты прав грузин-мусульман, но число ее членов, по мере усиления в Грузии реакции, стало убывать. Однако были люди, которые пренебрегали совершенно реальной опасностью. Их деятельность вселяла в Халила энергию и надежду. Тут я должен упомянуть не только старых друзей Халила: Мераба Костава, Гурама Мамулиа, Камилу Коринтели и др., но и общественного деятеля г-жу Наиру Гелашвили, чьи пламенные, мудрые статьи, проникновенные твердой логической аргументацией сыграли большую роль в отрезвлении общества. Но редкие проблески, подобные этим статьям утонули во мраке, наступившем в Грузии.

Когда нас громили в последний раз, кроме Халила у меня жили и некоторые другие руководители месхетинской организации "Хсна" ("Спасение"). Погром был совершен при довольно странных обстоятельствах. Ходили различные слухи, в том числе и такой, что погром был устроен грузинским КГБ. После этого погрома, чтобы не ставить под удар мою семью, г-н Халил со своими соратниками перешли жить в Глдани, в здание, специально отведенное месхам-мусульманам.

Когда он приезжал в Грузию, то навещал в ее различных регионах месхов, которые уже вернулись на родину, утешал их, сеял среди них любовь к Грузии. Он был крайне мобилизован, его обуяла единственная страсть – судьба своего народа, всю свою энергию он уделял ей – даже для собственной семьи у него не хватало времени.

Мне вспоминается его рассказ о том, как он скрывал свою деятельность от КГБ. Он мне показал свое личное удостоверение члена организации месхов, основанной им в 1956 году, которое, в целях конспирации было вклеено в мандат члена комсомола.

За свою деятельность он испытал множество неприятностей, причем не только от КГБ, но и от своих сородичей. Но он не сломался, боролся до конца своей жизни. Он очень много писал о проблемах высланных, вел дневник, сочинял стихи.

Те, кто его хорошо знали, проникались к нему огромным уважением как к мудрецу, аксакалу. Он досконально изучил свою родословную, знал, что был потомком Кочибролидзе из Западной Грузии, упоминание о которых можно найти с XVI века.

Он был благороднейшим человек, с удивительным тактом. С одинаковой болью воспринимал как проблемы своего народа, так и всей Грузии, особенно в последние годы. Если можно говорить о национальных героях, то он был одним из них, правда непризнанным. Он сполна испил чашу мученика,

даже умер в изгнании. Его желанию – быть похороненным на родине – тоже не суждено было сбыться. К сожалению, мне не сообщили о его смерти, так что на его похоронах я не был.

Последний раз мы встретились за несколько месяцев до его кончины, которая, как мне стало известно, была ускорена интригами, неблагодарностью людей.

Господин Халил и телом, и душой был истинным грузином, влюбленным в свою родину. Он был твердо уверен, что возвращение депортированных месхов будет способствовать возрождению Грузии, находящейся в бедственном положении. Оптимист по природе, постоянно готовый ввязаться в борьбу, в последнее время он казался потерявшим надежду на возвращение месхов в Грузию. Как-то он сказал: "Грузины-христиане до такой степени ненавидят нас – месхов-мусульман, что если даже мы все станем христианами, взвалим на спину церковь и на коленях будем нести ее по родной земле, то они все равно не примут нас, не будут нас любить".

К сожалению, он был прав, но я все же пытался разуверить его. Видя, как я нервничаю, он, улыбаясь, начинал успокаивать меня. Его слова отражали горькую реальность, которая после его смерти стала для месхов-мусульман еще безысходнее. Пропаганда сделала и делает свое – ненависть к ним стала чуть ли не всеобщей, происходит манипуляция их проблемой в политических целях. Грузинский народ горько обманут, уверовав что возвращение месхов погубит его.

Но я все же верю, я абсолютно убежден, что наступит отрезвление, в грузинском народе возобладают истинно христианские ценности. Наступит великое покаяние и в грехе, совершаемом относительно месхов-мусульман – лишении их родины.

Грузинский народ когда-нибудь обязательно воздвигнет памятник истинному рыцарю –Халилу Гозалишвили, борцу за единение всех грузин – христиан и мусульман.

Зураб Мамаладзе

ОТ АВТОРА

Месхи – народ трагической судьбы. Еще в конце XVI века, воспользовавшись раздробленностью Грузии, Турция захватила часть ее территории – Месхети и учредила там Ахалцихсий пашалык. С первой половины XVII века начинается постепенная исламизация завоеванной турками Месхети. Осуществляя политику «разделяй и властвуй», Турция стремилась превратить месхов в чуть ли не более правоверных мусульман, чем сами турки. В 1829 году Месхети была присоединена к России. Царские колонизаторы открывали для месхов турецкие школы, доказывая, что грузины-мусульмане – это турки, а их родина – Турция. Поэтому царское правительство стремилось выселить месхов-мусульман в Турцию и заселить высвободившиеся земли армянами и русскими.

Национальный вопрос месхов не нашел своего правильного разрешения и после установления Советской власти в Грузии. Месхи-мусульмане были причислены к тюркоязычному национальному меньшинству, и в 30-х годах турецкие школы были реорганизованы в азербайджанские. Лишь в 1940 году, по требованию самого месхского населения, в большинстве деревень, где проживали месхи-мусульмане, были открыты грузинские школы. Но функционировали они недолго – 15 ноября 1944 года по отношению к месхам-мусульманам была совершена бесчеловечная акция – 20.000 дымов месхов были высланы из Грузии в Среднюю Азию. С тех пор прошло 50 лет, но борьба месхов за возвращение на родину и воссоединение с родным грузинским народом все еще продолжается.

Первыми в Грузии вопрос о решении судьбы месхов-мусульман подняли специалист по истории Месхети, доктор исторических наук, профессор Шота Ломсадзе и историк Вахтанг Джапаридзе. А начиная с 1976 года, инициативная группа защиты прав человека в Грузии начала вести активную пропа-

ганду вопроса о необходимости возвращения месхов-мусульман на исконную родину. На страницах самиздатовского журнала «Золотое руно», который распространялся не только в Грузии, но и в России, и за рубежом, Мераб Костава, Виктор Рцхиладзе и другие публиковали различные материалы о месхах-мусульманах, доказывая, что они по своему происхождению являются грузинами, а не турками. Одновременно с публикациями, группа проводила и большую организаторскую работу по возвращению месхов-мусульман на родину. Члены этой группы, проявляя необыкновенную смелость и самоотверженность, многое сделали для справедливого решения вопроса о месхах-мусульманах.

Борьба продолжалась многие годы. Долгое время вопрос о месхах замалчивался, о них писали обидно мало, а история этого народа не раз грубо искажалась фальсификаторами, ставившими перед собой не научные, а сугубо политические цели. Ныне настало время взглянуть объективно на историю Месхети как составной части Грузии, на месхов, вынужденно принявших мусульманство, но являющихся по происхождению грузинами, на трагическую судьбу этого до нынешнего дня гонимого и обездоленного народа.

Сегодня зачастую и сами месхи не ведают о своем историческом происхождении, вследствие чего иногда называют себя турками и поддаются протурецким настроениям и пропаганде. Узнав свою историю, они поймут, что их происхождение, их судьба неразрывно связаны с их исконной родиной – Грузией.

Именно это желание – сказать правду, раскрыть истинные причины страданий месхов, рассказать о всех фактах насилия и вандализма, совершенных по отношению к ним, заставили автора взяться за перо. Но не только стремление восстановить историческую справедливость подвигло нас взяться за этот труд. Главное – при написании этой книги, созданной по просьбе месхов-мусульман, – нас вдохновляла надежда – может быть, она сыграет определенную роль в деле изучения месхами (которых в настоящее время насчитывается около 250 тысяч), особенно молодежью, своей истории, духовно укрепит их. Мы надеемся также, что она поможет в какой-то степени решить судьбу гонимого народа, поможет месхам вновь обрести родину – Месхети, от которой они были так жестоко и незаконно отторгнуты 50 лет тому назад.

Книга состоит из четырех частей. В первой – исторической части – кратко рассматривается история Месхети и месхов. в трех остальных – представлены события последнего времени, раскрываются трагические страницы вандализма, происшедшего в Фергане, даются сведения о настоящем безысходном положении месхов-мусульман, их неистребимом стремлении вернуться на свою родину.

Привожу краткие сведения о себе. Я, Халил Умаров-Гозалишвили – историк, ветеран II мировой войну, лидер грузинской ориентации среди месхов, родился в 1925 году в селении Вале Ахалцихского района Грузии. Когда 15 ноября 1944 года всех месхов-мусульман, причислив их к «туркам», выслали в Среднюю Азию, я находился на фронте. После окончания войны с трудом нашел свою семью в Самаркандской области в Узбекистане и вместе с другими вынужден был жить там под гнетом комендантского режима. В 1956 году комендантский надзор над месхами был снят, мы были реабилитированы, но без права возвращения на родину. С этого времени я вместе с другими месхами-мусульманами, считавшими себя, согласно своему происхождению и месту рождения, грузинами, включился в борьбу за возвращение на свою исконную землю – в Грузию, вскоре став одним из лидеров этого движения. С той целью, чтобы быть ближе к своей родной земле, я вместе со своей семьей в 1958 году переехал в Азербайджан. Мною были установлены связи с передовой интеллигенцией Грузии, совместно с которой мы, месхи, начали вести активную борьбу за возвращение в Грузию. По моей инициативе в 1962 году был создан единый центр борьбы – «Временный комитет», целью которого было изучение и освещение причин, вызвавших разобщение месхов, отделение их от единой грузинской нации, развитие грузинского самосознания и принятие активных мер по возвращению месхов на родину.

В ходе борьбы мною в 1976 году были установлеы тес-

ные взаимосвязи с инициативной группой защиты прав человека в Грузии. За борьбу, направленную на решение судьбы насильственно выселенного из Грузии народа, члены этой группы – Мераб Костава и Виктор Рцхиладзе – были осуждены и отправлены в ссылку. Я же все эти годы постоянно находился под наблюдением КГБ, которое осуществляло постоянный экономический и политической нажим на меня, вследствие чего мне часто приходилось менять местожительство. Но никакие меры не могли заставить нас, месхов, и передовую интеллигенцию Грузии прекратить нашу правую борьбу. В 1989 году при участии моем и Зураба Мамаладзе в Тбилиси была создана «Лига защиты прав грузин-мусульман», которая как внутри республики, так и за ее пределами ведет активную работу по восстановлению исторической справедливости в отношении месхов.

В результате всех этих усилий более 200 семей месхов-мусульман были возвращены в Грузию, хотя, к глубокому прискорбию, в 1989-1991 гг. 170 семей были вновь насильственно высланы из Грузии. Эти события совпали со страшными по своей трагичности фактами вандализма в Фергане, которые до настоящего времени не были достаточно освещены и осмыслены, что мы и попытались сделать в своей книге. После Ферганских событий созданный мною ранее «Кружок грузин-месхов» был переименован в общество месхов «Спасение» («Хсна»), целью которого является работа, направленная на поэтапное, безболезненное возвращение месхов на родину. 26 декабря 1991 года Министерство юстиции Кабардино-Балкарии зарегистрировало устав общества, а 24 апреля 1992 года «Спасение» было зарегистрировано также и Министерством юстиции Республики Грузия.

Ныне я со своей многочисленной семьей (у меня 5 сыновей, 3 дочери, 16 внуков) проживаю в Кабардино-Балкарии, откуда вновь продолжаю руководить борьбой по возвращению месхов на родину.

Автор выражает глубокую благодарность всем, кто поддержал мой народ в его многолетней борьбе, всем, оказавшим незаменимую помощь в подготовке и издании этой книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ МЕСХЕТИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

(Краткий очерк)

ГЛАВА I

История месхети с древнейших времен до II половины XV века

Грузия занимает часть Закавказья и находится на границе между Европой и Азией. Грузины – один из древнейших народов мира, который выстоял в суровых исторических испытаниях и донес до наших дней свою национальную самобытность, язык, культуру.

Предки грузин в основном обитали на территории современной Грузии. Месхети – часть Грузии, расположенная в бассейне рек Мтквари (Куры) и Чорохи и состоящая из провинций: Самцхе, Джавахети, Кола-Артаани, Шавшети, Тао и Спери. Грузинский историк XVIII века Вахушти Багратиони писал: «Имя же страны этой есть собственно Картли, потому что является она уделом Картлоса, от кого и названа Картли...». Далее историк повествует, что юго-западная часть Грузии, охватывающая верховья реки Куры и часть Чорохского бассейна, вплоть до моря, уже при сыне легендарного прародителя картвелов (грузин) Картлоса – Мцхетосе именовалась «Верхней Картли» и по всем другим источникам эта область Грузии называлась «Верхней Картли», хотя в различные периоды именовалась и Месхети, и Тао-Кларджети, и Самцхе-Саатабаго.

Последние лингвистические и археологические исследования свидетельствуют, что территория позднейшей «Верхней Картли», или Месхети, входила в ареал расселения носителей общекартвельского языка, т.е. древнейших предков грузинс-

ких племен (IV-III тысячелетия до нашей эры).

Согласно ассирийсим и урартским источникам, здесь во II-I тысячелетиях до нашей эры появились племенные обьединения Дайаени-Диаухи (это наименование сохранилось в названии грузинской провинции Тао), а также мушков (это название увязывается с наименованием месхов). Также согласно сведениям греко-римских авторов, эта область в античную эпоху именуется страной мосхов; здесь же упоминаются Мосхийские горы.

В начале II тысячелетия до н.э. среди картвельсих племен выделились карты (иберы), мегрело-чаны и сваны. Античные авторы единогласно относят мосхов к картвельским племенам, только одни причисляют их к иберам, другие к колхам.

Эти грузинские племена в VI-IV вв. до н.э. создали в Западной и Восточной Грузии государственные объединения. Колхидское (Эгрисское) царство возникло в Западной Грузии в VI в. до н.э. На территории же Восточной Грузии в то же время возникло Картлийское или Иберийское царство, столицей которого являлась Мцхета. Притом уже с того времени название одного из древнейших грузинских племен «месхи» являлось собирательным наименованием всех жителей этого края. Они, очевидно, играли значительную роль в формировании картлийского царства. Ученые даже полагают, что название столицы этого царства – Мцхета восходит к этническому термину – Месхета. Месхети со всеми входящими в нее провинциями – Самцхе, Джавахети, Артаани, Кларджети, Тао и другими – входила в состав Картлийского царства. Нынешние Адигенский, Ахалцихский, Аспиндзский и Ахалкалакский районы Грузии являются лишь небольшой частью исторической Месхети.

Поскольку месхи-мусульмане в 1944 году были высланы именно из этих районов, мы изложим здесь в основном историю этой части Грузии.

В IV в. до н.э., когда в Восточной Грузии образовалось древнегрузинское государство – Иберийское (или Картлийское) царство, месхи вошли в состав Одзрхийского, Цундского и Кларджетского эриставств[1]. Одзрхийское эриставство охватывало территорию современного Адигенского и Ахалцихского районов, а также нынешнюю Аджарию. Древнейшим центром коренных обитателей Месхети – собственно месхских племен был Одзрхе (современный Абастумани).

Цундское эриставство включало в себя Аспиндзский и Ахалкалакский районы, а Кларджетское эриставство занимало ущелье реки Чорохи. На юге Месхети граничила с Армянским царством, с которым месхи совместно с другими древнегрузинскими племенами во II-I вв. до н.э. вели войны, закончившиеся в I в. н.э. расширением территории Месхети на юге. В I-IV вв. н.э. Месхети была процветающей областью Грузии.

С первых веков нашей эры в этой области распространяется христианство, а в 30-х годах IV века, как и в остальной Картли, оно утверждается и здесь как господствующая религия.

О процветании земли месхов свидетельствует сообщение византийского историка VI в. н.э. Прокофия Кесарийского, который писал, что «горы Месхети не скудны, не лишены плодородия и всяческих благ, ибо месхи искусные земледельцы. Имеются там и виноградники».

В последующие века Месхети, несмотря на политические перипетии, в результате которых она иногда оказывалась отторгнутой от остальной Картли, всегда оставалась в этнополитическом и этно-культурном отношении неразрывно связанной с другими грузинскими политическими образованиями. Ведущим разговорным, книжным и церковным языком всегда был грузинский.

В VI в. н.э. Грузия была поделена между Византийской империей и Сасанидским Ираном. Месхети оказалась в сфере влияния Византии, которая поставила правителем этой части Грузии потомка царя Вахтанга Горгасала по имени Гуарам. В VII в. после захвата Грузии арабскими войсками положение

[1] Эриставство – административная единица в древней Грузии.

Месхети ухудшается. Особенно опустошительным оказался поход Мурвана Глухого в 736-738 гг. Арабы разрушили древний город Одзрхе. Вследствие эпидемии чумы население Месхети значительно сократилось. Тогда попытки Мурвана Глухого распространить в Месхети мусульманскую религию не увенчались успехом.

Со II половины VIII в. экономическое и политическое положение Месхети начало улучшаться. Об этом рассказывается в древнегрузинском агиографическом источнике – «Житии Серапиона Зарзмели», где излагается история ущелья реки Коблиани, входящего в современный Адигенский район. В «Житии» указывается, что правителем ущелья Коблиани во II половине VIII века был крупный землевладелец Георгий, дворцы которого находились в селе Чорани. Георгий построил церковь в селе Зарзма.

В IX-X веках в процессе борьбы против иноземных захватчиков и развития феодальных отношений на территории Грузии постепенно формируются отдельные феодальные царства и княжества. Одним из них становится Тао-Кларджетское княжество, во главе которого стоял род Багратиони и которое охватывает всю историческую Месхети.

Таким образом, в начале IX в. правителями Месхети становятся представители рода Баргатиони, которые были по происхождению месхами из южной области Месхети-Спери, имевшие свои личные вотчинные владения в этой области. Они учредили здесь Тао-Кларджетское месхское княжество, именовавшееся «Грузинским царством». Столицей княжества стал город Артануджи, находящийся ныне в пределах Турции. Особого расцвета Тао-Кларджетское княжество достило во II половине X в., в период правления Давида III, который положил начало политическому объединению всей Грузии. Он объединил Восточную и Западную Грузию в единое царство и поставил царем объединенной Грузии своего приемного сына Баграта (ум. в 1014 г.).

Следовательно, именно Тао-Кларджетское княжество сыграло ведущую роль в борьбе за объединение Грузии, завершившееся в XI веке образованием единого феодального грузинского государства.

В раннефеодальную эпоху Месхети (Тао-Кларджети) занимало среди грузинских царств и княжеств ведущее положение не только в политическом, но и в культурном отношении. Дошедшие до нас письменные памятники свидетельствуют о высокоразвитой экономике, ремесленничестве и сельском хозяйстве края, населенного месхами. Большой культурный подъем Тао-Кларджети выразился в интенсивном монастырском движении. Месхети превратилась в мощный очаг средневековой грузинской культуры и просвещения того времени. В монастырях Хандзта, Шатберди, Бана, Хахули и во многих других протекала бурная научно-просветительская деятельность, создавались замечательные агиографические, богословские произведения, переводились, перепесывались и расписывались церковные книги. Здесь, наряду с развитием оригинальной грузинской письменности, большого развития достигла и гимнография. В X веке Микэлом Модрекили в Ошки был создан обширный сборник гимнографических песнопений. Интересно, что вообще первые сведения о грузинской музыке также связаны с месхами, с Месхети.

В Месхети строились блестящие архитектурные памятники, входящие в золотой фонд грузинского средневекового зодчества, здесь была создана своеобразная школа златокузнечества. Известно, что и великий грузинский поэт Шота Руставели был родом из Месхети. Свое культурное значение Месхети сохраняет и в последующие века.

Начиная с X века, вместо разрушенного Одзрхе постепенно начинает возвышаться город Ахалцихе, который до того был известен под названием Ломсианта. Согласно сообщению древнегрузинского исторического источника, в IX в. один из правителей Месхети – Гварам Багратиони – воздвиг здесь большую новую крепость, вследствие чего Ахалцихе превратился в новый административный центр Месхети.

В XI-XIII веках Месхети является одной из крупнейших административных областей (эриставт-этиставств) единой Грузии, во главе которой стоит княжеский род Джакели.

В период могущества единой Грузии правителями Месхети были военачальники грузинского царского двора. В 1089 г. военачальник Месхети Боцо Джакели принял участие в восстании против царицы Тамар, за что и был наказан.

Вместо него военачальником Месхети Тамар назначила Иванэ Торели, известного под именем Иванэ Ахалцихели. После смерти Иванэ, Месхети (Самцхе) правил прославленный полководец Шалва Ахалцихели. Иванэ и Шалва Ахалцихели совершили беспримерный подвиг в Басианском сражении, в котором грузинские войска под их предводительством наголову разгромили султана Эрзинка Рукнаддина (1204 г.).

После нашествия на Грузию монголов Шалва Ахалцихели начал бороться против них. Начиная с 20-х годов XIII века, в Месхети возвышается феодальный род Джакели. После мученической кончины Шалвы Ахалцихели царица Грузии Русудан назначает правителем Месхети Иванэ-Кваркваре Джакели, который также прославился своей борьбой с монгольскими завоевателями.

Монголы разделили Грузию на восемь областей. Месхети являлась шестой областью, правителем ее монголы назначили Иванэ-Кваркваре Джакели. Крупные князья во главе с Иване Джакели готовили заговор против монголов. Заговор был раскрыт, участники схвачены и отправлены в Аниси, где подверглись жестокому наказанию – их раздели до пояса и бросили на центральной площади на солнцепеке. Когда один из участников заговора – правитель Мегрелии Цотнэ Дадиани, – случайно избегнувший пленения, узнал об этом, он прискакал в Аниси, также разделся и лег рядом с подвергавшимися наказаниям товарищами. Изумленные его поступком монголы спросили, почему он так поступил? Цотнэ ответил, что товарищи его невиновны, и если можно наказывать невинных людей, пусть будет наказан и он. Благородное самопожертвование Цотнэ Дадиани убедило монголов в невиновности пленников, и они всех их освободили, оставив Цотнэ заложником.

Во II половине XIII века военачальником Месхети был Саргис Джакели Цихисджварели. В 1260 г. царь Грузии Давид

Улу совместно с Саргисом Джакели поднял восстание против монголов. Сражение произошло в теснинах Боржомского ущелья, возле села Ахалдаба.

Несмотря на большие потери, понесенные монголами, грузинские войска вынуждены были отступить. Давид Улу и Саргис Джакели решили вступить с монголами в мирные переговоры. С этой целью они в начале 1262 г. отправились в Монголию. Переговоры завершились успешно. Монголы отправили в Грузию царя Давида Улу и Саргиса Джакели с тем условием, чтобы в ближайшем будущем они явились к ним с войском. Впоследствии взаимоотношения Давида Улу и Саргиса Джакели испортились. Противники Саргиса Джакели убедили Давида Улу в том, что Саргис собирается отъединиться от него. И осенью 1266 г. военачальник Месхети был пленен. Разгневанный изменой царя, Саргис Джакели обратился к монголам за помощью и попросил помочь ему выделить его княжество из состава Восточно-Грузинского царства и непосредственно подчинить его монголам. Таким образом, в конце 60-х г. XIII века от Грузии отпала значительная часть территории Восточной Грузии, начиная с Ташискари (близ Боржоми) до Эрзерума. Несмотря на это, между Месхети и остальной Грузией не прерывались экономические и культурные связи. После Саргиса военачальником стал его сын Бека (1285-1306 гг.), который был прозорливым политиком, талантливым полководцем и госурдарственным деятелем. Для лучшего внутреннего управления Месхети он составил свод законов, который успешно применялся и в других княжествах Грузии. Благодаря своему влиянию и авторитету Бека способствовал тому, что царицей Грузии стала его дочъ Натела, вышедшая замуж за царя Деметрэ. От нее у царя Деметрэ был единственный сын, воспитывавшийся у деда Бека. Это был царевич Георгий, в дальнейшем царь Георгий Блистательный, который сумел вновь объединитъ Грузию.

В годы правления Бека в пределы Южной Грузии вторглись турецкие племена под предводительством Азата-Мусы. Против них первым выступил сын Бека, Саргис, который победил турок, после чего 12-тысячная армия Бека окончательно разгромила 30-тысячную армию турок.

После смерти Бека правителем Месхети стал его сын Саргис II (1306-1334). В Грузии в это время на престол взошел племянник Саргиса Георгий Блистательный (1314-1346). После смерти Саргиса II, Георгий правителем Месхети назначил своего двоюродного брата Кваркварэ, сына Саргиса. Таким образом, Месхети вновь соединилась с царством Грузинским, благодаря Георгию Блистательному, который вернул Месхети в лоно единого грузинского государства, в составе которого она оставалась до второй половины XV века.

В XIV веке один из правителей Месхети – Джакели получает высокой придворный титул атабага (везир царского двора, воспитатель наследника престола). Отсюда возникло название Месхети – Самцхе-Саатабаго (Самцхийское атабагство, наименование «Самцхе» – от «Месхи»).

Новая, трагическая эпоха в истории Месхети и месхов наступает с XV века, когда единая Грузия распалась на несколько самостоятельных государств, среди которых было и княжество Самцхе-Саатабаго. Особо тяжелым оказалось положение Месхети во время нашествия на Грузию Тамерлана. Не улучшилось оно и в дальнейшем.

В особенно критическом положении оказалась Месхети после того, как в мае 1453 г. османский султан Мехмед II взял столицу Вузантии Константинополь, который затем был переименован в Стамбул.

Сложные условия, в которых оказалась вся Грузия, усугублялись еще и тем, что в результате открытия Северного пути из Европы на Восток, Грузия оказалась вне экономических интересов европейских стран. Все это усугубляло процесс экономического и культурного упадка страны.

Единство Грузинского государства окончательно было нарушено экономической разрухой. В XV веке процесс распада единого царства усилился, а в XVI веке Грузия распалась на отдельные политические самоуправляемые единицы.

Раздробленная Грузия превратилась в арену непрерывных междоусобных войн. Как и другие грузинские политические образования, Самцхе–Месхети – стала объектом постоянных посягательств со стороны агрессивных соседей – Сефевидского Ирана и государства турок-османов.

ГЛАВА II
Образование турецкого государства и последствия этого для Грузии

В XV в. на юго-западе Грузии появился новый опасный враг – Османсая Турция. Предки османских турок пришли в Малую Азию из Средней Азии в XIII в.

Часть кочевого (туркменского) племени огузов – с вождем из династии сельджуков – в 970 году располагалась в районе Бухары. В X веке они приняли ислам. В то время часть Ирана, Средняя Азия (Афганистан) принадлежали султану Мухаммеду I государю Газнави. В 1009 году он переселил сельджуков в Хорасан (область Северного Ирана). Турки, оставляя Хорасан, двинулись в поход, и разоряя все на своем пути, дошли до Кухистанской степи и Иракской горы, а часть их расположилась в Азербайджане. Вскоре многие турки вернулись обратно в Хорасан. Под командованием Тогрул-бега и его братьев они вступили в Хорасан (1038-1063) и подчинили себе всю область. В 1040 г. турки нанесли поражение государю Газни Султану Махмуду. Войска Тогрул-бега в 1045 г. завоевали Хамадан, в 1050 г. – Исфахан (область Ирана), в 1054 г. сельджуки захватили Азербайджан, в 1055 г. – столицу Арабского Халифата Багдад. Тогрул-бег был объявлен политическим руководителем Халифата. Так образовалось большое сельджукское государство. Его столицей сперва был Марв, а позднее – Рей и Исфахан. После покорения Ирана сельджуки произвели опустошительные набеги на Армению и в 1064/5 г. захватили ее столицу Ани, положив конец существованию Армянского царства[2].

В 1065 г. сын Тогрул-бега Алп-Арслан вступил в Грузию и занял город Ахалкалаки. В 1068 г. султан повторил нашествие. Турки подошли к границам Византийской империи. Император Роман Диоген с большой армией двинулся против турок. Бит-

[2] История Азербайджана, под ред. академиков Академии наук Аз.ССР И.А.Гусейнова, А.С.Сумбат-заде. Баку, 1961, с. 154-155.

ва произошла в 1071 г. при Манцикерте (Армения). Алп-Арслан разбил наголову огромную византийскую армию и взял в плен императора Романа Диогена, нанеся этим непоправимый удар империи. Турки заняли господствующее положение на Ближнем Востоке. По договору 1074 г. Византия уступила туркам большую часть своих восточных владений.

Грузия, потерявшая своих союзников, также не смогла противостоять огромному сельджукскому государству. В 1080 г. Султан Маликшах, сын Алп-Арслана, захватил почти всю Грузию и вынудил грузинского царя Георгия II согласиться на ежегодную дань. Но это зависимое положение продолжалось недолго – при царе Давиде Агмашенебели (Строителе) турки были изгнаны из большей части Грузии. На завоеванной же территории они образовали Эрзерумский, Эрзинджанский, Хлатский эмираты и Румско-Конийский султанат. До монгольского завоевания эмираты подчинялись грузинскому царю, а Румско-Конийский султанат представлял собой самостоятельное государство.

После монгольского завоевания Румско-Конийский султанат фактически распался на 12 бейликов[3], а в 1307 году был убит последний султан из династии сельджуков. Бейлики постоянно враждовали друг с другом, сражаясь за верховную власть. Но она в конце концов досталась не самому крупному и развитому бейлику, который постоянно был под жестоким надзором завоевателей, а маленькому бейлику на северо-западе Анатолии. Это был бейлик Икта, пожалованный Эртогрул-бею конийским султаном с той целью, чтобы тот осуществлял пограничную службу. Сын Эртогрула и его сын Орхан оказались много удачливее своих собратьев. Орхан отвоевал в 1326 году Бурсу (древняя Пруса) у византийцев, сделав ее своей столицей. Слабый малоразвитый бейлик превратился через полтора столетия в мировую державу.

Головокружительные военные успехи турок-османов начались в XIV веке и продолжались до конца XVI столетия. На

[3] Бейлик – самостоятельная единица в княжестве.

вершине своей славы османы владели землей от Вены – на севере, до Адена – на юге, от Багдада – на востоке, до Алжира – на западе. В 1352 году османы переправились через Дарданеллы на европейское побережье и стали методически завоевывать Балканы. В 1362 году они заняли Адрианополь и сделали его своей столицей под названием Эдирне.

Византийский император, у которого остался лишь город Константинополь с небольшим районом, сделался вассалом турецкого султана. В том же 1362 году турками был захвачен болгарской город Филиппополь (Пловдив), а через два года болгарский царь превратился в вассала турок. После этого Болгария пять веков находилась под турецком игом. Через полстолетия участь Болгарии разделили Сербия и Босния.

Параллельно с завоеваниями в Европе шло расширение Османской империи в Анатолии. В 1356 году была взята Анкара. Монгольская власть повсеместно уже пала к тому времени, бывшие немногочисленные завоеватели растворились среди тюрок, и османам противостояли лишь различные мелкие бейлики. К концу XIV века все они были завоеваны султаном Баязидом, который готовился к захвату Константинополя, осадив его в 1400 году. Довольно неожиданные события помогли тогда Византии: среднеазиатский завоеватель Тимур, до того опустошивший Иран и Закавказье, вторгся в Малую Азию. Уверенный в своих силах султан Баязид двинулся навстречу Тимуру и дал ему бой под Анкарой 28 июля 1402 года. Но на этот раз победитель сербов, болгар, крестоносцев потерпел страшное поражение. Баязид попал в плен, и Тимур возил его в клетке до тех пор, пока Баязид не умер.

После длительных междоусобиц на престоле в Эдирне укрепился Мехмед I, который восстановил единство страны, а его сын Мурад I стал вновь расширять османские владения. В царствование Мехмеда II (1451-1481) 29 мая 1453 года пал последний оплот Византии – Константинополь, который был переименован в Стамбул. Так был положен конец Византийской империи. Народ страны был подвергнут насильственному омусульманиванию. Но вследствие того, что многие османы

представляли собой отуреченных христиан, они оказали определенное влияние на развитие культуры Османской империи. В 1461 году та же участь постигла Трапезундское царство, вследствие чего Грузия стала граничить с Османской Турцией.

Ударная сила османской армии в дни ее успехов состояла из пехоты – янычар. Регулярные пехотные войска, верные лично султану, стали создаваться примерно с 1330 года из пленных христиан. Затем стали специально собирать мальчиков от 8 до 20 лет среди христиан Румели (европейской части Османской империи). Каждые три-пять лет специальные отряды отбирали лучших мальчиков из сербов, боснийцев, албанцев, болгар, греков. Их воспитывали в духе исламского фанатизма в турецких семьях, обучали в особых военных школах. Они-то и пополняли ряды полков янычар (по-турецки «ени-чери» – «новое войско»). Также составлялись экипажи военно-морского флота, где командный состав набирался обычно из омусульманенных греков и лазов.

Преданные султану янычары представляли собой грозную силу. Некоторые из них достигали самых высоких гражданских и военных постов. Свободнорожденному мусульманину было гораздо труднее стать визирем, чем бывшему рабу. Подсчитано, что с 1453 года по 1600 год (в течение 147 лет) из 48 великих визирей только четверо по происхождению были турками, остальные же – албанцами, сербами, боснийцами и т.д.

У османов не существовало дворянства. Человека знали по имени, ценили по делу; его происхождение, родовитость имели меньшее значение. Талантливый или удачливый человек, (но обязательно мусульманин!) мог подняться до любого уровня ниже султана. По исламскому праву, никто из потомства мусульманина, даже сын рабыни, не считался незаконнорожденным, что могло бы закрыть путь к продвижению вверх человеку с самого рождения. Матерью же османа могла быть женщина любого вероисповедания и нации.

С самого же начала XVI века между Ираном и Османской Империей вспыхнула война. С 1533 по 1555 годы эти войны

между двумя государствами велись беспрерывно. Ареной персидско-турецких войн стали Армения, Грузия и Азербайджан. Воюющие государства грабили и разоряли эти страны. Грузия, не покоряясь захватчикам, вела борьбу как с Турцией, так и с Ираном. В это трудное время возобновилась междоусобная война в самой Грузии, что значительно ослабило ее.

В результате многолетних войн между Османской Турцией и Ираном, турки надолго закрепились в Ираке и разделили с персами сферы влияния в Армении и Грузии. Однако в Грузии в целом еще долго сохранялись свои цари и князья, хотя южная часть ее (Месхети) к концу XVI века была присоединена к Турции, а население постепенно отуречено.

Кратко взглянем на дальнейшую судьбу Турецкого государства.

Османская империя была одним из самых крупных государств в мире в тот период. Перед султаном трепетали европейские монархи. Но начиная со второй половины XVII века, вплоть до конца XVIII века, обострение кризиса османского военного феодализма привело к падению империи. В XVIII веке победы Турции стали редкими, поражения же – обычным делом.

В конце XIX века за границей было создано тайное политическое общество противников султанского режима, которых стали называть младотурками. Младотурки выступали за конституционную монархию, буржуазные свободы, за единение всех народов Османской империи. Вскоре они скатились до откровеного шовинизма в национальном вопросе.

В 1908 году произошла верхушечная младотурецкая революция, заставившая султана Абдул-Хамида II ввести в действие конституцию и созвать парламент. В 1914 году Турция была вовлечена в первую мировую войну на стороне Германии. Война закончилась для Турции полным поражением. В октябре 1918 года был подписан акт капитуляции. Правительство младотурков бежало. Некоторые территории собственно Турции были оккупированы войсками Англии, Франции, Италии. Началось национально-освободительное движение патри-

отически настроенных офицеров. Руководителем движения стал молодой генерал Мустафа Кемал-паша. В дальнейшем его сторонников стали называть кемалистами.

23 апреля 1920 года в Анкаре был созван новый меджлис (парламент), принявший название Великого национального собрания Турции, образовавший правительство во главе с Мустафой Кемалем. В войне с Грецией, чьи войска вторглись в Анатолию и дошли почти до Анкары, турецкая армия нашла силы сперва остановить греков, а затем перейти в контрнаступление и окончательно разбить их в сентябре 1922 года.

Кемалисты стали самой влиятельной силой в стране. 29 октября 1923 года Великое национальное собрание объявило Турцию республикой, избрав первым президентом Мустафу Кемаля. Новой столицей республики стала Анкара. Через несколько месяцев был упразднен Халифат, а халиф был немедленно выдворен из страны. С 1928 года ислам перестал быть государственной религией, и Турция стала светской республикой. Название Османская империя стало достоянием истории. Принятие 20 апреля 1924 года новой конституции показало, что кемалисты настроены идти по европейскому пути. С 1 января 1929 года вместо арабского алфавита был введен новый алфавит, основанный на латинице. С 1 января 1935 года в Турции стали вводиться фамилии, до этого у человека было лишь имя.

Турецкая нация прошла долгий путь формирования. В этногенезе турок принимали участие в основном среднеазиатские, малоазиатские, балканские, кавказские элементы. Чисто тюркского лица в Турции почти не увидишь. Они почти целиком растворились в европеидном местном населении. Таким был, например, истинный турок, известный поэт Назым Хикмет, дед которого был польским офицером, а бабка – хорватского происхождения. Многие турки сообщат вам, что в их жилах течет венгерская, албанская, черкесская кровь, но по воспитанию и языку они далеко отошли от своих предков. Народ этот отличается храбростью, вежливостью, честностью, гостеприимством. Турки – необыкновенно гордый народ, и хотя многие из них живут очень бедно, но никогда не попрошайни-

чают. Всех турок отличает горячая любовь к своей стране[4].

Таким образом, Турция ныне – во многом европеизированное государство. Такова сегодняшняя действительность.

А теперь вернемся вновь к историческим временам, когда турки жестоко покоряли грузинские владения, насильственно принуждая народ принять мусульманскую религию.

ГЛАВА III
Образование самостоятельного княжества Самцхе (Самтавро)

В 1446 году на престол Грузии вступил брат Вахтанга IV Георгий VIII, царствование которого прошло в попытках отстоять унаследованную от предков власть. Против него поднялись правители крупных областей, в первую очередь – атабаг Самцхе. В это время в Самцхе (Месхети – нынешние Ахалцихский, Адигенский и Аспиндзский районы) шла внутреняя борьба. Феодал Кваркварэ Джакели оспаривал власть атабага[5] у своего племянника Агбуга.

В этой распре царь Грузии Георгий принял сторону Агбуга и навсегда восстановил против себя Кваркварэ, который был высокомерным, честолюбивым смутьяном, но одновременно мужественным и отважным воином. Правда, после смерти Агбуга, в 1451 году, звание атабага царь пожаловал Кваркварэ, но тот, стремясь к самостоятельности, продолжал действовать против царя. Он предложил Баграту – Кутаисскому эристави[6] потомку царя Давида Нарина, отложиться от царя Георгия и обещал ему помощь всеми своими силами. Баграту это предложение пришлось по душе, он отложился и захватил Имерети. Услышав об этом царь Георгий приказал Кваркварэ (ибо

---

[4] См. Гачечиладзе Р.Г. Турция. М., 1983, с. 39-96.

[5] Атабаг – титул главы феодального рода в Самцхе.

[6] Эристави – титул владетельного князя, глава народа-войска.

считал его своим сторонником, а не Баграта) собрать войско в Самцхе-Кларджети и перейти через Персатские горы в Имерети. Кваркварэ с собранным войском медленно двинулся в путь, выжидая исход борьбы между царем Георгием и Багратом. Когда же он, поднявшись в горы для перехода в Имерети, узнал о поражении царя Георгия, то повернул свое войско обратно и возвратился в Самцхе, решив также отложиться и покорить эриставов земель Самцхе-Кларджети. Прослышав об этом, царь Герогий выступил с войском в Самцхе. Кваркварэ не смог противостоять Георгию, которого поддержали эристави этой земли, и бежал в Имерети к Баграту. Баграт принял его и вместе они стали готовиться к войне с царем Георгием. Вскоре Кваркварэ в сопровождении Баграта выступил с войсками и в 1463 году вновь захватил Самцхе-Кларджети. Баграт возвратился в Имерети и оттуда постоянно оказывал помощь атабагу Кваркварэ в его борьбе с эристави этих земель, которые стремились вновь примкнуть к царю Герогию. Война с ними вынудила его обратиться за помощью также к Кахаберу Гуриэли и отдать ему Аджара и Чанэти[7].

Гуриэли со своим войском вместе с Багратом пришли на помощь Кваркварэ и начали воевать с эристави, некоторые из них были убиты, другие покорены, а третьи, как например Заза Панаскертэли, ушли в Картли к царю Георгию. Кваркварэ захватил земли и замки Самцхе-Кларджети и назвал свои владения Саатабаго (то, что принадлежит атабагу). Царь Георгий был сильно встревожен этими событиями. Он собрал войско и подошел к озеру Тавпаравани, откуда через посланника обратился к атабагу и месхам с предложением вновь подчиниться ему, соединиться в единое государство.

Кваркварэ, испугавшись что месхи отойдут от него, со своими сторонниками внезапно напал на царя, одолел царское войско и захватил Георгия в плен у Тавпаравани в 1465 году, взял его с собой и заключил под стражу. Ему удалось после этого полностью захватить все земли и укрепить свое саатабаго. В самостоятельное княжество выделилось владение феодалов Джакели, которое отныне стало называться Самцхе-Саатабаго. Джакели титуловали себя «атабагами Грузии и спасаларами[8] Самцхе» с резиденцией правителей в городе Ахалцихе. Обычно же их называли атабагами Самцхе (См. генеалогическую таблицу рода феодалов Джакели на с. 37-38).

Это был обширный край, границы которого простирались от Боржомского до Чорохского ущелья, на юге он доходил до реки Аракс и тянулся до города Эрзерум.

В составе Самцхе-Саатабаго (Месхети) входили следующие провинции: Самцхе, Джавахети, Аджара, Шавшети, Кларджети, Тао, Спери, Имерхеви, Кола, Артаани, Басиани и другие. Эти провинции являлись центром высокой для того времени культуры.

Как мы уже упоминали, знаменитая династия царей Грузии Багратиони свое происхождение вела из провинции Спери (нынешний Испир в Турции).

Наибольшую пользу из создавшегося положения извлек Баграт: переехав в 1466 году в Картли, он обьявил себя ее царем.

Кваркварэ понял, что просчитался – от слабого и миролюбивого Георгия царская власть теперь перешла к сильному и властолюбивому Баграту. Это было вовсе не в интересах атабага, и он поспешил выпустить Георгия из плена. Получив свободу, Георгий VIII попытался вернуть потерянное. Но было уже поздно – на стороне Баграта оказалось большинство влиятельных азнауров[9].

Не добившись успеха, Георгий примирился с судьбой и удалился в Кахети. Так образовалась особая кахетинская ветвь Багратионов, и было положено начало Кахетинского царства. Баграт, не признавая политической самостоятельности самцхийского атабага, решил подчинить себе мтавара[10] Кваркварэ с его владениями.

[7] Чанэти – восточная часть Лазистана.

[8] Спасалар – военный министр.

[9] Азнаур – знатные дворяне; влиятельные азнауры порой не подчинялись даже царю.

[10] Мтавар – великий князь.

В 1535 году царь Баграт двинул войско на Самцхе. Сражение произошло в Мурджахети. Атабаг Кваркварэ потерпел поражение, был взят в плен и все его владения отошли к Баграту. Группа феодалов Самцхе-Саатабаго во главе с Отаром Шаликашвили вывезла сына атабага Кваркварэ – Кайхосро в Стамбул и обратилась за помощью к турецкому султану.

В 1543 году 22-тысячное турецкое войско напало на Самцхе-Саатабаго. Бой произошел в Карагаки (вблизи Эрзерума) и кончился полным поражением турок. Сын атабага, Кайхосро, вместе со своими приближенными, снова бежал в Стамбул. После этого поражения султан направил в Грузию еще более многочисленное войско. Объединенное грузинское войско встретило неприятеля в Басианской долине, на границе с Эрзерумской областью. Сражение произошло у Сохоисти (1545 г.). Грузины смело атаковали лучше вооруженного противника, но исход сражения предрешила измена: отряды тавадов-месхов в самый разгар битвы ушли с поля сражения. В неравном бою грузины понесли большие потери и отступили. Турки заняли Самцхе-Саатабаго и посадили атабагом Кайхосро. В результате этой победы турки прочно укрепились в Самцхе-Саатабаго. К началу XVI века самцхийские атабаги вышли из длительной борбы, которую они вели с грузинскими царями.

К этому времени атабаг превратился уже в фактически самостоятельного государя. В процессе этой борьбы атабаги извели в этой части Грузии эриставов, сторонников царя – частью перебив их, частью изгнав, а их земли и должности раздали своим ставленникам. Так же поступили атабаги и с церковными феодалами – епископами. Атабаги отторгли у царя целый край – Джавахети – и присоединили его к своему княжеству.

Владения атабагов были менее защищены от нападений могущественных соседей, чем остальная Грузия. С запада к Самцхе примыкала Турция, а с юга и юго-востока – Иран. Взоры обеих держав были жадно устремлены на слабого соседа. Атабаги не могли рассчитывать на свои силы в борьбе с такими могущественными противниками.

В то же время они не хотели вступать в союз с картлийским или имеретинским царями, опасаясь, что призванные на помощь для борьбы с внешним врагом, эти цари отнимут власть у самих атабагов.

Поэтому владетели Самцхе предпочитали договариваться с иноземными захватчиками, рассчивывая изъявлением покорности и богатыми дарами заслужить их благоволение. Трудно было одинаково угодить обоим алчным соседям; то Иран упрекал владетелей Самцхе в вероломстве, то Турция.

Их войска поочередно разоряли Самцхе. В результате турецко-иранского договора 1555 года, княжество Самцхе-Саатабаго было разделено на две части. Большая из них отошла к Ирану. Но Турция вскоре отторгла у Ирана всю западную часть этого края. (Тао, Шавшети, Кларджети). Положение Самцхе-Саатабаго при атабаге Кваркварэ III было еще тяжелее. Против него восстала значительная группа месхских тавадов[11] во главе с феодальным домом Шаликашвили. Начались нескончаемые межфеодальные войны. В течение шести лет тавады разрушали друг у друга замки и дворцы, сжигали села, причем одни искали поддержки у Ирана, другие у Турции.

Межфеодальные распри не затихали, и царства и княжества не объединились даже перед лицом новой общей опасности. Видя прямую выгоду в распылении сил грузинского народа, Турция всеми средствами стремилась помешать объединению страны.

ГЛАВА IV
Покорение Месхети турками и образование Ахалцихского пашалыка

В 1578 году началась вторая ирано-турецкая война. Турецкий полководец (по происхождению серб) Мустафа Лала-паша двинулся с большим войском для завоевания Закавка-

[11] Тавади (букв. главный) – титул в феодальной Грузии, которому соответствует русский князь.

зья. Иранская армия перерезала путь туркам, и 9 августа севернее Чилдырского озера произошло сражение. Турки одержали победу, и Лала-паша вторгся в Грузию.

Захватив все Самцхе-Саатабаго, он отказался от всякой формы вассалитета, упразднил грузинскую политическую власть, учредил Ахалцихский или Чилдырский пашалык и стал внедрять здесь турецкую социально-политическую систему. Борьба месхских атабагов против турецкого владычества длилась еще 50 лет. Борьбу Картли против турок возглавил царь Симон, а независимость Самцхе отстаивал атабаг Манучар II. Хотя им не удалось изгнать турок, тем не менее, они сумели отстоять национальную самобытность и заставили противника воздержаться от крутых мер, имевших целью быстрое отуречение страны.

В более тяжелом положении оказалось Самцхе-Саатабаго. Турки постепенно приобрели здесь многочисленных приспешников. Некоторые тавады, зарясь на почетные должности и щедрые дары, предавали родину и изменяли соотечественникам, боровшимся за свободу. Вследствие этого атабаг Манучар II вынужден был покинуть Самцхе и искать убежище в Картли у царя Симона. В 1590 году между Ираном и Турцией был заключен мир. По этому миру все грузинские царства и княжества оказались в пределах турецких владений.

Однако борьба грузинского народа против завоевателей не прекращалась. Царь Симон I в течение 42 лет руководил народными силами против завоевателей. Летом 1601 г. царь Симон при сражении с турками у Нахидури попал в плен и был отправлен к султану. Симон долго находился в плену и скончался в Стамбуле. После больших хлопот грузины получили тело покойного царя. Его перевезли в Картли и погребли в Мцхета.

Наиболее тяжелые испытания выпали на долю Самцхе-Саатабаго в XVI веке. Край был настолько разорен и истощен войнами, что по своей способности к сопротивлению оказался слабее других областей Грузии. Феодальный распад Грузинского государства дал здесь свои наихудшие плоды. Помощи

было ждать не от кого, и край сделался жертвой ничем не сдерживаемого произвола захватчиков.

Ревностно старались атабаг Манучар II, а затем его вдова – правительница Елена отстоять национальную самобытность. Но их усилия оказались тщетными. Манучар III был последним, 11-м атабагом. Сей Манучар III занял место, принадлежащее его отцу. Менялись порядки, некоторые омусульманивались добровольно из честолюбия, некоторые насильственно и выходили из подчинения атабага.

О слабости атабага османы донесли арзрумскому паше. В 1624 году арзрумский паша прислал войска, и Манучар III не смог им противостоять и прибыл в Ахалдаба, связался с османами, помирился с ними и снова занял Самцхе. Но здесь продолжались постоянные смуты и, не имея никакой помощи ни от кого, атабаг отправился в Стамбул к султану. Султан милостиво принял Манучара III, вернул ему атабагство, оставив христианином, и отпустил. А по пути домой встретил Манучара III дядя его Бека, пригласил его погостить, принял с честью, однако по настоянию османов, не смея, под страхом смерти, их ослушаться, добавил в пищу Манучара III яд и убил его[12]. А сам отправился в Стамбул и принял мусульманство. Султан дал ему атабагство, все земли атабагства Самцхе и нарекли его Сафар-пашой и пожаловали два бунчука[13]. Затем его отпустили и прибыл он в Самцхе в 1625 году.

Таким образом, в 70-х годах XVI века Турция окончательно захватила Месхети и превратила ее в один из административных округов Оттоманской империи – в Ахалцихский, или Чилдырский (Гурджистанский) вилайет. Во главе вилайета оказался принявший ислам и получивший титул паши представитель рода Джакели – Бека, ставший Сафар-пашой.

Сей Сафар-паша занял все атабагство и правил по османским обычаям. Он переписал страну и обложил христиан да-

---

[12] В. Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976, с. 209.

[13] Бунчук (тюрк.) – длинное древко с острием на верхнем конце, с прядями из конских волос и кистями, являлся знаком власти.

нью: на душу динар, с каждого урожая вместе с фруктами – седьмую часть, на овцу – 2 шаури (10 коп.), на корову – 20 коп., на лошадь и буйвола – 30 коп., а в пользу паши – треть динара, то есть 50 коп. по османским обычаям[14].

Подробная перепись населения Ахалцихского пашалыка[15] указывается в книге академика С.С. Джикия, где каждая деревня этого края, а также список глав семей данной деревни, общая сумма налога указываютая отдельно[16].

Турецкие завоеватели упразднили здесь более передовую систему землевладения и насаждали отсталую османскую систему землепользования. Новые правила землепользования значительно отличались от старых (грузинских). По турецким законам, владеть землей мог лишь служивший в войске, а вступать в войско мог только мусульманин. В силу этого закона земли грузинских феодалов должны были перейти в руки турок.

Перед грузинскими тавадами и азнаурами со всей остротой встал вопрос: принять ислам[17] и вступить в ряды турецкого войска, сохранив таким путем земли, или потерять право землевладения? Это влекло за собой отуречение страны.

Часть грузинских феодалов приняла ислам, часть же покинула край. Крестьянами ушедших феодалов теперь распоряжались новые хозяева. Грузинских мтаваров, тавадов, азнауров и церковно-монастырских владык сменили турецкие паши, санджак-беки, алай-беки, сипахи, джаме[18].

Епископство и монастыри и прежде, вследствие смут между атабагами и неподчинения картлийскому каталикосу, а теперь из-за отступления месхов от христианской веры ослаблялись, у них отнимали пожертвования и вотчины, и они приходи-

[14] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976, с. 209.
[15] Пашалык – область, провинция, управляемая пашой.
[16] С.С. Джикия. Пространный реестр Гюрджистанского вилайта. Изд. АН ГССР. Тбилиси, 1941.
[17] Ислам – в переводе покорность.
[18] Джаме – крупная мечеть – место поклонения.

ли в расстройство от насилия князей. А после захвата османами Тао-Кларджети и Шавшети-Артануджи османы полностью отняли их вотчины и пожертвования. И не осталось более стремящихся к монашеству христиан и уносили из монастырей и церквей святыни, иконы, кресты и мощи в Картли, Имерети. То же происходило в Самцхе, ибо не осталось там епископов и монастырей, так как омусульманивалась знать всей этой земли и стали с тех пор мусульманами[19], и с этих времен умалялось христианство. Верующие скрывали и прятали иконы, кресты и святые мощи; вельможи, которые ненавидели мусульманство, тоже бежали из Самцхе, ибо правил Сафар-паша по воле османов.

Сафар-паша умер в 1635 году. После него правитель назывался уже не атабагом, а ахалцихским пашой[20]. А так как Сафар-паша фирман[21] о власти получил от султана, то по традиции, после смерти отцов дети отправлялись в Стамбул с дарами и их отпускали назад пашами. Так, после смерти Сафар-паши отправился в Стамбул сын его Юсуп и вернулся в Ахалцихе пашой. Был сей Юсуп-паша твердым мусульманином и полностью подчинялся воле османов, особенно арзрумского паши. Юсуп-паша возненавидел христианство и исповедовал магометанство. Умер он в 1647 году.

После его смерти отправился в Стамбул сын его Ростом, родившийся от служанки. Султан дал ему должность паши, и он возвратился и правил, как отец его. И хотя все знатные князья были мусульманами, но жены их и служанки все же оставались христианками. Но при Ростоме султан прислал приказ, чтобы жены мусульман тоже приняли мусульманство. Об этом Ростом-паша сказал своей жене, но она не пожелала изменить своей вере. Тогда захотели ее омусульманить силой и подвергли ее страшным мучениям. Она сбежала от мучителей и решила броситься со скалы, но узнали об этом мучители, схва-

[19] Мусульманин – преданный, покорный.
[20] Ахал-цихе – по-грузински «Новая крепость».
[21] Фирман – приказ.

тили ее и не позволили умереть. Тогда решила она удавиться, но и это ей не дали сделать. После голодания и многих мучений она собралась с силами и, предполагая, что и другие жены находятся в таком же положении, сказала: «Ежели жены всех вельмож оставят Христа прежде меня, и я оставлю, а ежели нет, и я не оставлю». Тогда жены всех вельмож приняли мусульманство. И не видя иного выхода, приняла мусульманство и она.

В эту же пору учредили войско и предписали вотчинникам – паше, бегу, али-бегу, санджаку и аге выводить воинов за свой же счет. При Салим-паше (1690-1701 гг.) великое бедствие терпели месхи от поставленных в крепостях янычар. Хотя месхи были мусульманами, янычары убивали мужчин и насиловали женщин, отнимали имущество. Салим-паша при поддержке месхов послал в Стамбул большие дары и просил отозвать янычар и вместо них поставить кули[22]. Османы вняли его просьбе и прислали кули. Так месхи избавились от этого бедствия.

При Исаак-паше в Ахалцихе сидел мусалим[23] и правил по воле Исаак-паши. Исаак-паша после смерти Иессэ, царя Картли, в 1727 году, был поставлен султаном правителем и владетелем всей Грузии: Самцхе-Саатабаго, всей Имерети, Картли, Лоре-Казах-Шамшадило и Кахети[24]. «Проведенные в Самцхе-Саатабаго турецкие порядки и обычаи, большие налоги и постоянные походы сильно сократили население Месхети. К концу XVI века в этом крае насчитывались 296 опустошенных деревень, а в 344 деревнях было от 1 до 2 дымов»[25].

Границы княжества Самцхе-Саатабаго в XV-XVI вв. не

[22] Кули – гвардия.

[23] Мусалим – последователи ислама называются мусалимами, т.е. «предающими себя богу», одновременно была должность мусалим – заместитель начальника провинции (вилайета).

[24] Вахушти Багратион. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976, с. 217.

[25] Шота Ломсадзе. Из доклада секретарю ЦК КП Грузии от 10.06.1962 года (рукопись).

соответствовали границам образованного в XVI-XVII вв. Ахалцихского пашалыка. Территория Ахалцихского пашалыка, по сравнению с территорией бывшего Самцхе-Саатабаго, была заметно урезана. В XVIII в. значительная часть его исторической территории входила в Карский и Арзрумский пашалыки.

Должность ахалцихского паши после завоевания Самцхе-Саатабаго стала наследственной. Право на наследование получил дом Джакели, который сохранил его почти до конца существовфния пашалыка. Вилайет делился на санджаки[26]. В первой половине XVIII в. число санджаков увеличилось до 24. В санджаке в среднем числилось от 20 до 60 деревень. В Ахалцихском пашалыке должность санджак-бег передавалась по наследству, ее наследовали феодальные семьи Палавадишвили, Эристави, Химшиашвили, Вачнадзе и др.

В XVIII в. в состав АХАЛЦИХСКОГО ПАШАЛЫКА ВХОДИЛИ 24 САНДЖАКА

№	Название санджака	Где сидел бег санджака
1	Ахалцихе	Ахалцихе
2	Ацквери	Ацквери
3	Абастумани	Абастумани
4	Кваблиани	Мохе
5	Верхняя Аджара	Хуло
6	Нижняя Аджара	Кеда
7	Ливана	Артвини
8	Кискини	Кискини
9	Нармани	Нармани
10	Олтиси	Олтиси
11	Панаки	Панаки (Бана)
12	Гола	Дадамини

[26] Санджак – знамя; военно-административная единица в Турции.

13	Чилдири	Карцахи
14	Ахалкалаки	Ахалкалаки (крепость)
15	Хертвиси	Хертвиси
16	Аспиндза	Аспиндза
17	Чечереки	Уравели
18	Поцхови	Дгвири
19	Артаани	Артаани (крепость)
20	Мачахели	Мачахели
21	Таоскари	Таоскари
22	Имерхеви	Веле
23	Шавшети	Сатлели
24	Артануджи	Артануджи

Пашалык занимал территорию в 21950 кв. верст. От него урезаны верховья Куры и Чорохи, т.е. территория равная приблизительно 12280 кв. верст.

Кади и муфтии – главные судьи в Ахалцихском пашалыке – получали акче из судебных доходов. Они утверждались и направлялись на места султаном. В обязанности кади и муфтия входила разведка. Они руководили шариатом[27] по принципу Корана[28]. Шариат являлся самым сильным ассимилятором месхского населения. В первой половине XVIII в. в Ахалцихском пашалыке насчитывалось 15 городов. В Конце XVIII в. в Самцхе-Джавахети осталось только четыре города: Ахалцихе, Ахалкалаки, Хертвиси и Ацквери. Причиной этого являлись те сложные политические события, которые имели здесь место.

Утверждение в Самцхе-Саатабаго турецкого владычества было крупнейшим поражением феодальной Грузии. К XVI веку турки-османы, постепенно завоевав всю Южную Грузию, ото-

[27] Шариат (ясный путь) – совокупность юридических и религиозных норм, основанных на Коране, мусульманское право.

[28] Коран – основной источник вероучения ислама, священная книга, посланная Аллахом.

рвали ее от остальной части страны и в течение трехсот лет выкорчевывали христианское вероисповедание, родной язык, обычаи, насильственно насаждали мусульманскую веру, часть населения подверглась ассимиляции. От Грузии отпал и перестал участвовать в создании национальной культуры край, занимавший треть ее территории и населения. На путь национального вырождения стала одна из наиболее передовых и культурных частей феодальной Грузии, родина Василия Зарзмели, Георгия Мерчуле, Георгия Мтацминдели, Бека и Бешкена Опизари, бессмертного поэта Шота Руставели и многих других.

Законы приспособления и сохранения жизни на протяжении многих поколений вытравили у месхов их исконную сущность, оставив им только право умирать за султанские знамена. Простой народ дольше сопротивлялся турецкому влиянию, дольше сохраняя и религию, и родной язык. Недаром Вахушти Багратиони писал в XVIII веке, что в современной ему Самцхе-Саатабаго «князья и знатные суть магометане, а крестьяне – христиане; однако в Кларджети и крестьяне в большинстве магометане». Следовательно, в XVIII веке уже начался процесс омусульманивания и производительных слоев населения – месхетских крестьян – которые в том же XVIII веке почти все приняли ислам.

Но грузинский народ всегда стремился вернуть себе потерянные территории и веру. Весь XVIII в. прошел в поисках путей освобождения и спасения потерянного края.

К этому времени часть Месхети (Джавахети) обезлюдела. Некоторые населенные пункты были стерты с лица земли. В результате этого исчезло много шедевров материальной и духовной культуры. Разорение иноземными захватчиками этого края Грузии наложило неизгладимый отпечаток на всю Месхети, ее народ, жизнь, культуру.

В поисках путей спасения потерянного края Грузия обратилась к России. Союз с единоверной Россией грузинским политикам всегда казался реальным путем достижения этой цели.

Русская армия была нужна царям Грузии для внутриполитического укрепления страны, для борьбы с внешним врагом;

для того чтобы с ее помощью подчинить непокорных тавадов и мтаваров, вернуть захваченные турками земли Самцхе-Саатабаго, положить конец набегам лезгин, а также оградить Грузию в будущем от агрессивных наступлений Турции и Ирана. Так, одной из причин участия Ираклия II в русско-турецкой войне 1768-1774 гг. было стремление освободить Самцхе-Саатабаго и воссоединить ее с Восточной Грузией. Что же касается России, выступление Грузии на ее стороне должно было сковать крупные силы неприятеля и тем ослабить его на главном театре военно-политических действий русских.

В конце лета 1769 года русский отряд под командованием генерала Тотлебена вступил в Грузию. В марте 1770 года войска Ираклия II вместе с русским отрядом Тотлебена выступили против Ахалцихского паши (Сулейман-паши Джакели). В средних числах апреля русско-грузинские войска осадили крепость Ацкури. Но в самом начале военных действий Тотлебен неожиданно бросил союзника и ушел со своими войсками обратно. Заметив замешательство в неприятельском лагере, турки осмелели и, выйдя из крепости, напали на грузин. Царь Ираклий выдвинул против турок лучшие части, вылазка была отбита, и враг был снова загнан в крепость. На следующий день царь, намереваясь возвратиться в Картли через Джавахети, направился к Аспиндза[29]. Турки задумали окружить и уничтожить грузинское войско. У Аспиндза грузины столкнулись с подошедшими из Ахалкалаки турецкими отрядами численностью в 1500 человек. Царь отборной конницей атаковал неприятеля, нанес ему жестокое поражение и обратил его в бегство.

Через полчаса после схватки со стороны Ахалцихе показался новый лезгино-турецкий отряд до 4000 человек. И хотя генерал Тотлебен предал грузин, военный талант Ираклия снова принес грузинам победу. Враг потерял до трех тысяч убитыми. Остальные попали в плен. Эта битва произошла 23 апреля 1770 года.

Связи Грузии с Россией вызывали большое возмущение Ирана и Турции. В 1795 г. иранский шах Ага Мохаммед-хан с

[29] Аспиндза – (в Южной Грузии) нынешний центр Аспиндского района.

многочисленным войском двинулся на Грузию. Недалеко от Тбилиси, на Крцанисском поле, произошла кровавая схватка, в которой погибло много грузин, среди них 300 арагвинцев и др. Враг вступил в Тбилиси, опустошил его и продолжал поход вглубь страны. Русское правительство вовремя не оказало военную помощь Грузии.

В стране наступил кризис. Над Восточно-грузинским царством нависла большая опасность. В этот тяжелый для страны период скончался Ираклий II и престол занял последний грузинский царь Георгий XII. В 1801 г., после смерти Георгия XII, Грузия утратила свою независимость, она стала колонией царской России.

Потомки последних грузинских царей, продолжавшие претендовать на трон, были высланы в северные города России. А трон и корону увезли в Москву.

В 1811 году была упразднена национальная самостоятельность грузинской церкви, и Грузию насильственно включили в общерусскую систему церковного управления. Система грузинского государственного управления была упразднена. В руках «главнокомандующего Грузии» сосредоточилась как гражданская, так и военная власть. Страна была разделена на уезды, во главе которых стояли царские офицеры. Управление и судопроизводство осуществлялись на непонятном местному населению русском языке. Грузинский язык изгонялся из политической и культурной жизни. Царизм осуществлял политику национального угнетения грузинского народа, хотя в то же время, благодаря России, Грузия была спасена от физического уничтожения.

ГЛАВА V
Присоединение Ахалцихского пашалыка к России

Присоединив Грузию, Россия, стремясь расширить свои владения в Закавказье, отвоевала у Турции исконные грузинские земли. В результате русско-турецкой войны 1826-1829 гг. были освобождены Поти, Ахалцихе, Ахалкалаки, а также десять районов Самцхе.

Главнокомандующий армией в Грузии генерал Паскевич, осадив Карскари, что значит «ворота в Малую Азию», через десять недель взял его. Но дальше, на Эрзерум он не пошел, а повернул обратно в сторону Ахалцихе, угрожавшего его тылу. Пройти туда он мог двумя путями: через Артаани и через Джавахети. Поход на Ахалцихе через Артаани, во-первых, занял бы много времени, а во-вторых, ставил русские полки под удары двух турецких армий Эрзерумского сераскера[30] Коса-паши в двадцать тысяч солдат и семитысячной армии Мустафа-паши. Дорога через Ахалкалаки была и короче и безопасней в военном отношении. По ней Паскевич и двинул свои войска.

Но Ахмед-паша Химшиашвили учел преимущества этого пути для продвижения русских на Ахалцихе и заранее укрепил две крепости – Ахалкалаки и Хертвиси, поручив их защиту своем брату Ферхад-бегу.

Встретив в этом направлении в Чилдырском районе первое препятствие в лице нескольких тысяч карапапахцев, Паскевич легко смел их с пути и осадил Ахалкалакскую крепость.

Сорокатысячная армия Паскевича засыпала крепость градом ядер. Никогда еще Месхети не слышала подобного грома. Спустя час от крепостных сооружений остались только груды развалин. Самого Ферхад-бега нашли на груде трупов.

Хертвисская крепость пала без боя. Тем временем Ахалцихе укреплялся. Первыми в крепостные форты вступили янычары, за ними – женский отряд, во главе которого стоял старик-бег Абашидзе. Потом показались грузинские отряды – остатки личной охраны скончавшегося в Трапезунде имеретинского царя Соломона II, военная свита недавно бежавшей в Турцию владетельной гурийской княжны Софьи и добровольцы – эмигранты, бежавшие сюда от царской расправы и произвола князей и помещиков. Всего набралось до пятисот человек, а навстречу им выступили свыше десяти тысяч бойцов, тоже грузин, завербованных в армию Паскевича.

Коса-паша поджидал прихода десятитысячного отряда лазов[31], и поэтому уклонился от решительного боя. Наконец, не дождавшись лазов, Коса-паша ранним утром решим дать сражение.

Турки четыре раза бросались в атаку, но каждый раз от-

[30] Сераскер – командующий армией в старой Турции.

[31] Лазы – грузины-мусульмане (народ лазо-мегрельской ветви), подданные Турции.

ступали, оставляя на полях сражения сотни убитых и раненых. И когда ряды поредели, Паскевич сам перешел в наступление и загнал противника за крепостные стены.

Опасаясь измены Коса-паши, Ахмед заявил ему:

«Земли эти наши, а вы здесь гости. Вам, конечно, нечего горевать, если вы уйдете отсюда к своим семьям, оставив гяурам наши дома, сады, скот и могилы наших предков. Но зачем нам плестись за вами? Чтобы остаться на чужбине без пристанища? Чтобы умереть с голоду где-нибудь в Аравии, Тунисе или Египте? Нет, лучше смерть на родине, чем скитания в чужих краях. Если вы только вздумаете сдаться урусам, то знайте, что я перевешаю всех ваших офицеров...».

После такого разговора Коса-паша решил, что лучше поссориться с самим шайтаном, чем с этим непокорным народом. Крепость и город задыхались в немилосердных тисках осады. Развязка приближалась. Ахмед-паша предложил Паскевичу заключить на две недели перемирие. Но Паскевич даже слышать об этом не хотел и потребовал сдачи крепости. Ахмед-паша и Коса-паша отказались сдать крепость. Тогда по приказу Паскевича русские войска грозной лавиной, оставляя окопы, с криком «ура» бросились в атаку и ворвались в город.

Отряд янычар, связанный клятвой не отступать и не сдаваться, расстаял как снег, а на смену ему выросли ряды вооруженных женщин, зашагавших через трупы янычар. Пока русские раздумывали как быть с женщинами, в их ряды уже врезались отважные месхетинки со своими женихами, отцами и братьями, служившими им надежными щитами. Теперь брали на штыки и мужчин и женщин. Оставшиеся в живых начали отступать.

Сдавшаяся турецкая армия уходила, совершенно обезоруженная. Впереди на носилках несли раненного Коса-пашу. Из четырехсот его артиллеристов вышли из крепости, вместе с раненными, только пятьдесят человек, а из двухтысячного отряда лазов – едва пятьсот человек. Затем проследовал в окружении бегов Ахмед-паша Химшиашвили. Из шестидесятитысячного населения города Ахалцихе осталось едва пятнадцать тысяч[32].

Итак, 10 августа русские войска осадили Ахалцихе. На

[32] Михаил Джавахишвили. Арсен из Марабды. М., 1936, с. 323.

второй же день по приказу Паскевича начался обстрел города. 15 августа, после 13-часового штурма, русские войска заняли Ахалцихе и турки объявили капитуляцию.

Таким образом, в результате русско-турецкой войны были отвоеваны 10 из 24 санджаков Ахалцихского вилайета – исторические Самцхе и Джавахети. Остальные области Месхети остались в составе Оттоманской империи. Тогда же Ахалцихский пашалык был упразднен.

После отторжения Ахалцихского пашалыка от Турции управляющим Месхети был назначел генерал Василий Бебутов. Он был первым правителем Месхети после присоединения к России.

Вот как выглядит список всех владетелей и управителей Месхети, начиная с XV века:

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА РОДА ФЕОДАЛОВ ДЖАКЕЛИ, АТАБАГОВ САМЦХЕ (МЕСХЕТИ)[33]

Атабаги (христиане)

Джакели Кваркварэ (великий)	1462-1466
Джакели Баадур	1466-1475
Джакели Манучар I	1475-1487
Джакели Кваркварэ II	1487-1500
Джакели Кайхосро I	1500-1502
Джакели Мзечабук	1502-1514
Джакели Кваркварэ III	1514-1535
Джакели Кайхосро II	1535-1573
Джакели Кваркварэ IV	1573-1582
Джакели Манучар II	1582-1614
Джакели Манучар III	1614-1625

[33] См. Багратиони Вахушти. История царства Грузинского. Тбилиси, 1976, с. 193-218.

Паши (мусульмане)

Джакели Бека – Сафар-паша	1625-1635
Джакели Юсуп-паша	1635-1647
Джакели Ростом-паша	1647-1659
Джакели Аслан-паша	1659-1677
Джакели Юсуп-паша	1677-1690
Джакели Селим-паша	1690-1701
Джакели Исак-паша	1701-1705
Джакели Аслан-паша	1705-1708
Джакели Исак-паша	1708-1716 (во второй раз)
Джакели Аслан-паша	1716-1718 (во второй раз)
Джакели Исак-паша	1718-1737 (в третий раз)
Джакели Юсуп-паша	1737-1744
Джакели Исак-паша	1744-1745 (в четвертый раз)
Джакели Хаджи – Ахмед-паша	1745-1758
Джакели Хасан-паша	1758-1759
Джакели Ибрагим-паша	1759-1761
Джакели Хасан-паша	1761-1767 (во второй раз)
Джакели Сулейман-паша	1767-1769
Номан-паша – отуреченный еврей	1769-1770
Джакели Сулейман-паша	1770-1791 (во второй раз)
Джакели Исак-паша Хасанович	1791-1792
Джакели Шериф-паша Сулейманович	1792-1796
Джакели Юсуп-паша	1796-1797
Джакели Сабуд Махмед-паша	1797-1801
Джакели Шериф-паша	1801-1802 (во второй раз)
Селим-паша Химшиашвили – аджарец	1802-1803 (как мусалим – духовный предводитель
Джакели Раджаб-паша	1802-1803
Селим-паша Химшиашвили	1803-1809 (во второй раз)
Джакели Шериф-паша	1809-1812 (во второй раз)
Селим-паша Химшиашвили	1812-1815 (в третий раз)
Мамед Решид-бек – турок	1815-1816
Джакели Лутфи-паша	1816-1818
Хафиз Али-паша из Сиваса – турок	1818-1819
Шахан Али-паша из Бандари – турок	1819-1821
Джакели Ахмед-паша	1821-1824
Джакели Хаджи Салех-паша	1824-1825
Хаджи Кадир-оглы Осман-паша – турок	1825-1826
Джакели Раджаб-паша	1826-1827
Ахмед-паша Химшиашвили	1828-1829

После завоевания Месхети Россией одна из ветвей династии Джакели еще оставалась в Кваблиани – Адигенском районе. Эти Джакели в XIX в. именовали себя атабагами Коблиани. Поместье их находилось в селе Бенара. До 1920 г. здесь проживали Фезуллах-бег и его сын Сервер-бег – атабаг Коблианский.

После присоединения к России правителями Ахалцихского пашалыка были:

Генерал Василий Бебутов	1828 16.8.–1829 II
Барон Остен-Сакен	1829 VII–1829 VIII
Полковник Дрешерн	1829 –1831 III
Полковник Огарев	1831 –1832
Полковник Санаксаров	1832 –1833
Генерал-майор Оранский	1833 –1835
Генерал Горихвостов	1836 –1838
Полковник Аргутинский-Долгоруков	1838 –1839
Генерал-майор Пацовский	1838 –1839
Штабс-капитан Фомин	1839 –1840

Начиная с апреля 1840 года, Ахалцихский пашалык вошел в состав Имеретинской губернии[34].

До взятия Ахалцихского пашалыка русскими войсками население этого края состояло из грузин-мусульман. Кроме грузин-мусульман в Ахалцихском пашалыке проживали в малом количестве переселившиеся в конце XVIII века карапапахи (таракама), по происхождению тюркоязычные племена. В XVI-XVII веках на территорию Ахалцихского пашалыка переселились также курды-кочевники, а с 30-х годов XIX века, уже по инициативе русского правительства, в Месхети началось переселение армян.

Царские колонизаторы всех месхов-мусульман объявили турками. Они считали грузин-мусульман неблагонадежным народом из-за их связей с Турцией и старались выселить их из этих мест как «турок», а их места заселить армянами-христианами. В 1830 г. из Карса и Эрзерума переселили в Самцхе-Джавахети более 5000 семей[35] и поселили в опустошенных городах и деревнях Месхети (Ахалцихском и Ахалкалакском районах).

По Адрианопольскому мирному договору 1829 г. 10 санджаков северо-восточной части Ахалцихского пашалыка – Самцхе-Джавахети официально были присоединены к России: Ахалкалаки, Хертвиси, Аспиндза, Чечереки, Чилдыри, Ахалцихе, Ацквери, Абастумани, Коблиани, Поцхови.

[34] Ш. Ломсадзе, Самцхе-Джавахети. Тбилиси, 1975, с. 252-254.
[35] Ш. Ломсадзе , Самцхе-Джавахети. Тбилиси, 1975, с. 359.

С целью увеличения фонда казенной земли продолжалось притеснение грузинских мусульман. Кроме того, месхскую знать лишили привилегий русского дворянства. Вследствие такой политики многие из них вынужденно покидали родные места и переселялись вглубь Турции. Месхская знать, лишенная возможности получать образование в «благородных» учебных заведениях России, также посылала своих детей в Турцию. Этот процесс продолжался до революции. Колониальное угнетение и безудержная эксплуатация местного населения не имели пределов, вызывая недовольство всех жителей Месхети. Система управления, установленная царизмом, отличалась взяточничеством и произволом местной администрации. Волокита и крючкотворство царских судов не знало границ. Вот что писал фельдмаршал Паскевич императору Николаю I: «Наружный вид благоустройства только прикрывает беспорядки и злоупотребления весьма важные, давно уж укоренившиеся... Народ с ужасом видел, что в судах не находил защиты, а в начальстве покровительства, и, теряя доверенность к правительству, искал нередко удовлетворения самоуправством, а некоторые сбегали в отчаянии за границу»[36].

Тут же следует отметить, что Паскевич как управляющий Грузией сам в немалой степени был причиной происходивших беспорядков.

Во второй половине XIX века передовые грузинские деятели во главе с Ильей Чавчавадзе проводили мероприятия, имевшие целью возрождение в среде месхов грузинского языка, культуры и самосознания. Но они принесли незначительные результаты, так как встретили упорное противодействие со стороны царизма, проводившего колониальную политику по отношению к месхскому населению.

Но, несмотря на такую политику, даже царское правительство официально признавало, что месхи-мусульмане по происхождению были грузинами. Так, в изданном в Тбилиси в 1870 году «Сборнике материалов для описания Тифлисской губер-

[36] История СССР, том II. М., 1955, с. 325.

№ №	Название населенных пунктов	Число дворов	Число жителей	Народность жителей	Вероисповедание жителей
1	2	3	4	5	6
1	Ацкури	129	773	грузины	сунниты
2	Агара	8	15	–"–	–"–
3	Зикилия	47	340	–"–	–"–
4	Цниси	26	178	–"–	–"–
5	Цриохи	32	220	–"–	–"–
6	Цинубани	50	369	–"–	–"–
7	Цохтэви	12	106	–"–	–"–
8	Мугарети	27	222	–"–	–"–
9	Гергицминда	30	220	–"–	–"–
10	Чохта	4	49	–"–	–"–
11	Перса	14	175	–"–	–"–
12	Ткемала	27	213	–"–	–"–
13	Сакунэти	47	320	–"–	–"–
14	Колтахеви	20	124	–"–	–"–
15	Копадзе	4	22	–"–	–"–
16	Блордза	9	56	–"–	–"–
17	Орпола	13	112	–"–	–"–
18	Перисцихе	7	39	–"–	–"–
19	Индуса	17	128	–"–	–"–
20	Тоба	8	40	–"–	–"–
21	Лашихэви	15	113	–"–	–"–
22	Идумала	13	95	–"–	–"–
23	Аспиндза	43	300	–"–	–"–
24	Хертвиси	157	1157	–"–	–"–
25	Маргастани	12	89	–"–	–"–
26	Габиэти	14	100	–"–	–"–
27	Зурзели	18	123	–"–	–"–
28	Ахашени	27	192	–"–	–"–
29	Онгора	18	101	–"–	–"–
30	Сахудабели	14	117	–"–	–"–
31	Варнэти	24	198	–"–	–"–
32	Эркота	3	24	–"–	–"–
33	Ахквита	19	95	–"–	–"–
34	Рокети	13	111	–"–	–"–
35	Толоши	20	115	–"–	–"–
36	Гелсунда	15	107	–"–	–"–
37	Энтэли	5	50	–"–	–"–
38	Орцепи	2	23	–"–	–"–
39	Хеоти	24	184	–"–	–"–
40	Агара	6	47	–"–	–"–
41	Чорчани	2	6	–"–	–"–
42	Горома	8	73	–"–	–"–
43	Цкорза	9	57	–"–	–"–
44	Кисатиби	16	116	–"–	–"–
45	Гиоргицминда	7	41	–"–	–"–
46	Одунда	4	32	–"–	–"–
47	Грели	1	13	–"–	–"–

48	Андриацминда	24	157	–"–	–"–
49	Клдэ	78	606	–"–	–"–
50	Варнэти	14	100	–"–	–"–
51	Панакети	13	105	–"–	–"–
52	Шалошети	17	107	–"–	–"–
53	Толерта	8	94	–"–	–"–
54	Большая Агара	19	163	–"–	–"–
55	Кардзамети	4	50	–"–	–"–
56	Эникеви	19	121	–"–	–"–
57	Уравели	15	113	–"–	–"–
58	Тхилтаубани	2	9	–"–	–"–
59	Хевашени	20	174	–"–	–"–
60	Унца	8	89	–"–	–"–
61	Бенара	9	40	–"–	–"–
62	Цхеро	26	200	–"–	–"–
63	Накурдэве	12	109	–"–	–"–
64	Земо Энтэли	18	146	–"–	–"–
65	Квемо Энтэли	22	182	–"–	–"–
66	Шулавери	16	121	–"–	–"–
67	Шока	8	107	–"–	–"–
68	Боладжури	32	243	–"–	–"–
69	Гоморо	6	90	–"–	–"–
70	Патара Смада	16	156	–"–	–"–
71	Диди Смада	11	142	–"–	–"–
72	Чорчани	14	113	–"–	–"–
73	Диди Занави	18	185	–"–	–"–
74	Цро	14	124	–"–	–"–
75	Адигени	58	326	–"–	–"–
76	Платэ	27	208	–"–	–"–
77	Зэубани	8	66	–"–	–"–
78	Бога	16	124	–"–	–"–
79	Шурдо	14	101	–"–	–"–
80	Свири	47	395	–"–	–"–
81	Чвинта	9	70	–"–	–"–
82	Татаниси	12	93	–"–	–"–
83	Элиацминда	4	29	–"–	–"–
84	Куретубани	10	68	–"–	–"–
85	Двири	6	40	–"–	–"–
86	Микелцминда	1	11	–"–	–"–
87	Цкрути	3	30	–"–	–"–
88	Ани	27	124	–"–	–"–
89	Кикинети	26	162	–"–	–"–
90	Тутджвари	3	24	–"–	–"–
91	Цахкисцкаро	6	49	–"–	–"–
92	Цохани	75	403	–"–	–"–
93	Харджами	24	108	–"–	–"–
94	Абастумани	46	250	–"–	–"–
95	Вархани	52	339	–"–	–"–
96	Млашэ	16	151	–"–	–"–
97	Арзнэ	13	113	–"–	–"–
98	Зэдубани	16	147	–"–	–"–
99	Апиэти	9	103	–"–	–"–

100	Самрме	8	95	–"–	–"–
101	Чечла	29	189	–"–	–"–
102	Гортубани	16	147	–"–	–"–
103	Гугунаури	5	68	–"–	–"–
104	Намикаури	5	63	–"–	–"–
105	Цихисубани	8	75	–"–	–"–
106	Мохе	18	152	–"–	–"–
107	Гагни	6	45	–"–	–"–
108	Дэрцели	10	80	–"–	–"–
109	Кеховани	9	82	–"–	–"–
110	Уткисубани	4	23	–"–	–"–
111	Годерди	14	122	–"–	–"–
112	Зарэма	3	20	–"–	–"–
113	Горгули	5	46	–"–	–"–
114	Карапубани	14	80	–"–	–"–
115	Леловани	31	200	–"–	–"–
116	Амхери	2	36	–"–	–"–
117	Гордис	5	24	–"–	–"–
118	Кахарети	22	113	–"–	–"–
119	Самкурэ	13	100	–"–	–"–
120	Цкисе	10	57	–"–	–"–
121	Зазало	26	161	–"–	–"–
122	Хуро	6	38	–"–	–"–
123	Удэ	35	206	–"–	–"–
124	Царбастубани	10	63	–"–	–"–
125	Марели	7	43	–"–	–"–
126	Хона	7	51	–"–	–"–
127	Орчошани	10	68	–"–	–"–
128	Сабузара	5	29	–"–	–"–
129	Чихели	8	76	–"–	–"–
130	Чурчуто	11	116	–"–	–"–
131	Вале	44	345	–"–	–"–
132	Схвилиси	16	115	–"–	–"–
133	Чала	5	23	–"–	–"–
134	Джависмани	13	142	–"–	–"–
135	Чарали	9	69	–"–	–"–
136	Арджана	9	73	–"–	–"–
137	Аби	11	65	–"–	–"–
138	Арали	4	32	–"–	–"–
139	Хави	5	39	–"–	–"–
140	Анда	9	68	–"–	–"–
141	Катма	16	145	–"–	–"–
142	Ошора Земо	44	357	–"–	–"–
143	Ошора Квемо	41	333	–"–	–"–
144	Ота	20	171	–"–	–"–
145	Хизабавра	7	55	–"–	–"–
146	Алджуа	6	33	–"–	–"–
147	Мурджахети	11	72	–"–	–"–
148	Баралети	2	18	–"–	–"–
149	Котэлиа	3	35	–"–	–"–
150	Оками	47	332	–"–	–"–
151	Аспиа	5	49	–"–	–"–

152	Гогашэни	1	14	–"–	–"–
153	Кицда	3	39	–"–	–"–
154	Квацра	11	89	–"–	–"–
155	Варэви	8	88	–"–	–"–

нии» (т.I, с. 1-34) даны следующие сведения о грузинах-мусульманах (месхах), проживающих в Ахалцихском уезде:

По данным вышеуказанного «Сборника», на территории Месхети проживали, кроме грузин-мусульман (месхов) православные грузины, грузины-католики, армяне, русские, а также курды и таракама, которые иногда в «Сборнике» именуются татарами. По данным «Сборника», курды проживали в следующих селах: Минадзе, Рустави, Цкалтбила, Накалакеви, Цунда, Бертакана, Анакети, Верташи, Мирашхан, Охера, Аланза, Чолда, Тмогви, Тораси, Пиа, Ахчиа, Контиэти, Требони, Хриали, Зедавардзиа, Гавети, Пареха, Арджули, Тисели. Таракама же проживали в селах Мраквали, Ослориа, Вани, Гурбага оглы, Леписи, Бузмарети, Ниала, Гокиа, Кулалиси, Ханчали, Орджалаури, Баткана, Аракали, Кандза, Сагамо, Хавети, Эриджа, Давниа, Азмана, Гарта, Карцепи, Дангали. В 1944 году из Грузии вместе с грузинами-мусульманами были высланы курды и таракама.

По официальным данным 1916 года, национальный состав Месхети, состоявший из Ахалцихского и Ахалкалакского уездов, выглядел следующим образом:

Ахалцихский уезд: всего жителей – 72000, грузин-мусульман –52000, грузин-православных – 8000, грузин-католиков – 6000. Вего грузин – 66000, армян – 4000, курдов – 2000.

Ахалкалакский уезд: всего жителей – 100000, грузин-мусульман –7000,православных грузин – 8000, грузин-католиков – 7000. Всего грузин – 22000, армян – 76000, курдов – 1000, таркама – 1000[37].

Таким образом, в двух переписях царского правительства (1870 и 1916 годов) месхи-мусульмане упоминались как грузины. Но уже при Советской власти эти же люди были названы

[37] П.А. Ингороква. О границах территории Грузии. Константинополь. 1918, с. 12. – На груз. яз.

турками и в 1944 году высланы из Грузии, так как вследствие близости границ Грузии и Турции в военно-политической ситуации того времени они были сочтены неблагонадежными и опасными.

Что касается диалекта, на котором говорили месхи-мусульмане Ф.А. Хаханашвили пишет: «Несмотря на различие в вероисповедании, месхи сохранили много общих национальных черт. Месхи-христиане говорят по-грузински, большинство месхов-мусульман тоже свободно изъясняются на этом языке. Всех месхов связывает также единство их поверий, уцелевших от языческого периода»[38].

А Е.А. Вейденбаум разъясняет более подробно: «Хотя турецкий язык понятен народу, официальным языком, по моему мнению, должен быть грузинский. Этот грузинский язык начал забываться, главным образом вследствие того, что при турецком правительстве вся власть говорила с народом по-турецки и относилась презрительно к грузинскому языку, как к не мусульманскому, так что даже название «грузин» считалось постыдным»[39].

Начиная с XVII века, после завоевания Месхети турками, турецкий язык вытеснил местный грузинский, но тем не менее грузинский язык сохранялся в употреблении в народе. Сегодняшние месхи, говорящие на турецком языке, употребляют более 1000 грузинских слов.

Но все же с месхами случилось то же, что и со многими народами: язык местных жителей заменился языком захватчиков, т.е. в данном случае турецким.

Некоторые сегодняшние восточные народы не говорят на языке своих предков, как например: северо-восточные азербайджанцы, в Средней Азии – хорезмийцы, согдияны и др. Все они говорят на турецком языке, а также месхи и греки, проживающие в Месхети. Но изменение языка, замена его не значит, что вытеснен местный народ. Поэтому сегодняшние месхи не только являются потомками древнейших месхов, но и по сей день сохраняют свои грузинские фамилии, свою культуру, историю и антропологические особенности.

[38] А.М. Хаханашвили. Этнографическое обозрение. 1891, №3.
[39] Е.А. Вейденбаум. Кавказские этюды. Тбилиси, 1901, с. 122.

Начиная с XIX века грузинских мусульман называли «татарами», что значит «монгол». Мусульмане-грузины не были сторонниками ни «османизма», ни «тюркизма»; они называли себя «Иерли» (т.е. местный) и «донма» (обращенный в мусульманскую веру)[40]. В 20-х годах XIX в. среди мусульман слово «грузин» обозначало «христианин». Омусульманившиеся грузины считали себя «турками», грузины-католики – «французами», а православные грузины себя считали «греками» и «русскими». Однако православные не стали греками, а католики – французами, почему же грузины-мусульмане стали «турками»? Хотя турки грузин-мусульман называли «гюрджи-оглы», что значит «сын грузина»

Этот вопрос А. Вейденбаум разъясняет так:

«Не надо повторять ошибку, которую мы сделали после присоединения в 1829 г. Ахалцихского уезда. Мы не знали или забыли тогда, что в этом уезде много омусульманившихся грузин, и, считая их турками, обратились к ним по-турецки. Результат сказался очень быстро: грузинский язык исчез бесследно, и мы при всякой войне с Турцией опасаемся настроения своего мусульманского пограничного населения.

Крайне необходимо также скорейшее устройство начальных школ с преподаванием на грузинском языке»[41].

Но как при турецкой оккупации, так и при царизме для развития месхов оказались закрыты все двери. Колонизаторы держали народ в темноте. Вместо школ почти в каждом селе были построены мечети, при мечетях была однокомнатная (медресе) духовная школа, где мальчики и девочки на чужом для них арабском языке с помощью побоев заучивали наизусть множество молитв.

Из медресе почти все выходили полуграмотные, умея лишь читать на арабском языке, но не понимая смысла прочитанного.

[40] Ш. Ломсадзе. Самцхе-Джавахети. Тбилиси, 1975, с. 538.
[41] Е.А. Вейденбаум. Кавказские этюды. Тбилиси, 1901, с. 120-121.

Несмотря на это, значительная часть месхов-мусульман Ахалцихского и Ахалкалакского уездов говорили на родном языке. Видный грузинский ученый П.А. Ингороква пишет об этом:

«Вплоть до начала XIX века и даже в XIX веке родным языком для грузин-мусульман Самцхе-Джавахети был грузинский язык. В последние времена – в течение прошлого столетия – владение грузинским языком кое-где уменьшилось. В этом большая вина царского режима. Русское правление, чья политика была направлена к ослаблению грузин, всячески старалось помешать сближению грузин-мусульман со своими христианскими братьями. Все грузинское здесь сильно преследовалось. В частности, преследование грузинского языка в этом крае легко представить хотя бы из того факта, что здесь при турецком владычестве в сельских управлениях и на суде употреблялся грузинский язык. Что касается русского правления, то оно ввело в употребление русский и турецкий языки. Русский и турецкий языки также были введены в школах. Такое преследование грузинского языка привело к тому, что в Ахалцихском и Ахалкалакском краях, где все мусульмане-грузины говорили на родном грузинском языке во второй половине XIX века, в некоторых местах начали забывать его. В этих районах старшее поколение до сих про помнит грузинский язык, что касается молодежи второй половины XIX века, то грузинский язык ими постепенно предавался забыванию. Такое положение наблюдается также в Артаанских краях и в районах Поцхови и Таоскари.

Распространение грузинского языка сегодня таково: в Ахалцихском и Ахалкалакском краях среди грузин-мусульман на родном грузинском языке говорят 50-60 процентов населения.

По официальной русской статистике 1916 года, которая в данном случае руководствуется языковым принципом, из 59000 душ грузин-мусульман указано 38000 душ говорящих по-грузински в Ахалцихском и Ахалкалакском краях. В особенности грузинский язык хорошо сохранился в Ацкурском участке, а

также в верхнем Коблиани и в нижнем секторе Уравельского участка»[42].

Следует сказать, что начавшееся в конце XVI столетия отуречение Южной Грузии далеко еще не было завершено даже к началу XIX века. Крестьянство Самцхе-Саатабаго, начиная с I половины XVII в., только-только начало принимать мусульманство.

Например, в те времена, как и в других местах, так же и в селе Вале Ахалцихского района, нижеследующие семьи приняли мусульманство: Беридзе, Кахидзе, Какабадзе, Девадзе, Читадзе, Геладзе, Надирадзе, Тираладзе, Капанадзе, Шавадзе, Чиладзе, Кочиброладзе-Гозалишвили, Свирели и др.

Хотя надо отметить, что семьи часто не полностью принимали ислам. Нередко, если в семье было 2-3 брата, то 1-2 принимали магометанство, а остальные оставались христианами. Например, так произошло в семьях Читадзе, Надирадзе, Кочиброладзе-Гозалишвили и т.д. Несмотря на различия вероисповедания, у христиан и мусульман существовали родственные отношения. Особенно ярко это проявилось во время русско-турецкой войны. Односельчане и родственники независимо от веры поднимались на защиту друг друга, когда им грозила опасность.

Месхские духовники говорили: «Не причини обиды неверному, правоверный может простить причиненное ему зло, а неверный никогда, и ты будешь вечно гореть в аду». У месхов-мусульман существует поговорка: «Не убивай даже кошку, ибо, если даже семь церквей и семь мечетей ты построишь, Бог не простит этот твой грех». Отсюда видно, что месхи-мусульмане одинаково относились как к церкви, так и к мечети, и ту и другую считали домами божиими. Христиане и мусульмане, разделяя горе и радости друг друга, жили в мире и дружбе на своей родной земле[43].

Историю исламизации Месхети более подробно можно

[42] П.А. Ингороква. О границах территории Грузии. Константинополь. 1918, с. 10. – На груз. яз.

[43] Особенно следует отметить, что среди месхов-мусульман никогда не существовало многоженства.

проследить на примере моей семьи – Кочиброладзе-Гозалишвили.

По традиции наших предков, Гозалишвили передавали из поколения в поколение историю своего рода. Вот как передал мне ее перед смертью 86-летний отец мой Алладин. Он был муллой и пользовался большим авторитетом среди месхов.

«Дети мои, – сказал он, – не забывайте, что мы не являемся турками или же азербайджанцами. Мы – грузины-мусульмане, как и аджарцы, принявшие веру от турок. Это произошло много лет тому назад. Нашими предками были три брата – Петрэ, Иоанэ и Тома. Когда многие месхи омусульманились, браться собрались и стали решать: принимать ислам или нет.

Пришли к такому выводу: пусть Петрэ и Иоанэ принимают, а младший брат Тома остается христианином. Мы вдвоем защитим его, сказали братья. Для принятия ислама нужно было ехать в город Ахалцихе. В город можно было ехать двумя дорогами: по большой и по обходной дороге, по берегу реки Поцхови. Чтобы односельчане не заметили, они поехали по обходной дороге, омусульманились и вернулись домой. Петрэ нарекли Ахмедом, а Иоанэ – Мухаммедом. После принятия ислама Ахмед со своей семьей уехал в город Эрзерум. Как сложилась дальнейшая судьба Ахмеда, нам неизвестно.

В Вале остались два брата: Иоанэ – Мухаммед и Тома. Потомки Тома (Кочиатеби, Тоталатеби, Ханотеби)[44] в данное время живут в селе Вале, а нас в 1944 году выслали за пределы родной земли как «турок».

Дети мои, нет счастья без родины и возвышения без народа. Есть поговорка: «Лучше жить жалкой нищенской жизнью на родине, чем царствовать на чужбине». Когда откроются двери родной республики, вернитесь на родину и будьте достойными сыновьями наших знаменитых предков. Не забывайте о нас, жертвах несправедливости, тех, кто в слезах покидает мир на чужбине. Как хотелось умереть на родной земле! Человек, пока он жив, – сын своей родины и после смерти становится ее землей. Вот почему дорог человеку родной край». Недалеко от Иранской границы, в Муганской степи, в поисках путей в родной край, в 1977 году отец навсегда ушел от нас.

[44] Род разделился на разные фамилии.

Генеалогическая таблица рода Кочиброладзе-Гозалишвили после принятия мусульманства, начиная с 1740 года

Петрэ	Иоанэ	Тома
После принятия ислама он со своей семьей в 1785 г. уехал в г. Эрзерум.	В 1745г. принял ислам. Его нарекли Мухаммедом. От него осталось 3 сына.	Остался христианином, потомки его в данное время живут в г. Вале Ахалцихского района в Грузии.
Гюли (1753-1817) от него остался сын Сафар, потомки его в данное время состав. 14 дымов и живут в г. Джамбуле в Казахстане.	Мустафа (1755-1815) от него осталось 2 сына.	Али (1761-1812) детей не осталось.
Осман (был ашугом) (1785-1856) От него осталось 3 сына.		Хусейн (1791-1854). Детей не осталось.
Нури (1832-1910) был духовным лицом. 18 деревень, потомки его состав. 66 дымов. Живут в Самаркандской обл. Узбекистана.	Омар (1839-1896). От него остались 3 сына.	Шахи (1841-1894). Детей не осталось.
Шахмурад (1880-1974). От него остались 2 сына – Афраил и Исмаил.	Алладин (1881-1977), был муллой, от него остались 4 сына.	Сейфадин (1884-1977). От него остались 2 сына – Фадли, Омар.
Халил имеет 5 сыновей, живет в г. Нальчике.	Исрафил имеет 2 сына. Живет в г. Каттакургоне Самаркандской обл.	Абулмусхин имеет 1 сына, живет в Саатлинском р-не в Азербайджане.
		Шамсадин имеет 1 сына, живет в Каттакургоне Самарканд. обл. Узбекистана.

ГЛАВА VI
Положение месхов после 1917 года до времени их выселения

В 1917 году произошла Октябрьская революция. Весной 1918 г. Месхети вновь была захвачена османской армией.

Согласно англо-турецкому мирному договору от 30 октября 1918 года, заключенному на корабле «Агаменон» на острове Лемнос, османские войска были отозваны из Месхети.

Как рассказал нам житель села Кикинети Адигенского района Махмудов Алладин, перед уходом турецкой армии командующий турецкими войсками Самцхе-Джавахети Валадин-паша и командир дивизии Халид-бег созвали совещание пред-

ставителей месхов-мусульман в городе Ахалцихе и сказали: «Если вы согласитесь дать людей, мы оставим вам несколько офицеров для руководства собранной армией, будем сражаться, и мы вам поможем остаться в составе Турции...»

От имени месхов выступили Хасан-ага из села Чвинта Ахалцихского района и Шахри-ага из села Зазало Адигенского района и сказали: «Уважаемый эфенди, в честь вашего приезда мы понесли одну жертву, а когда покинете наши земли, понесем две, за короткое время мы по горло сыты вами... о нас не беспокойтесь, мы с местными христианами всегда жили и будем жить в мире и дружбе, как братья...»

Обозленный таким ответом Халид-бег схватился за оружие, но Валаддин-паша подумал о последствиях и остановил его. Халид-бег с проклятиями удалился.

После ухода турецких войск потомок рода Джакели, сын Фейзуллах-бега Сервер-бег, атабаг Коблианский, воспользовавшись создавшимся положением, заново попытался создать отдельное независимое княжество в Месхети. Но большинство месхов, не желая отделяться от Грузии, не пошли за Сервербегом и, собравшись под командованием аспиндзского бега Бахши-бег Мачабели, стали переходить на сторону правительства Грузинской республики. Воспользовавшись поддержкой народа, грузинское меньшевистское правительство воссоединило Месхети с Грузией.

Потерпевший неудачу после 8-месячного сопротивления, Сервер-бег в 1920 г. бежал в Турцию и 13 марта 1973 года умер в городе Бурса. Родная сестра Джакели – Пикрия живет до настоящего времени в городе Тбилиси.

После установления Советской власти в Грузии в феврале 1921 г. части 11-ой армии без выстрела, по приглашению представителей месхов, 12 марта вошли на территорию Месхети.

Но после советизации Грузии при определении наций была допущена грубейшая ошибка. Тогдашние руководители, не различая вероисповедания от национальности, объявили месхов-мусульман «тюркоязычным нац. меншинством» и открыли для

месхов азербайджанские школы, пригласили учителей из Азербайджана и начали учить детей на азербайджанском языке, что способствовало укреплению азербайджанского языка среди месхов. На все руководящие посты были назначены люди азербайджанской национальности.

Таким образом, Ахалцихский и Ахалкалакский уезды входили в состав Грузии лишь номинально. Вся культурная жизнь этих районов, газеты, журналы, театры и т.д. функционировали на азербайджанском языке.

«В деле насильственной ассимиляции месхов доходили до того, что даже запрещали носить грузинские фамилии, – пишет председатель райисполкома Ахалцихского района Василий Ломсадзе[45]. – В 1926 году председатель райисполкома Ахалцихского уезда Шабанов отдал приказ, согласно которому месхи-мусульмане, так же, как и азербайджанцы, должны были записываться без фамилий».

Об этом рассказывает и Папаладзе Хамид из села Цохтеви Ахалцихского района: «Я в 1936 году приехал учиться в город Ахалцихе. Учительница по фамилии Ходжезаде спросила, как моя фамили. Я ответил: Папаладзе. Учительница спросила: а как звать дедушку? Тороман, ответил я. – Вот с сегодняшнего дня ты и будешь Тороманов. Так я из Папаладзе стал Тороманов».

А во время переписи населения в 1936 году всех месхов-мусульман записали азербайджанцами. «Несмотря на это – продолжает В. Ломсадзе, – у значительной части народа все-таки сохранялось грузинское самосознание и любовь к родному грузинскому языку.

В 1939 году крестьяне, проживавшие в селах Георгицминда, Перса, Мугарети, Цохтеви и другие, обратились к правительству с просьбой открыть грузинские школы. Свои требования они аргументировали тем, что жители в селах говорят по-грузински и хотят, чтобы их дети учились на грузинском языке, т.к. дома они все говорили на грузинском языке.

---

[45] Письмо В. Ломсадзе на имя министра внутренних дел Грузии от 1961 года. (Хранится в личном архиве автора).

Крестьяне указывали на ненормальность того положения, что после советизации почти во всех селах были открыты азербайджанские школы. Требование крестьян было сочтено законным и тогда во многих селах Ахалцихского района азербайджанские школы были переделаны в грузинские. Впоследствии в Адигенском и Аспиндзском районах были открыты грузинские школы, и этим историческая справедливоть была восстановлена.

Следует упомянуть и тот факт, что во время всесоюзной переписи населения многие грузинские мусульмане на вопрос об их национальной принадлежности отвечали, что они грузины»[46].

И вот, когда казалось, что процесс духовно-культурного объединения грузин-мусульман с остальной Грузией наконец-то начался, произошел факт вопиющей исторической несправедливости – выселение месхов-мусульман из родной земли, которое подготавливалось начиная с 1942 года.

Директор средней школы села Уде Адигенского района Бараташвили Латифшах рассказывает:

«Начиная с 1936 года, шаг за шагом, велась дискредитация авторитета нашего народа перед центральным правительством СССР. В 1942-1944 годах провокации достигли кульминационного момента. Летом 1942 года из села Суреби Чохатаурского района был послан провокатор-аджарец Барамидзе Аслан по кличке Джанполад Плателиоглы и его соратники – Аслан и Кафлан, как их называли в Адигенском НКВД. Кем были подосланы эти провокаторы, никто не знал. Они имели следующее задание: устроить военную провокацию вокруг села Мохе и искусственно создать видимость антисоветского выступления».

Летом провокатор убил сотрудника Адигенского райНКВД, жителя села Смада Малик-бега Алиева и колхозника из села Гавги Бинали за то, что они хотели поймать его.

[46] Письмо В. Ломсадзе на имя министра внутренних дел Грузии от 1961 года.

«Я попросил, – продолжает Л. Бараташвили, – уполномоченного села Мохе, председателя райпотребсоюза Адигенского района, жителя села Уде Чилашвили Бинали рассазать о событии, происшедшем в Мохе. Тот ответил, что в октябре 1942 года, когда он был прикреплен к селу Мохе как уполномоченный Адигенского райкома партии, ему поручено было наблюдать за хозяйственной и политической жизнью села. Однажды вечером он раздал повестки о мобилизации райвоенкомата в ряды Красной Армии, но утром выяснилось, что уже до выдачи повесток начальник Адигенского райНКВД роздал всем мобилизованным винтовки и патроны, и они, став дезертирами, уклонились от мобилизации и пошли за провокатором Джанполадом».

«Таких дезертиров, – указывает Бараташвили, – насчитывалось не более 15-20 человек. (После эту цифру умножили многократно). Узнав о дезертирах, я мгновенно доложил о них первому секретарю Адигенского райкома партии тов. Д. Гелашвили. Наверное, он принял соответствующие меры и поэтому нач. райНКВД Караханяна перевели на другую должность».

В октябре 1942 года в селе Мохе созвали истребительные батальоны Адигенского, Ахалцихского, Аспиндзского районов.

С целью преувеличить значение этого события и создать небывалый прецедент в эти дни в Мохе прибыли сам комиссар внутренних дел Грузинской ССР Рапава и его соратники.

Сюда были созваны некоторые части пограничных войск. «Операция» против дезертиров продолжалась 7 дней. Во время «операции» никто не был пойман. После роспуска пограничников и истребителей дезертиры сдались сами и понесли наказание по закону.

В целях провокации был использован и следующий случай. Член Адигенского райистребительного батальона житель села Удэ Павлэ Кокошвили убил зав. сберкассой Адигенского района армянина Багана из-за ревности, так как оба любили одну и ту же девушку. Это убийство свалили на дезертиров.

С той целью, чтобы уничтожить следы провокации, наемный провокатор Джанполад Плателиоглы, который оказался переодетым в форму лейтенанта Красной Армии жителем села Суреби Чохатаурского района, был убит около Хулойского моста Аджарской АССР своим двоюродным братом по матери. А убийцу провокатора убили в селе Зоти. Соратники провокатора – «Аслан и Кафлан» – бесследно исчезли.

После высылки месхов распространили еще одну дезинформацию: будто в Месхети обнаружили военные склады с боеприпасами, спрятанные в могилах. Вследствие этого начали уничтожать кладбища и архитектурные памятники Грузии.

Именно вышеуказанные провокации 1942 года заложили фундамент для народной трагедии месхов – их высылки.

15 ноября 1944 года для Самцхе-Джавахети явилось трагической датой, круто изменившей всю ее историю.

Османская и Романовская империи нанесли Месхети огромный ущерб, но они не отобрали у народа Родину. А в СССР при культе личности под маской защиты интересов социализма у целого народа по необоснованным причинам отобрали и Родину.

С целью оправдания этой акции распространялась версия, якобы высланные месхи являлись турками-османами, настроенными протурецки и являвшимися турецкой агентурой в Советском Союзе.

ГЛАВА VII
Месхи в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг. и высылки

Когда в 1941 году над Советской страной нависла смертельная опасность, месхи, как и весь грузинский народ, так же, как и все советские люди, поднялись на защиту Родины. Многие ушли добровольцами на фронт. Около 40 тысяч лучших сыновей нашего народа храбро и мужественно воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Среди них есть Герои

Советского Союза, многие награждены боевыми орденами и медалями. 16 тысяч из них сложили свои головы на алтарь победы.

Трудно найти семью, которая не потеряла бы родного человека на войне. Дело, за которое они боролись, живет в сердцах нашего народа. Война – это кровь и боль, она разрушила не только города, она разрушила семьи: матери теряли детей, дети – матерей. Невыносимо тяжело вспоминать, как мать Амина Беридзе получила сразу две похоронки на сыновей. Ей написали, что когда Али и Бинали шли в последнюю атаку, они кричали:

«За Родину! За свободу!»

Вот еще несколько фактов храбрости и беззаветной преданности Родине, проявленных месхами в годы Великой Отечественной войны. Серго Николайшвили в статье «Их было пятеро»[47] рассказывает о месхах – Героях Советского Союза: Бекире Мустафаеве и Бедире Мурадове.

«...Уроженцу Ахалцихского района Бекиру Мустафаеву в сорок первом году исполнилось 46 лет. Но он в числе первых в селе отправился на фронт. Служил красноармейцем в 164-м гвардейском стрелковом полку 55-ой гвардейской стрелковой дивизии, участвовал в боях за освобождение Таманского полуострова, в Керченско-Эльтиченской десантной операции, трижды был ранен. Бекир Мустафаев был в первом потоке десанта, форсировавшего Керченский пролив осенью 1943 года. Фашисты яростно сопротивлялись, старались выбить наши войска с захваченного плацдарма. 3 ноября пятая рота, в которой служил Бекир, включилась в кровопролитное сражение за высоту 102,0 восточнее г. Джанкоя. Вражеские пулеметы били в упор по наступавшим, препятствуя продвижению вперед. Тогда Бекир Мустафаев ползком приблизился к вершине и забросал амбразуру дота ручными гранатами. Ворвавшись в окоп, он уничтожил пять гитлеровцев, в том числе офицера. Затем, захватив вражеский пулемет открыл ураганный огонь вдоль

[47] см. газ. «Заря Востока» от 22 июня 1988 года.

траншей. В этот день Бекир уничтожил 40 гитлеровцев, водрузил красное знамя на высоте и даже будучи ранен, не покинул поле боя. За проявленную стойкость и исключительный героизм при форсировании Керченского пролива и захвате плацдарма на берегу Крыма Бекиру Мустафаеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Бадир Мурадов, родом из Адигенского района, служил в 305-м отдельном батальоне морской пехоты 83-й отдельной стрелковой Новороссийской ордена Суворова бригаде морской пехоты. Бойцов в черных матросских бушлатах и тельняшках гитлеровцы боялись панически, называя их «черной смертью».

Не раз они под ураганным огнем противника смелым броском высаживались на берег и выбивали превосходящие силы врага. Таким был боевой путь Бадира. Таким был и его последний десант на правом берегу Дуная, у югославского населенного пункта Опатовец. В течение трех дней своим пулеметным огнем Бадир неоднократно отбивал контратаки гитлеровцев, вступал в схватки с фашистскими танками и самоходками, подбивая их гранатами.

Утром 5 декабря 1944 года завязался рукопашный бой на улицах села Опатовец. Бекир уничтожил из пулемета 20 вражеских солдат и офицеров и первым ворвался в центр села. Здесь он схватился врукопашную с фашистским пулеметчиком и даже будучи тяжело раненным, сумел одолеть его. Спасти жизнь героя не удалось, слишком много потерял он крови. За свой подвиг он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Этого высокого звания были удостоены также уроженцы Месхети Илья Хмаладзе, Вачаган Ванцян и Лион Дарбинян. Таким образом, маленькая Месхет-Джавахети дала родине пять Героев Советского Союза.

О месхе – кавалере ордена Славы – рассказывает спец. корреспондент «Правды» из Нальчика, полковник в отставке П. Дунаев («Правда» от 28 января 1987 года), который в Центральном архиве Министерства обороны СССР в подмосковном городе Подольске обнаружил документы о фронтовых делах старшего сержанта Мамедова Минура Иса-оглы – кавалера ордена всех степеней. В отделе наград Главного управления кадров Министерства обороны СССР подтвердили: орден Славы 1 й степени сержанту Мамедову не вручен. Долго продолжался поиск, в котором участвовало много людей: республиканский комиссар Кабардино-Балкарской АССР В.Т. Панов, сотрудники районных и областных военкоматов. И в конце концов удалось выяснить, что Мамедов проживает в г. Нарткала.

П. Дунаев отправился туда. И вот – Нарткала. Он нашел нужную улицу, дом. Открыл калитку. На небольшом садовом участке сухопарый седой человек собирал с грядок в корзину синие баклажаны и красные помидоры. Поздоровавшись, корреспондент спросил:

– Вы Мамедов Минур?

– Я перед вами.

– И в войну вы служили командиром пулеметного расчета в 1144-м стрелковом полку 340-й стрелковой дивизии?

– Да, служил.

Он, видимо, принял Дунаева за однополчанина. Глаза его посветлели. Вошли в дом, он представил корреспонденту своих сыновей и дочерей... За обедом хозяин рассказал немного о себе. Родился в небольшом селе Мохе Адигенского района Грузии... До семнадцати лет землю пахал, хлеб растил, за скотом ухаживал. Делал все, что делали земледельцы. Осенью 1942 года, когда враг пытался захватить Кавказ, семнадцатилетний Минур попросился в армию добровольцем. Мать, недавно овдовевшая, на руках которой осталось семь малых детей, не стала удерживать своего юного кормильца. На прощание сквозь слезы сказала ему: «Защищай, сынок, Родину, защищай нас...».

Ему повезло: во-первых, достался станковый пулемет. Хотя и тяжело было его таскать на плечах, но зато в обороне был хорош и в наступлении не плох. Во-вторых, воевал рядом с верными доброжелательными людьми. Друг за друга жизнь

не жалели. Особой зарубкой в памяти – форсирование Днепра.

– Помню, от ракет было светло, как днем. Снаряды рвутся вокруг, пули свистят. А люди, кто на чем – на лодках, плотах, а кто и просто на досках или бревнах, плывут на правый берег Днепра. Ох и страшен был Днепр той ночью!

– Еще помню, – говорит Мамедов, – в прицеле пулемета темные фигуры фашистов с черными автоматами, а я жму на гашетку, лента с патронами ползет и ползет, пламя слепит глаза...

Секущим огнем расчет Мамедова отбросил контратакующего противника. Случилось так, что рядом оказался сам командир полка Махмуд Мердемишаев. После боя он с большой похвалой отозвался о комсомольском расчете. Вскоре Мамедов был ранен. Осколок прошелся по голове, оторвал часть уха. Второе ранение получил уже после освобождения Киева, неподалеку от Винницы в марте 1944 года. Лечился пулеметчик в полевом госпитале до августа. Нашел свою часть в Польше. Ему обрадовались и сказали: – Принимай свой расчет. К большим делам готовимся. Будем форсировать Сан.

...В кромешной тьме расчет Мамедова прибился к правому береги Сана и зацепился там на маленьком клочке земли. На рассвете гитлеровцы попытались высадившихся отбросить в реку. И так длилось до самого вечера. Иссякли патроны. Тогда Мамедов приказал номерам расчета собрать гранаты, автоматы и патроны у убитых фашистов и продолжал бой. Ночью пришло подкрепление, и маленький плацдарм удалось расширить.

За тот бой Минур Мамедов был награжден орденом Красной Звезды. Командир дивизии генерал Федор Назарович Пархоменко в представлении к этому ордену дописал собственноручно: «За стойкость, военную сметку, решительные действия по захвату и удержанию плацдармов на западном берегу реки Сан».

– Когда и за что вас наградили орденом Славы 3-й степени? – спросил его Дунаев.

– Помню, подбежал ко мне наш командир взвода Петр

Михайлович Коновалов. Смотри, Мамедов, смотри, что делается. – Пехотинцы шли к крутолобой высоте, а их в упор секли пулеметные очереди. Падали солдаты... – Мамедов, – кричал взводный, – помоги же им, помоги! – Ну вот и не оплошали тогда...

До чего же Мамедов был скуп в своих ответах. А вот что говорится в выписке из представления к этой награде:

«26 октября 1944 года в боях за высоту 536,0 в момент решительного штурма товарищ Мамедов проявил высокое воинское мастерство и беззаветную храбрость, смело выдвигался со своим пулеметом вперед и его огнем, подавляя огневые точки противника, обеспечивал возможность продвижению пехоты...».

Далее рассказывает о памятном январе 1945 года:

– Шли мы все дальше на запад в дождь, в метель... Глаза слипались, ноги подкашивались. Хотелось лечь прямо в мокрый снег и уснуть, но сам себе командовал: «Вперед!»

А ведь ему в те дни не было и двадцати, его подчиненным – Пете Чепурному, Юре Фенько, Грише Берека и того меньше. И сразу после изнурительного марша в горах – бой.

В представлении Мамедова за этот бой к ордену славы 2-й степени сказано: «В бою за Ланцкорона 21 января 1945 года товарищ Мамедов... расчистил путь нашему наступающему батальону, подавил огонь 3 ручных и одного станкового пулеметного противника. Станковый пулемет вместе с двумя пулеметчиками он захватил в плен...».

П. Дунаев нашел в архиве еще один интересный документ: политдонесение начальника политотдела дивизии полковника Г.С. Акопяна по поводу митинга, посвященного награждению 1144-го полка орденом Кутузова 3-ей степени. В донесении приводятся слова из выступления старшего сержанта Мамедова:

«Мы гордимся, что наш полк награжден орденом Кутузова. В будущих боях мы оправдаем эту высокую награду. Сам же я отдам все силы победе и призываю к этому всех воинов нашего полка».

В заключение беседы корреспондент читает Мамедову представление его к высшей солдатской награде: «В боях за город Бельск с 3 по 12 февраля 1945 г., где враг оказывал отчаянное сопротивление, ежедневно переходя по нескольку раз в контратаки, Мамедов действовал, невзирая на сильный артиллерийский и минометный огонь, исключительно хладнокровно и умело...».

К сожалению, в наградном листе и в Указе Президиума Верховного Совета СССР была допущена неточность, поэтому золотой орден Славы так долго не мог найти героя...

Сержант Мамедов был участником Парада Победы на Красной площади в Москве. Потом его родную часть расформировали, заканчивать службу ему довелось на Балтийском флоте. В запас был уволен в мае 1947 года.

Демобилизовавшись, Мамедов долго искал родственников, потому что в ноябре 1944 года мусульманское население Месхети было выселено в Среднюю Азию. Вместе с ними через каждые две недели, терпя унижения, ходил отмечаться в НКВД.

Лишь в ноябре 1986 года в Нальчике вручили фронтовику Мамедову Минуру Иса-оглы высшую награду содатской доблести – орден Славы 1-й степени.

Газета «Известия» в 1989 году (8 мая) сообщила еще об одном герое-месхе, участнике боев в югославском селе Опатовец. Впервые имя этого человека – А.М. Саниева было упомянуто в «Известиях» в статье «Стали известны двадцать три», опубликованной 6 мая 1987 года.

В ней рассказывалось о том, как в югославском селе Опатовец при строительстве школьной спортплощадки были обнаружены останки 23 советских воинов. Их бережно перевезли и захоронили в мемориале. Однако имена тех, кого нашли в селе, так и оставались неизвестными. Поиск, предпринятый редакцией, позволил установить их. Среди других тогда было названо и это имя: Або Мамедович Саниев, который оказался жив.

Собственный корреспондент «Известий» в Алмаатинской области В. Ардаев встретился с Або Мамедовичем. На исходе девятого десятка ветеран сохранил довольно крепкую память и даже не утратил чувства юмора. Многое помнит в деталях: и трудные фронтовые дороги, и друзей, и командиров, и подробности того долгого боя за село Опатовец, по нескольку раз в сутки переходившее из рук в руки... Потом Або Мамедович был тяжело ранен, попал в госпиталь, тогда-то, видимо, и угодил в списки погибших. Немало всякого пришлось пережить ветерану. И не только тяготы войны – вместе со своим небольшим народом, подвергшимся массовым репрессиям, он прошел весь его сложный, унизительный путь. В начале сентября 1941 года ушел на фронт из колхоза «Красный путь» Аспиндзского района Грузинской ССР и больше уже не возвращался на родину: в 1944-м земляки без объяснения причин были выселены из Грузии в Казахстан и Среднюю Азию. Так что после войны и ему пришлось ехать туда же.

Фронтовика-орденоносца, вчерашнего геройского разведчика поставили на учет, как «спецпереселенца» – лишили права свободного передвижения, обязали регулярно отмечаться в комендатуре... Все послевоенные годы А. Саниев трудился в совхозе имени Мичурина Талгарского района Алмаатинской области Казахской ССР. Добивался рекордных урожаев. Сейчас на заслуженном отдыхе. Мечтает он об одном: хоть раз перед смертью увидеть родные места.

Какая же тяжелая судьба досталась тебе, мой народ, переживший войну и ссылку! Сколько испытаний выпало на твою долю, сколько слез! Как и все советские люди, месхи в годы войны и тяжелые послевоенные годы день и ночь работали в поле, обеспечивали армию и население продовольствием. Строили железную дорогу. Собирали средства в фонд обороны страны. Вот один из тысячи фактов. Колхозник из села Вале Ахалцихского района Беридзе Кахраман Ибрагимович в 1942 году отдал на строительство танковой колонны 100 тысяч рублей и получил личную благодарность Сталина. Он отправил на защиту Родины своего единственного сына Юсупа, который героически погиб при обороне Севастополя.

В конце войны, когда советские воины освободили совет-

скую землю от фашистского ига, месхов-мусульман постигла большая беда – 15 ноября 1944 года весь народ, в том числе семьи фронтовиков, объявив их предателями, турками и турецкими агентами выселили с родной земли в республики Средней Азии.

Из Грузии, начиная с сентября 1941 г., укатили на восток эшелоны с советскими немцами (20.423 человек). И уже позже, 31 июля 1944 г. Государственный комитет обороны принял постановление № 6279 о выселении из Грузинской ССР в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую республики, как отмечается в документах отдела спецпоселений НКВД СССР, 46.516 месхов-мусульман. А кроме того, еще 29.505 человек «приписанных» к другим национальностям, хотя раньше они считались «месхетинскими турками». Всего в «период первых эшелонов» были депортированы 76.021 человек.

Как пишет в газете «Поиск» (№ 24 от 18 октября 1989 года) доктор исторических наук Николай Бугай в статье «Как это было», постановление о депортации месхов-мусульман (а оно включало и выделение необходимых средств для передвижения, дорожного питания и т.д.) базировалось на тех данных, которые представлял в центр наркомат внутренних дел Грузинской ССР (нарком Рапава). При непосредственном проведении операции, как сообщалось в справке отдела спецпоселений НКВД СССР за подписью генерала М. Кузнецова, высланные из Грузии распределялись таким образом: в Узбекскую ССР – 55.500 человек, в Казахскую – 29.500, в Киргизскую – 11.000, а всего по трем республикам были распределены 96.000 человек, среди них 65.767 детей до 16 лет.

Как проводилась акция? Ходили по домам: «Вас выселяют. На сборы два часа». Высылка сопровождалась насилием и грабежом. В каждую машину грузили 7-8 семей, а в вагон – более 20. Вандалы XX века за одну ночь опутошили 220 деревень.

Вот наиболее точные цифры о количестве высланных:

№ № п. п.	Районы	С/советы	Села	Количество семей	Количество душ		
					Всего	из них:	
						грузин-мусульман	курдов и азербайджанцев
1	Адигени	18	73	6625	40940	40940	–
2	Ахалцихе	16	70	6350	39800	36700	3100
3	Аспиндза	14	65	5913	36480	34580	4900
4	Ахалкалаки	10	10	910	6460	2780	3680
5	Богдановка	1	2	202	1320	–	1320
		59	220	20000	125000	115000	13000

Почти без одежды, испытывая острую нехватку продовольствия, лишенные медицинской помощи люди добирались до места назначения более месяца. Например, двадцать два дня следовали эшелоны до Ташкента. Питание же брали, как рекомендовали власти, всего на трое суток! Множество переселенцев погибло в дороге. Начиная от родной земли до неизвестного места назначения, на станциях железной дороги оставались трупы погибших от холода, голода и болезней беззащитных людей.

В декабре 1944 года выжившие в дороге стали прибывать к месту своей ссылки. Но это уже были не те крепкие, уверенные в себе и в будущем люди, которые отрпавились в путь. Сказались и скудное питание, и отсутствие мало-мальски сносных бытовых условий, лекарств. Выжившие в дороге переселенцы в процессе адаптации в совершенно иной климатической зоне не выдерживали и также погибали. Так, в сводке НКВД СССР указано: среди месхов-мусульман, курдов, хемшилов число умерших составило 14.895 человек. По данным же Л. Бараташвили и К. Бараташвили («Мы – месхи», «Литературная Грузия», № 8-11.1989), погибла треть высланных, в том числе более 17 тысяч детей...

...А ведь они были активными участниками социалистического строительства и восприняли Великую Отечественную войну как общенациональное горе. По приблизительным данным, только месхов-мусульман в составе нашей армии сражалось 40 тысяч человек.

Пока сосланные добирались до места назначения, на места высылки уже успевали сообщить, что высланный из Грузии народ – это турки-предатели, изменники родины. И встречали месхов как ненавистных врагов. Как бесправных рабов, под конвоем их гнали на места ссылки, не считаясь с родственными связями. В каждый колхоз или совхоз распределели столько людей, сколько требовали их руководители. Полностью объединение семей и родственников стало возможным лишь после отмены комендантского надзора над месхами, который длился в течение двенадцати лет.

Месхи-мусульмане были размещены в колхозах и совхозах нижеследующих областей республик Средней Азии: в Казахстане – в Кизилординской, Чимкентской, Талдыкурганской, Джамбульской и Алма-Атинской областях; в Узбекистане – в Ташкентской, Сырдарьинской, Самаркандской, Бухарской, Ферганской, Андижанской, Наманганской и Кашкадарьинской областях; в Киргизии – в Фрунзенской и Ошской областях.

Местные власти были не готовы принять такое большое количество переселенцев. В условиях суровой зимы Средней Азии людей размещали в полуразрушенных домах, с разбитыми оканми, без дверей, на скотных дворах и т.д. Люди, особенно дети, продолжали умирать от холода и голода, тем более, что это были тяжелые военные годы, когда вся страна жила в страшной нужде.

Голод пришлось испытывать всем с первых же дней ссылки. Старики и инвалиды войны уходили из дома в поисках пищи, но не все возвращались обратно. Некоторые из них, теряя последнюю энергию, садились и больше не вставали. Бывали случаи, когда их съедали шакалы. Так случилось с Мечнадзе Асланом, с Сафаровым Вейсалом из села Цахани, с Идрисовым Магометом из села Зедубани, Сулеймановым-Путкаридзе Олмасом, Ханзадой и Бекташом из села Саирме, Хозраванидзе Шахпазом, Хозраванидзе Топием из села Кехвани и многими другими.

Голодные люди ели травы, жмых и т.д., опухали и умирали. Только из села Цахани погибло 46 семей, из села Адигени –

25, из села Тута-джвари – 15 и т.д. Детдомы были переполнены детьми нашего народа.

Через 6 месяцев погибло более 30 процентов из общего числа высланных, т.е. около 37 тысяч человек, а оставшихся в живых подвергали всяческим унижениям и издевательствам.

Прилагаем некоторые данные о горьких последствиях высылки на примере одного района.

В конце декабря 1944 года в Карадарьинском районе Самаркандской области Узбекской ССР разместили людей нижеследующих селений Адигенского района Грузинской ССР.

Название села	Количество людей	Из них в 1945 году умерли	Служили в армии	Вернулись с войны	Из них инвалиды
Пхеро	820	275	155	38	5
Чела	550	198	120	44	8
Гоморо	258	125	74	21	1
Арзне	453	174	60	24	3
Цахисцхаро	165	87	34	18	5
Амхери	118	59	25	13	9
Сабзара	105	45	26	9	2
	2469	963	494	167	33

Местные органы власти продолжали всех месхов считать изменниками и предателями Родины и держали под строгим комендантским режимом, не различая ни членов партии, ни заслуженных демобилизованных воинов, ни даже Героев Советского Союза.

Но даже находясь в нечеловеческих условиях, месхи– необыкновенно трудолюбивый народ, своими трудовыми успехами на хлопковых плантациях, в совхозах и колхозах среднеазиатских республик Советского Союза завоевали уважение местных жителей. Только упорный, настойчивый труд помог выжить многим.

Но вот закончилась Великая Отечественная война, закончилась победой, которая принесла счастье всему советскому народу, но только не месхам-мусульманам. Победа нам принесла лишь разруху и горечь от несбывшихся надежд. Репрессии над нами усилились, конфискация нашего имущества, изгнание целого народа со своей родины узаконились. Вот что

принесла нам победа в Великой Отечественной войне.

После разоблачения культа личности указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года был отменен указ о принудительном поселении месхов, они были сняты с учета как спецпереселенцы, отменена черта оседлости. Автоматически аннулировалось положение об уголовном наказании за самовольный выезд. Месхи, согласно закону, отныне могли проживать в любом месте Советского Союза при соблюдении паспортного режима и прописки... В любом, но не на родине, в Грузии... Да, нам возвращалось право передвижения и жительства на всей территории СССР, но за исключением старого местожительства и при обязательном отказе от всего личного имущества, которое было оставлено при переселении. И хотя нас освободили от комендантского надзора, но в то же время заставляли подписывать обращение, будто бы мы согласны не требовать своих законных прав, сами согласны жить в пожизненной ссылке, приспосабливаться к чужому языку, обычаям и т.д. Нам оставляли «право» на самый тяжелый труд – на хлопковых плантациях Средней Азии.

И месхи работали, добивались больших трудовых успехов, славя трудом свою родину, завоевывая высокие правительственные награды. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1966 года были присвоены звания Героя Социалистического Труда Байрахтарову Мехлюду Аслан-оглы, председателю хлопководческого колхоза «Адигени» Саатлинского района Азербайджанской ССР и Байрахтарову Абузару Мирза-оглы, бригадиру садоводческой бригады совхоза имени XXII партсъезда Кубинского района Азербайджанской ССР. Героем Социалистического Труда стал также Саадат Гюлахмедов.

Многие месхи, высланные в Узбекистан, также, в основном, были заняты в сельсом хозяйстве. Среди них было немало умелых животноводов, овощеводов. Освоили они и выращивание хлопка. За успехи, достигнутые в труде, сотни из них были награждены высокими наградами. Например, бригадир хлопководческой бригады колхоза «Октябрь» Джанбаиского

района Самаркандской области Узбекской ССР Двалидзе Амурхан был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Ленина.

Начиная с 1970 года, месхи начали переезжать в колхозы и совхозы Кабардино-Балкарской АССР. В 1974 году их здесь насчитывалось около 3500 человек.

Об отличной работе в сельскохозяйственной отрасли месхов, поселившихся в Кабардино-Балкарской АССР, рассказывается в статье «Люди разной судьбы...», помещенной в «Кабардино-Балкарской правде» от 29 марта 1974 года, в которой говорится, что обосновавшихся в здешних селениях месхов местные жители приняли хорошо, а когда убедились, что новоселы – народ трудолюбивый и деловой, доброжелательность переросла в искреннее и полное уважение. В Псыкоде теперь 76 семей переселенцев.

Одной из уважаемых в Псыкоде (Урванского района) называют династию Сафаровых (из села Вархани Адигенского района). Ее глава – Авасо Ризаевич в прошлом участник Великой Отечественной войны, кавалер 22-х правительственных наград, коммунист, бригадир овощеводческой бригады».

Здесь же указывается о трудовых успехах другого Сафарова – Абузара Ризаевича – бригадира совхоза «Псыкод», который в 1973 году за доблестный труд и отличные производственные показатели по выращиванию помидоров, огурцов, капусты был награжден орденом «Знак почета». В прошлом он участник финской, немецкой и японской войн, кавалер 18-ти правительственных наград, коммунист.

Больших трудовых успехов достигли и месхи, проживавшие в Азербайджане. Так, главному инженеру хлопководческого колхоза «Адигени» Саатлинского района Азербайджнской ССР Умарову Абулмухсину Аладин-оглы в 1984 г. было присвоено звание «Заслуженный механизатор Азербайджана», а председатель хлопководческого колхоза «Ахундов» Саатлинского района Азербайджанской ССР Джалилов Мухамед был награжден 3 орденами Ленина, из них одним в Узбекистане, а двумя в Азербайджане и т.д.

Больших трудовых успехов достигали и молодые месхи. Корреспондент «Правды» Н. Гладков в статье «Хлопкороб» («Правда» от 21 мая 1983 года) рассказал об одном из тысячи молодых месхов – Гази Джавадове, который закончил в Ташкенте политехнический институт. Ему предлагали заняться наукой, оставляли на кафедре механизации сельского хозяйства. Но он отказался. Немалую роль в этом сыграла привитая ему отцом тяга к земле. «Сын тракториста, впоследствии прославившегося на весь Узбекистан мастера комплексной механизации хлопководства, лауреата Ленинской премии, а впоследствии председателя одного из лучших в округе колхозов «Коммунизм» Джавада Кучиева, Гази не представлял для себя иного дела в жизни, как самому выращивать высокие урожаи хлопка». В эту пору, когда корреспондент беседовал с ним, был он бригадиром, руководителем небольшого коллектива квалифицированных работников, в основном механизаторов. Его поле – это более 150 гектаров. Была и соответствующая техника: два пахотных и три пропашных трактора, четыре хлопкоуборочных комбайна...

Колхоз, в котором работали в основном месхи, каждый год строил двадцать – двадцать пять жилых домов. Помимо этого, примерно столько же возводил кооператив, членами которого являлись те же колхозники. В поселке были две средние школы, где училось более двух тысяч ребятишек, три детских сада, в которых воспитывалось почти шестьсот малышей. В колхозе была своя больница, амбулатория, магазины, столовые. Особенно хороша была баня, выстроенная в национальном стиле. В поселке был свой стадион, и колхозные спортсмены нередко занимали призовые места в районных и областных соревнованиях. Был свой ансамбль песни и пляски.

Корреспондент сообщает, что кроме Гази Джавадова в колхозном производстве трудились еще четырнадцать специалистов с высшим образованием. Это – агрономы, экономисты, зоотехники. А сколько в поселке было учителей, врачей! И отряд интеллигенции рос с каждым годом, в частности, за счет стипендиантов колхоза. Многие, как бригадир Мусадин Кучиев, колхозник Мухамат Мубаширов, учились в вузах заочно. Так трудились в те годы вдали от родины месхи.

Но такие радостные сообщения встречались лишь на некоторых газетных страницах. В действительности тяжело сложилась судьба у многих месхов. Каждая семья прошла через страшную трагедию. Корреспондент газеты «Труд» В. Гиленкин в статье «Честное имя» («Труд» от 8 сентября 1988 года) передает рассказ Сулейманова Ислама: «В 1928 году в нашем селе была создана коммуна, которая затем стала колхозом. Ее организовали девять беднейших селян, среди которых был и мой отец. В 1932 г. он вступил в партию большевиков. Время было трудное и опасное, отец ходил на работу с винтовкой. Мы, мальчишки, с детства тоже работали в колхозе. Трудились бок о бок и христиане, и мусульмане, чего раньше никогда на бывало. Испокон веков жила среди нас вражда, разжигаемая царском правительством. А вот тут бедняки объединились и поняли, что не в религии дело, а в том, кто и чьим трудом живет. Помню, отца однажды встретили на горной дороге бандиты – хотели убить, потому что он был коммунистом и активистом колхоза. Не знаю, кто по национальности были те бандиты, но вот спасли его тогда от верной смерти грузины-христиане – пастухи из соседнего села.

До войны я закончил техникум, успел немного даже поработать учителем в своем селе. В 1939 году был призван на действительную службу. Войну встретил на Украине. Служил я в то время в орудийном расчете. Горечь отступления полной ложкой хлебнул.

Первый мой настоящий бой был у какого-то украинского села... очнулся в госпитале – живого места на теле нет. Шесть месяцев отлежал – и снова в часть. Много потом прошагал по военным дорогам. В 1944 году письма из дома перестали приходить. Писал, запрашивал – ответа не было. Не знал, что и подумать... Наконец, отвоевался, победили. Домой после демобилизации на крыльях летел. Приехал и...

Там, в Грузии, куда я приехал после демобилизации, бывшие соседи рассказали мне о трагедии, что случилась с на-

шим народом. Долго не раздумывая, поехал в Узбекистан. К великому моему счастью, всех родных застал в живых.

Трудно жили первое время мои соотечественники в Узбекистане. Приехал я к родным, скинул гимнастерку с наградами и за дело вместе со всеми взялся. Землю пахал, землянки строил, арыки копал. Скрывать не буду – чтил я вто время Сталина свято. И не верилось, что он неправое дело с моим народом совершил. Думал: злые языки нашептали, будто во время войны советские мусульмане с Турцией, которая в коалиции с фашистами была, якшаться начали. И так я прикидывал, и эдак... Кому якшаться? Старикам, женщинам да детям, что ли? Мужчины-то ведь все на фронте врага били. Пока так да эдак я размышлял и в смятении был, меня на учет в комендатуре поставили и на меня распространилось положение о черте оседлости со всеми вытекающими последствиями. Вот так! Уж я-то к Турции отношения никакого не имел – на фронте в то время был, кровь проливал, ордена получал, в партию в самое страшное время вступил. Понял, не ошибка все это – просто кому-то надо была наш народ под корень срубить. Чтобы оправдать неправое дело, и пустили кривую ложь о турках. А у лжи, как известно, хотя и кривые ноги, но длинные...

В комендатурах мы отмечались, в комендатурах женились и детей регистрировали. На работу в соседнее отделение совхоза попасть – справка, в больницу в город поехать – тоже справка. Жениться я собрался, невеста из соседнего села – мусульманка. Наш комендант дал разрешение на свадьбу, а ее комендант в то время в отпуске был. Ну, думаем, приедет – оформим. Позвали соседей, отпраздновали. Полмесяца медового у нас не прошло – явился отдыхавший комендант. Разорался: как так, без позволения... И увел жену «на место поселения». А ведь оформились, как положено в ЗАГСе, по всем государственным законам.

В 1956 году, после смерти Сталина, вышел указ об отмене комендантского надзора за нами. Некоторые месхи-мусульмане выехали из Узбекистана – поселились на Украине, в России, Таджикистане. Моя сестра уехала в Баку. Кое-кто попы-

тался вернуться на родину. Ведь имели мы вроде бы на то уже все права. Оказалось – нет. С одной стороны, в Грузии твердо укоренилось мнение, что нас выслали за сотрудничество с Турцией, и местное население не хотело нас видеть. Ну а с другой стороны, районы, где мы ранее проживали, находятся в приграничной зоне, на которую распространяется особое положение – въехать туда, как известно, без соответствующего разрешения нельзя.

Семья моя осталась жить в Узбекистане. После демобилизации я работал учетчиком – до учительства не допустили. Потом перешел в бригадиры полеводства. Выращивали хлопок. Начинали с двенадцати центнеров с гектара сырца. С каждым годом поднимали урожай. Работа с хлопком труднейшая. С поля весь сезон не выходишь. То полить, то удобрить, то прищепнуть... Потом сбор. На день срок упустишь, даже на час – считай, половину урожая недобрал. Мне повезло, я бы сказал, с учителями. В бригаде у меня были старые узбекские дехкане, которые не таясь, всем секретам меня обучили. Сначала до тридцати центнеров довели сбор, потом до сорока. И к моим военным орденам добавились ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. Приезжали к нам учиться со всей республики. Учили! А что секреты таить. Гремел коллектив. А дальше... Прознал про наш урожай Рашидов и «сам» приехал. Поздравил, горячие слова говорил, про Отчизну, которая смотрит на нас. Заключил встречу словами: пятьдесят соберешь, Ислам Сулейманович, – своими руками на грудь Героя повешу. Отнекивался я – знал, такого нам не вытянуть. Но ... собрали мы урожай – вышло сорок два центнера с гектара с небольшим. О том и руководству района доложил. А те усмехнулись, это, мол, горе – не беда. Держи три тысячи рублей да поговорим с директором хлопкозавода, он тебе продаст недостающий хлопок. Будет тебе тогда пятьдесят центнеров и звезда Героя. Растерялся я от этих слов. Никогда ведь даже коробочки хлопка раньше не приписывал. А тут... Но мне сказали, надо, для чести района надо. Взял я те проклятые тысячи. Купил в первый день хлопка на двести рублей, а потом ночь

не спал. Все передумал, всю свою жизнь перевернул и нигде черного пятна не нашел, а тут... Утром на следующий день деньги вернул, вернул и уже потраченные двести из своих. А хлопок, что купил, не засчитал. Топали на меня ногами. Выстоял».

Живет Ислам Сулейманов по сегодняшний день одной мечтой – вернуться на родину – в Грузию. «Главное, говорит Сулейманов, – нужно той лжи, которая пущена о нас, ноги укоротить. Ведь чего скрывать, смотрят на нас в Грузии сегодня многие, как на виноватых в предательстве. Смотрят так потому, что правды не знают. Нашу проблему надо решать безотлагательно».

Если раньше, до перестройки, пресса вообще игнорировала темы о судьбе месхов-мусульман, то после перестройки эта проблема стала одной из ведущих на страницах центральных газет. Так, в газете «Известия» (от 19 августа 1988 года) собственный корреспондент в Ташкентской области Г. Димов в статье «Мост через годы (Встречи на улицах маленького городка Пскент)» также рассказывает о судьбе месхов, выселенных в этот район. Здесь почти каждая четвертая семья – месхи или, как Димов их называет «турки». «Их городок на берегу Ташкентского канала так и называется Туркаул».

Г. Димову довелось быть свидетелем того, как в конце сорок четвертого – начале 1945 годов месхов принимали в Узбекистане. По его словам – не с открытым сочувствием... Месхи шли на стройки, заводы: на селе – в сады и огороды, но большинство из них оказалось в новой для них отрасли хозяйства – хлопководстве. Пришлось осваивать и ее.

Уже в 1958 году, когда была прикрыта районная спецкомендатура и ушла в прошлое унизительная обязанность переселенцев раз в две недели отмечаться в ней, среди узбекистанских мастеров хлопководства, представленных к званию Героя Социалистического Труда, оказалась и 19-летняя месхетинка из Букинского района Саадат Гюльахмедова. А Джавад Кочиев, механизатор из сырдарьинского совхоза «Малек», позже председатель колхоза, за разработку и внедрение новой хлопкоуборочной машины вместе с учеными, конструкторами чуть позже был удостоин Ленинской премии.

Корреспондент рассказывает далее, что пришлось пережить месхам за эти годы. Таштан Гейдарович Пипинадзе, в уютном доме которого на берегу Ташкентского канала побывал Г. Димов, был призван в армию двадцатилетним пареньком из родного села Чорчани. Это было в 1939 годы. Уже кончался срок его службы, но тут началась война. Первый бой с немцами он принял в конце 1941-го под Таганрогом, последний был у него в конце 1945-м на севере Германии. Письма из дома всю войну шли исправно. Но уже в конце 1944-го их вдруг не стало.

Родных Пипинадзе нашел уже здесь, в Узбекистане, в Пскенте. Всех, к счастью, в здравии: мать, отца, братьев, сестер. Горечи тут было – сверх всякой меры: весь этот народ уже на исходе победоносной войны был выслан подальше от родной земли. За что, про что – никаких объяснений.

«Как у Таштана Гейдаровича сложилось все потом? Снял шинель, засучил рукава – надо было жить, работать. Через год он уже стал бригадиром. В соседнем районе вскоре встретил свою Нигару. Поженились, вырастили семерых детей (трое дочек школу закончили с золотыми медалями), заслужил работой почет («мне в 1961 году первому в районе «Волгу» выделили), к боевым его наградам добавились два ордена Трудового Красного Знамени, медали за труд и к праздникам. На пенсию ушел недавно – только когда стукнуло сорок лет на посту бригадира, а перед этим в прошлом году съездил в Месхети, отыскал могилы предков. Вспомнил однокашников – из Чорчанских его друзей не вернулись с фронта 99, он мог быть сотым: пуля–дура, но его миновала...».

Его не хотели пускать в Чорчану. Неужели потому, что он месх? В самом деле – почему? Давно уже, согласно правительственным актам месхи-мусульмане, турки, как и все граждане страны, были не «спецпереселенцами», а равноправными тружениками... То же было и в совхозе имени Энгельса под Янгиюлем, где хлопоты группы месхов вовсе ни к чему не привели, хотя у них нужда в поездке в Месхети была еще острее: людям уже пенсию оформлять, а у них еще паспортов нет, а нет потому, что метрик с места рождения или архивных справок через ЗАГС никак на могли выхлопотать.

Бригадир Рубиль Гасанов и Таштан Пипинадзе – земляки. Первый из Абастумани, второй, как сказано, из Чорчаны. Отец первого, известный в 30-е годы в Грузии председатель колхоза Гаиб Гасанов (в 1980 году, за два года до кончины, ему был вручен в Пскенте знак «50 лет пребывания в КПСС») хорошо знал не менее популярного в Ахалцихе пастуха Гайдара Пипинадзе. Оба они покоятся уже в здешний земле, а их дети, теперь уже в третьем поколении, оказались в родстве: дочь Рубиля, учительница, замужем за сыном Таштана, директором районного Дома культуры...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ИСТОРИЯ БОРЬБЫ МЕСХОВ ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Да, месхи вели себя достойно. Если крымских татар обвиняли в сотрудничестве с немцами во II мировой войне, то против месхов такое обвинение не выдвигалось В годы войны и высылки 10 тысяч сынов и дочерей нашего народа были награждены орденами и медалями Советского Союза. А в итоге... Вечная высылка из родной земли. Нас упрекали: Верховный Совет снял с вас ограничения, дал право жить вольно, что вам еще надо? Но мы не слепые, в нас так и не сумели подавить чувство собственного достоинства и не смогли заставить мириться с несправедливостью в отношении нас. Да и как может мириться наш трудолюбивый народ, рассеянный по разным уголкам бывшего Советского Союза, с насильственной морально-культурной и экономической деградацией, которая нам угрожала, с принудительной ассимиляцией с другими народами? Как и любой другой народ мира, мы не могли примириться с этим.

И сразу же после снятия с нас комендантского надзора на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года наш народ начал борьбу за возвращение на свою исконную родину – в Грузию, в Месхети. Борьба эта была долгой, полной препятствий, унижений и страданий.

После разоблачения культа личности до последнего времени в адрес руководителей партии, правительства, государственных деятелей было написано и отправлено более 300 тысяч индивидуальных и коллективных заявлений, более 150 раз мы направляли своих делегатов в Москву и Тбилиси, просили лишь одного – разрешить вернуться на Родину, но к сожалению, все эти унизительные хождения, просьбы оказывались тщетными.

После освобождения от комендантского надзора наш народ всеми силами стал стремиться вернуться на Родину, но руководители Грузии во главе с первым секретарем ЦК КП республики В.П. Мжаванадзе категорически отказались принять нас. Вот как отвечал тогда управляющий делами Совета Министров Грузии тов. Пааташвили на наше заявление от 15 января 1957 года за № Б-20/МВГ: «Снятие с вас ограничения не дает вам права возвращаться в места, откуда вы были высланы. Исходя из этого, вы имеете право избрать постоянное местожительство в любом пункте СССР, кроме Грузии».

Хотя Президиум Верховного Совета СССР в дальнейшем в отношении нас принял ряд постановлений и указов, как например указы Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года, от 31 октября 1957 года и от 9 января 1972 года. Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 года и от 3 апреля 1979 года, но ими наш вопрос окончательно так и не решался.

Были приняты также: Постановление ЦК Компартии Грузии от 3 апреля 1979 года (о возвращении месхов на родину), Постановление Совета Министров Грузинской ССР № 600 от 8 декабря 1987 года, на основе которого в 1987-1988 гг. в Грузию было принято 300 семейств месхов (из них 100 семейств – в Месхети), Постановление Совета Министров Грузинской ССР № 293 от 24 июня 1988 года («О возможности переселения в Грузинскую ССР семей месхов из других союзных республик»).

Постановления и указы принимались, но они так и оставались на бумаге. Ни один из этих документов не давал месхам права свободно поселяться на территории Грузии. А если о

таком праве в них и говорилось, то, как мы увидим ниже, в реальной жизни властями делалось все, чтобы не допустить переселения месхов в Грузию.

Наши представители десятки раз на приемах в ЦК КПСС, в Верховном Совете СССР и т.д. получали один и тот же ответ: «... Это дело должна решать сама Грузия». А в Грузии отвечали: «Грузия такие вопросы не решает, обращайтесь в Москву».

Точно такими же были последствия наших заявлений. Заявление, адресованное на имя партии и правительства СССР, отправлялось на рассмотрение в Грузию, а из Грузии сообщали: «Заявление, поступившее в адрес ЦК КП Грузии, отправляется на рассмотрение Совета Министров ГССР». А Совет Министров ГССР отправляет на рассмотрение Госкомитета ГССР по труду, а, тот, грубо говоря, «концы пускает в воду», и так повторяется бесконечно.

Как видно, решение вопроса месхов Москва поручала Грузии, а руководители республики всегда находили причины, чтобы не принять нас.

Для некоторых руководителей Грузии судьба безвинно пострадавшего народа, его переживания и страдания были безразличны. Как и в мрачные времена высылки, так и в период руководства первого секретаря ЦК КП Грузии В. Мжаванадзе в отношении месхов не находилось иных красок, кроме черных, продолжали стряпаться провокационные фальшивки, нас голословно и огульно обвиняли в том, что мы «неблагонадежные турки», при помощи запугивания, слежки, арестов и т.д. пытались подавить движение месхов, их стремление вернуться на родину.

Политика таких руководителей Грузии была направлена не на исправление допущенных во время культа личности ошибок, а наоборот, на продолжение раздувания вражды между единокровными братьями-грузинами. Политика этих деятелей была освещена не словами великого Руставели: «Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг», не терпимостью и доброжелательностью, а пронизана шовинистическими замашками.

Но месхи никогда не могли примириться с потерей своей родины. Движение месхов за возвращение на родину вначале возглавляли Мехлюд Байрахтаров-Мгеладзе и уроженец села Уде Адигенского района, член КПСС с 1942 года, учитель Латифшах Бараташвили. На первом этапе наша борьба закончилась тем, что получив отказ от тогдащних руководителей Грузии, при поддержке руководителей Азербайджана мы добились «возвращения» нашего народа в Азербайджанскую ССР. Согласно распоряжению Совета Министров СССР от 17 июня 1958 года за № 1903-р, нашему народу было разрешено переселяться и жить в Азербайджане. Мечтая быть ближе к родине, за короткий срок сюда из Средней Азии и Казахстана переселились 13 тысяч семей или около 30 тысяч человек. Руководители республики разместили их в основном в Муганской степи в саланчакских землях, где веками водились ядовитые змеи.

Республика не была готова принять такое количество переселенцев. Люди жили в голодной степи в палатках, где днем жара поднималась до 50 градусов. Маленькие дети не выдерживали такой жары и умирали. Впоследствии из-за этих и ряда других причин многие уехали обратно.

Те, кто остались здесь, организовали 8 колхозов и совхозов. Многие месхи за отличный труд в совхозах и колхозах Азербайджана были награждены орденами и медалями. В том же 1958 году Мехлюд Байрахтаров был избран председателем вновь организованного в Саатлинском районе Азербайджана колхоза «Адигени», в котором поселилось около 15 тысяч месхов (всего в данное время в Азербайджане находятся примерно 4000 хозяйств или же более 30 тысяч человек). И в этом же году он был избран депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР.

В Азербайджане, рядом с Грузией, еще более усилилась тяга месхов к родине. Они согласны были поселиться в любом уголке Грузии, где звучала бы их родная грузинская речь. Именно поэтому, через несколько лет своего поселения в Азербайджане 100 семей месхов покинули его и направились в Грузию. Они узнали, где больше всего нужны рабочие руки, и выехали

в Махарадзевский район, где и поселились. К этому времени они считали себя полноправными гражданами СССР и не знали еще о негласном указе, согласно которому их поселение в Грузии было запрещено.

После их отъезда председатель колхоза Мехлюд Байрахтаров поднял страшный шум: колхоз разваливается, государственный план под угрозой срыва! Правительство Азербайджана послало в Москву жалобу на Грузию: государственный план срывается, грузия переманивает людей!

Позже Мераб Костава в нелегальном рукописном журнале «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии», 1976, № 2, с. 99) относительно подобных фактов писал: «Власти для своего оправдания (чтобы не пустить месхов в Грузию. – Х.Г.) ссылаются на экономические проблемы. Будто если месхов вернут на родину, то нехватка рабочих рук на хлопковых плантациях вызовет невыполнение планов в Средней Азии и Азербайджане, из-за чего будто бы пострадает вся экономика СССР. Интересно, с каких это пор появилась у советских руководителей психология американских плантаторов довашингтоновских времен?!»

После строгого указания Москвы руководители Советской Грузии, продолжая политику репрессий сталинских времен, 21 апреля 1960 года выслали 30 хозяйств месхов из Лайтурского чайного совхоза Махарадзевского района. (Накладные номера с 512351 по 522358 – восемь вагонов. Станция и дорога назначения – Алма-Ата – 1, Казахстан. Марки ж/д с 1237 по 1244-ый).

А 15 марта 1961 года послушный Москве В.П. Мжаванадзе все 25 хозяйств месхов, переселившихся в Гальский район, выселил обратно в Азербайджан. Так месхи были вновь выселены со своей родины – Грузии!

В Азербайджане месхам создавали невыносимые условия жизни. Если до 1958 года выселенным месхам в паспортах писали в графе «национальность» – «турок», то теперь после частичной реабилитации, в большинстве случаев писали национальность той республики, в которой они поселились. В

Азербайджане их всех записывали азербайджанцами. Любые попытки месхов восстановить свою грузинскую национальность вызывали сопротивление властей.

Шла также постоянная проазербайджанская агитация. Одновременно происходила и мусульманская обработка месхов. Среди них распространялись слухи, что в Турции 15 ноября (день выселения месхов) объявлен днем национального траура и в стране вывешиваются черные флаги и т.д. В то же время пугали верующих месхов-мусульман, что стоит им только вернуться в Грузию, как их сразу же заставят принять христианство и на шею им повесят крест.

В распространении подобной проазербайджанской агитации большую роль сыграл Мехлюд Байрахтаров, который, приобщившись к власти, стал свои интересы ставить выше интересов родины и своего народа (за предательство он получил много наград, среди них в 1966 году звание Героя Социалистического Труда). Он отказался от борьбы за возвращение месхов на родину и вместе с органами власти Азербайджана стал преследовать патриотов, ведущих эту борьбу. Как стало известно месхам, М. Байрахтаров и его близкие родственники – Ахмед и Валид Байрахтаровы, как и официальные представители Азербайджана, предлагали месхам поменять их грузинские фамилии на азербайджанские.

Преследования месхов-патриотов М. Байрахтаровым и ему подобными и явилось еще одной из причин, заставивших их уехать из Муганской степи и на новом месте продолжать борьбу за возвращение на родину.

Одним из этапов этой борьбы был 1962 год, когда мы, несколько человек – представителей месхов, приехавших из Средней Азии и Азербайджана в Тбилиси и получивших очередной отказ от руководителей Грузии разрешить нам вернуться на родину, собрались в одном из домиков тбилисского ипподрома и создали «Временный комитет», призванный возглавить нашу борьбу. Председателем Комитета был избран Латифшах Бараташвили, а его заместителями: по Средней Азии – Энвер Одабашев-Хозреванидзе, а по Закавказью – я, Халил Умаров-Гозалишвили. После этого наши группы как по Закавказью, так

и по Средней Азии активизировали свою борьбу за возвращение на родину.

В том же 1962 году – 25 апреля – 10 хозяйств месхов были выселены грузинскими властями из Джандарского племсовхоза Гардабанского района. Действия грузинских властей вызывали возмущение передовой интеллигенции Грузии, которая поддерживала и помогала нам.

Одним из первых в Грузии вопрос о месхах поднял специалист по истории Месхети, доктор исторических наук Шота Ломсадзе, по происхождению месх из христианской семьи. 10 июня 1962 года он обратился к секретарю ЦК Компартии Грузии В.П. Мжаванадзе с «Кратким докладом о грузинских мусульманах Месхети», в котором изложил вопрос о судьбе месхов – высланных грузин-мусульман и потребовал их возвращения на родину. В письме говорилось:

«... Переселением (месхов – У.Х.) тогдашние руководители допустили двойное преступление: во-первых, насильственное переселение советских людей из родных мест является нарушением нашей партийнои и государственной законности, во-вторых, они не приняли за историческую достоверность грузинское происхождение, грузинские фамилии, грузинский язык, то что население одной части их деревень, как например: Таниси, Свири, Гуркели, Гиоргицминда, Мугарети, Сакунети, Шурдо, Зикиля, Цохтеви, Неса, Чохта, Вале, Бога, Уде, Индуса, Тоба, Ахашени, Чобарети, Токи, Килда и другие, – до высылки говорило только на грузинском языке.

Это население Месхети отличалось большим трудолюбием, они были несравненными специалистами в области садоводства и животноводства.

Сейчас, когда наше правительство всячески старается исправить ранее допущенные опибки, сам собой встает вопрос о возвращении на родную землю вышеупомянутых грузин-мусульман»[48]

Но это письмо не возымело никакого действия.

---

[48] Секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии тов. В.П. Мжаванадзе. – Краткий доклад о грузинских мусульманах Месхети канд. ист. наук Шота Ломсадзе. Тбилиси. 10 июля 1962 года.

Позже, в 1975 году, Шота Ломсадзе в Тбилиси на грузинском языке издал книгу «Самцхе-Джавахети», основанную на большом архивном и фактическом материале. В ней широко используются исторические первоисточники, начиная от записок путешественников, посещавших Грузию, Месхети, известных «Актов Кавказской Археографической Комиссии», и кончая архивными материалами. Труд этот многим раскрыл глаза и показал, что большинство высланных из Грузии месхов были исторически грузинами.

Организованный в 1962 году «Временный комитет», состоявший из двух групп, активно включился в работу, стремясь добиться разрешения о возвращении месхов в Грузию. Несколько раз совместно закавказская и среднеазиатская группы посылали делегации в Москву и в Тбилиси в вышестоящие органы с пакетом наших требований. Так, в 1963 году делегация месхов в Москве пыталась передать Леониду Ильичу Брежневу свои требования о возвращении в Грузию. Но к Брежневу нас не допустили. Принял нас начальник приемной Верховного Совета СССР А. Скляров, который на наши требования ответил следующее: «Я ваши заявления не передам не только Леониду Ильичу, но и сам их не приму. Возвращайтесь по домам. Что вам еще надо? Ведь ваш представитель Мехлюд Байрахтаров убедил меня, и я подготовил проект, на основе которого Президиум Верховного Совета СССР издал Указ от 31 октября 1957 год, согласно которому, вашему народу, как азербайджанцам, разрешено селиться в Азербайджанской ССР. И вдруг сейчас вы доказываете, что вы не азербайджанцы, а месхи – грузины-мусульмане. Что же скажет на это Леонид Ильич Брежнев?! Как мы объясним ему это? Что это ошибка? Спасибо за это он не скажет...»[49].

С этими словами Скляров выдворил нас, месхов, из приемной.

---

[49] «Манифест к членам Президиума Верховносо Совета СССР, делегатам XXIII партсъезда и всем людям доброй воли» Временного Комитета по возвращению месхов на родину. – 30 января 1966 г., г. Ташкент.

1 декабря 1964 года делегация месхов прибывает в Грузию и обращается к «Грузинскому Обществу по культурным связям с соотечественниками за рубежом», к его председателю – заслуженному деятелю искусств Грузии, профессору Павле Хучуа. В заявлении, предоставленном П. Хучуа, содержались следующие требования:

«1. Размещение месхов отдельными группами в различных районах Грузии, согласно тому, как сочтет это нужным сделать правительство Грузии.

2. Их соответствующее использование, как рабочих рук, на строительстве гидроэлектростанций, промышленных предприятий, общежитий, фабрик и заводов, на транспорте, в колхозах, и т.д.

3. Выделение в любых районах Грузии отдельным группам месхов земли для создания коллективных хозяйств, которые будут организованы вернувшимися на родину грузинами с помощью Аллаха».

Профессор П. Хучуа эти требования с Докладной запиской и ходатайством, подписанным известными представителями грузинской интеллигенции, писателями: К. Гамсахурдиа, Г. Леонидзе, И. Абашидзе; художниками: Л. Гудиашвили, С. Кобуладзе, У. Джапаридзе; композиторами: А. Мачавариани, Ш. Мшвелидзе, А. Баланчивадзе, самим П. Хучуа и др., лично передал на приеме первому секретарю ЦК Компартии В.П. Мжаванадзе. Но и это ходатайство не возымело никакого действия. Вместо помощи, официальные круги Грузии решают пойти на провокацию и очернить месхов, «доказать», что они действительно представляли собой благодатный материал для немецкой и турецкой агентуры. С этой целью КГБ Грузии решает заставить кого-либо из грузинских писателей написать «документальный» роман, «разоблачающий» месхов, но ни одного писателя они не смогли заставить это сделать. После этого КГБ обратился к проживающему в Тбилиси работнику контрразведки, месху по происхождению полковнику А. Алимханову, которому пообещали большое вознаграждение за то, чтобы он «очернил» месхов в своих «воспоминаниях». Когда Алимханов отказался от этого предложения, ему объявили «недоверие» и освободили с работы. В конце концов ими был нанят некто по имени Сергей Прага, который в русской газете «Молодежь Грузии» в 1964-1965 годах публиковал с продолжениями «документальную повесть» под названием «Пароль «Ак-Чай», в которой приводились факты того, что месхи якобы являлись «агентами турок»[50].

Но месхи – народ, издревле являвшийся коренным населением Грузии – предки которых с юга прикрыли своими телами всю остальную Грузию от нашествия турок, пали жертвой, потеряли свою веру под угрозой насилия, приняли мусульманство, но этим помогли сохранить остальную Грузию, предоставили ей счастливую возможность обращаться с молитвой ко Христу на родном грузинском языке – этот народ, который считал себя кость от кости, кровь от крови – родными братьями грузин, никогда не мог отказаться от своей матери – Родины.

В 1965 году мы, группа месхов, обратились в Академию наук СССР с вопросом: «Кто проживал в Ахалцихском и Ахалкалакском районах Грузии, из которых мы были высланы?» На этот вопрос мы получили следующий ответ доктора биологических наук, профессора Института этнографии имени Миклухо-Маклая Академии наук СССР Г.Ф. Дебеца: «Турки (проживающие в Ахалкалакском и Ахалцихском районах Грузии – Х.У.) – это мусульманизированные и в значительной степени отуреченные по языку грузины (месхи). А «татары» – это азербайджанцы или, что то же самое «карапапахи», которые составляют 5% из общего числа высланного народа»[51].

5 августа делегация месхов вновь прибыла в Москву для передачи наших требований Президиуму Верховного Совета СССР. Нашу делегацию с целью протекции сопровождал сам Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР

[50] Из жалобы Латифшаха Бараташвили от 31 декабря 1965 года.

[51] Официальный документ Академии наук СССР от 2 июля 1965 года за № 30/040-728.

Г. Дзоценидзе. Он организовал нам вновь встречу с начальником приемной Верховного Совета А. Скляровым, который прямо объявил нам: «Возвращение вашего народа в места прежнего проживания экономически невыгодно, и поэтому невозможно. Вы трудолюбивый народ. Если вы уедете, то кто же будет выращивать хлопок? Зачем вам возвращаться в Месхети, что вы там будете делать?» На все доводы Г. Дзоценидзе А. Скляров тут же находил контрдоводы и, в конце концов, оборвал его. Вообще следует отметить, что начальник приемной А. Скляров разговаривал с руководителем правительства Грузии так, как разговаривает господин с рабом[52].

Нам пришлось уехать восвояси. Но несмотря на это, движение месхов за возвращение на родину ширилось. Все это стало беспокоить органы власти, особенно КГБ, они начали преследовать нас, руководителей, активных участников борьбы и вообще всех месхов. 23 марта 1966 года в аэропорт столицы Киргизии Фрунзе пришло более двухсот человек, которые провожали своих делегатов, направлявшихся с пакетом требований в Тбилиси. Внезапно на месхов напали войска КГБ, которые стали их избивать и заталкивать в милицейские машины. Произошла настоящая рукопашная схватка. 38 человек месхов были арестованы и посажены в тюрьмы за сопротивление властям. На следующий день огромная толпа месхов устроила демонстрацию протеста перед Центральным Комитетом Компартии Киргизии. Демонстранты требовали немедленного освобождения арестованных[53].

Преследования месхов продолжались. Поэтому мы, представители «Временного комитета», для обсуждения создавше-

---

[52] Из «Манифеста к членам Президиума Верховного Совета СССР, делегатам XXIII партсъезда и всем людям доброй воли» Временного комитета по возвращению месхов на родину – 30 января 1966 г., г. Ташкент.

[53] Из «Напоминания – Открытого письма Э.М. Одабашева-Хозреванидзе первому секретарю ЦК Компартии Грузии В.П. Мжаванадзе» от 20 сентября 1967 года.

гося положения вновь собрались 25 июня 1966 года в Тбилиси в здании турбазы на улице Сулхан-Саба Орбелиани. В заключении наших долгих дебатов о направлении нашей дальнейшей деятельности в атмосфере начавшихся репрессий, встал председатель «Временного комитета» Латифшах Бараташвили и сказал: «Учитывая создавшееся положение, объявляю «Временный комитет» распущенным!»

Начиная с этого времени, он навсегда отошел от руководства политической борьбой нашего народа. Но он всегда оставался истинным патриотом Грузии, грузинского народа, патриотом борьбы месхов за возвращение на родину. Его жена – З.С. Гигинеишвили – была из христианской семьи. Когда Л. Бараташвили в 1944 году был выслан, его жену силой разлучили с ним. З. Гигинеишвили, оставшуюся в Грузии, палачи МВД мучили, пытали, обвиняя в пособничестве месхам – «туркам». Она не вынесла пыток, сошла с ума и вскоре умерла. Подобные трагедии – не редкость в месхских семьях. Вернувшийся из высылки Л. Бараташвили, после всех перенесенных мучений, так и не был принят на своей родине (проживал он в г. Мингечауре), он даже не смог своих детей устроить учиться в высшие учебные заведения Грузии.

После распада «Временного Комитета», мы, месхи, находившиеся в то время в Азербайджане, посоветовавшись с нашими единомышленниками, учеными Джумали Аюбовым-Абашидзе, Нариманом Меликшаховым-Бакрадзе и другими, в 1966 году создали на научной основе нелегальный кружок грузин-месхов и его орган – рукописную газету «Возрождение» (на турецком языке). Руководителем кружка был избран ваш покорный слуга – Халил Умаров-Гозалишвили. Целью кружка являлось развитие грузинского самосознания среди месхов, а также ознакомление народа с трагической историей месхов и Месхети как неотъемлемой части Грузии. В нашей борьбе за возвращение на родину мы опирались на исторические и юридические документы.

Организация наша была нелегальной, т.к. месхское движение жестоко преследовалось, росли репрессии. Когда в том

же 1966 году, 1 июля, в Тбилиси прибыли группа месхов из 19 человек (среди них – 105-летняя старуха, дети), их в тот же день насильно, с помощью милиции, вновь посадили в поезд и отправили в Азербайджан. Едва они высадились с поезда на станции Евлах, сопровождавшие их стали с поезда бросать в них бутылки, в результате чего четырехлетний мальчик-месх получил ранения.

Но месхи, несмотря на все заслоны, неудержимо стремились на свою родину – в Грузию. В 1967 году из Азербайджана в Грузию прибыло 15 семейств месхов по фамилии Чамохидзе. Они поселились в селе Бога Гардабанского района. Но вскоре их силой вновь выдворили из Грузии – послали опять в Азербайджан.

Эти факты вызывали возмущение передовой интеллигенции Грузии, которая поддерживала и помогала нам в нашем движении. 24 мая 1968 года «Историческое общество Грузии» организовало в Тбилиси сессию, посвященную истории и этнографии Месхети. Председательствовал на сессии академик Г. Читая. С докладами выступили историки: Ш. Ломсадзе, Латифшах Бараташвили и др. Ш. Ломсадзе прочитал доклад: «Присоединение Ахалцихского края». А Латифшах Бараташвили сделал доклад о «Генеалогии месхских фамилий». После сессии грузинских историков допрашивали сотрудники КГБ, а историка Ш. Ломсадзе КГБ взяло на особый учет и долго не оставляло в покое.

30 мая 1968 года в Москве было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР, которое приводим полностью: «О порядке применения в отношении граждан СССР – турок, курдов, хемшилов и азербайджанцев, проживавших ранее в Грузинской ССР, статьи 2 Указа президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года и статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1957 г.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Разъяснить что граждане СССР – турки, курды, хемшили и азербайджанцы, проживавшие ранее в Аджарской АССР,

Ахалцихском, Адигенском, Аспиндзском, Ахалкалакском, Богдановском районах Грузинской ССР, и члены их семей могут пользоваться правом, как и все граждане Советского Союза, проживать на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме.

2. Отметить, что граждане турецкой и курдской национальности, хемшилы и азербайджанцы, ранее проживавшие в Грузинской ССР, укоренились на территории Узбекской ССР, Казахской ССР и других союзных республик и пользуются всеми правами советских граждан, принимают участие в общественно-политической жизни, избираются в состав советских, партийных и профсоюзных органов, многие из них за успехи в труде награждены орденами, мдеалями, имеют почетные звания.

Поручить Совету Министров союзных республик, где проживают в настоящее время указанные граждане, и впредь оказывать им помощь и содействие в хозяйственном и культурном строительстве с учетом их национальных интересов и особенностей.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ

Москва, Кремль, 30 мая 1968 года».

Этим Постановлением союзная власть будто бы разрешала селиться месхам, где они пожелают, но тут же недвусмысленно заявляла выселенным, что она не будет вмешиваться в дела Грузии, и пусть месхи остаются там, где они сейчас находятся, и им на местах будет оказана «помощь и содействие»... Месхи поверили, что это Постановление давало им право возвращаться на родину, они не знали, что в отношении их было дано особое негласное указание, которое категорически запрещало месхам поселиться в Грузии.

Обнадеженные этим Постановлением Президиума Вер-

ховного Совета СССР, около тысячи месхов со своими семьями прибыли в Тбилиси. 25 июля 1968 года они обратились в ЦК Компартии Грузии, но их туда не пустили. К сожалению, среди тысячи прибывших месхов. находились и фанатически настроенные месхи-мусульмане, обработанные панисламистской пропагандой элементы, которые вели среди людей демагогические разговоры, выкрикивали провокационные лозунги. Вместо того, чтобы разобраться в ситуации, отделить ложь от правды, грузинское правительство, решив отделаться от месхов, направило на них милицию и солдат, которые резиновыми дубинками, без разбору, начали бить всех месхов. После этого избиения месхов вновь выселили из Грузии.

В том же году из колхоза «Адигени» Саатлинского района Азербайджанской ССР 8 семей месхов направились в Грузию, хотя их отъезду всячески препятствовала милиция Азербайджана. Но месхи сумели ввести милицию в заблуждение и ночью, выехав совершенно другой дорогой, все же догнали поезд, идущий в Грузию. Они прибыли в Махарадзевский район, в Лайтурский чайный совхоз, директор которого с радостью принял их на работу. Но вскоре с помощью милиции их насильственным путем посадили в автобусы и увезли обратно в Азербайджан. Подобные факты повторялись снова и снова.

В июле этого же года делегатов месхов – меня и моих братьев Гозалишвили –принял шеф КГБ генерал А. Инаури. Между нами произошел следующий разговор:

Х. ГОЗАЛИШВИЛИ: Мы являемся полноправными гражданами Советского Союза. Что же препятствует нашему возвращению в Советскую Грузию?

ГЕНЕРАЛ А. ИНАУРИ: Когда вас выселяли, меня не было в Грузии, знаю только, что из ваших людей-месхов была создана банда, с которой мы боролись. Поэтому ваше возвращение в Месхети, которая находится на границе с Турцией, на мой взгляд, является рискованным и невозможным. Пока я жив, вашего возвращения в Грузию не произойдет!

Х. ГОЗАЛИШВИЛИ: Я, как и многие другие месхи, являюсь участником Великой Отечественной войны, патриотом

нашей страны. Неужели из-за нескольких подонков-провокаторов должен быть наказан весь наш народ? Почти из всех советских народов, не исключая русских, немцы создавали боевые соединения, но ни один народ не был так наказан, как наш. Если не хотите возвращать нас в Месхети, то поселите нас в любом уголке Грузии, где самые плохие земли: наш трудолюбивый народ освоит их. Неужели Грузия не нуждается в рабочих руках? Благодаря этому и мы не потеряем своей национальности, не рассеемся, не ассимилируемся среди других народов и вернем себе грузинское самосознание... Я думаю, что грузин не так уж много на земле, чтобы не задуматься о том, что было бы благом, если бы число их увеличилось.

ГЕНЕРАЛ А. ИНАУРИ: Что касается нужды Грузии в рабочих руках, то в них мы пока не нуждаемся. А насчет того, чтобы увеличилось число грузин, то какое это имеет значение? Вот у меня, например, жена русская. При коммунизме вообще все нации сольются в одну нацию. Так что оставайтесь там, где вы сейчас находитесь. И там, и здесь одна страна – Советский Союз. Живите спокойно и честно работайте.

На этом аудиенция с шефом КГБ закончилась.

После нас у Инаури на приеме были еще шесть делегатов-месхов, среди них Вахид Амрулаев, Пашали Машид-оглы и другие. На их вопрос: почему месхов не принимают на родине, генерал А. Инаури ответил: «Пока Турция не станет социалистической страной, вам никогда не видеть Грузии!»

Месхи ему на это сказали:

– Сила и оружие в ваших руках, хоть завтра превратите Турцию в социалистическую страну, но какое к этому мы имеем отношение?!

– Я вам уже все объяснил. Больше времени у меня нет, освободите кабинет! – с этими словами генерал первым вышел из кабинета.

Месхам ничего не оставалось, как уйти восвояси.

В 1969 году 250 семей месхов-мусульман, узнав, что в Очигварском чайном совхозе Гальского района Абхазской АССР нужны рабочие руки, выехали из Азербайджанской ССР

в Грузию. С большой радостью приняло их местное население. Месхи сразу же приступили к работе и достигли в труде больших успехов. Узнав о том, что их приняли в Гальском районе, предоставили жилье и работу, и другие месхи, из Средней Азии и Азербайджана стали покидать места своего проживания и двинулись в Грузию, в Гальский район. Четыре месяца они продолжали прибывать в этот район. Ситуация обострилась, когда власти Азербайджана вновь стали жаловаться в Москву: «Месхов мы вызвали из Средней Азии в Азербайджан, чтобы с их помощью осваивать целину. Но вот сюда прибыли представители из Грузии, обманули месхов, что они – грузины и увезли их с собой. В результате этого у нас развалились восемь колхозов и три совхоза! Государственный план сорвался!»

По этому вопросу из Москвы в Азербайджан прибыла специальная комиссия. На месте руководителям Азербайджана было нетрудно «убедить» комиссию в справедливости своей жалобы. На основе выводов комиссии в Москве было решено месхов, прибывших в Гальский район, выслать обратно в Азербайджан!

Который уже раз совершалось подобное насилие над несчастным нашим народом!

8 июня 1969 года 250 хозяйств месхов начали выселять из Гальского района. Но когда месхи отказались добровольно покинуть окрестности Очигвари, где они поселились, власти Грузии пригнали туда заключенных, чтобы они расправились с непокорными месхами. Но сердца узников оказались на стороне обездоленного народа, и они не стали трогать женщин и детей и в знак протеста все стали на колени. Тогда заключенных угнали и вместо них прислали отряды милиции и войск особого назначения. Они стали разорять дома месхов, избивали их и насильно заталкивали в товарные вагоны. В рукопашной борьбе рядом с месхами-мужчинами принимали участие и беззаветно храбрые женщины-месхетинки.

За сценой изгнания месхов из Гальского района наблюдали специально прибывшие из Баку представители ЦК Азер-

байджана, секретарь райкома Саатлинского района Бабаев и работник Министерства сельского хозяйства Азербайджана Казаков. Они горячо убеждали месхов: «Вернитесь в Азербайджан! Вы ведь видите, что грузины вас вновь изгоняют!» Но месхи решительно отказались возвращаться в Азербайджан. Тогда их повезли на Северный Кавказ. На станции «Белореченская» Краснодарского края военные, сопровождавшие месхов, заявили местным властям:

– Эти люди были наняты на работу в Грузию, но сейчас они уже там не нужны. Может быть, вам нужны рабочие руки, тогда используйте их!

Услышав это, месхи подняли крик:

– Ложь! Вранье! Нас из Грузии выселяют насильно! Помогите!

Местным властям пришлось связаться с Москвой по этому вопросу. Москва приказала: «Верните их!»

Месхов вновь привезли в Гальский район. Но через неделю местные власти Грузии, действуя по старому сценарию, всех месхов выслали из Гальского района.

В конце концов часть месхов (25 хозяйств), выселенных из Гальского района, нашла приют в Кабардино-Балкарской АССР, где в скором времени их число увеличилось до 600 хозяйств.

Но многих месхов под конвоем, как заключенных вновь заставили вернуться в Азербайджан, где им были созданы еще более трудные условия жизни. После Гальской высылки в Азербайджане усилились репрессии по отношению к месхам, началось еще более жестокое преследование патриотов, которые боролись за возвращение месхов-мусульман на родину – в Грузию, устраивались различные провокации, чтобы не дать возможности месхам выехать из Азербайджана, поэтому жить в Азербайджане многим месхам стало трудно и опасно. В результате этого многие месхи прогрузинской ориентации, в том числе и моя семья, вынуждены были в 1969 году переехать из Азербайджана в Кабардино-Балкарию.

После нашего переселения вокруг нас постепенно стал

собираться народ, и через некоторое время Кабардино-Балкария стала центром освободительного движения месхов-мусульман.

В том же 1969 году мы, делегация выселенных из Гали месхов, в количестве 100 человек приехали в Москву. Вначале мы хотели встретиться с секретарем Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе. Но приема к нему мы так и не смогли добиться. Тогда решили обратиться к Грузинскому Представительству в Москве. Но нас не захотели даже впустить туда. Мы стояли на улице возле здания Представительства. Вдруг неожиданно открылись двери, и всех нас впустили в здание. Оказывается, на противоположной стороне улицы показались иностранные гости, и с той целью, чтобы они не обратили внимание на толпу месхов, нас срочно впустили в здание Представительства. Но долго с нами говорить здесь не стали, заявив сразу же, что этот вопрос их не касается. Многие месхи в знак протеста тут же порвали и выбросили свои паспорта.

В конце концов нам удалось встретиться с личным секретарем Л.И. Брежнева – Старченко, который в ответ на наши требования заявил: «До нас дошли сведения, что вы не снялись с учета в Азербайджане и без прописки поселились в Гальском районе. В то же самое время мы узнали, что когда число лиц вашего народа в Гали превысило три тысячи, вы пытались бежать в Турцию!»

На это я ответил ему следующее: «Вы слабо знаете географию! От Гали до Турции около двухсот километров, это не наилучшее место для побега! Но мы бежали из Азербайджана, так как нам не дают покоя азербайджанские власти, которые подкупили Комиссию, посланную вами из Москвы».

Разговор на этом был закончен, мы и на этот раз ничего не добившись в Москве, вернулись ни с чем.

К этому времени подняли головы и особенно активизировались среди месхского населения протурецкие элементы. Во главе их стоял Энвер Одабашев-Хозреванидзе. Вначале он горячо поддерживал «Кружок грузинских месхов». В его личных

заявлениях на имя членов правительства СССР и Грузии он особо подчеркивал, что месхи являются по происхождению грузинами, и постоянно провозглашал общегрузинские патриотические лозунги. В его письменных заявлениях и речах часто повторялись следующие высказывания: «Наши кровные братья – грузины», «У кого есть честь, совесть и человеческое достоинство, кому дороги прошлое, настоящее и будущее Грузии, тот присоединится к нашей борьбе за возвращение месхов и объединение их с единокровными братьями – грузинами, за победу справедливости и славу Грузии!» и т.д. Когда Э. Одабашева должны были посадить в тюрьму за нелояльность к властям, он обратился с письмами за помощью к представителям грузинской интеллигенции – к Ш. Ломсадзе, В. Джапаридзе и Г. Ананиашвили. В письме к последнему Одабашев восклицает: «За славу и честь любимой Грузии, за ее великие традиции, я готов умереть, но назад не поверну. Никакие инквизиторы не испугают меня. За объединение Грузии! Родина или смерть!»

Но когда дело коснулось не лозунгов, а действительной жизни, Одабашев оказался слабым и нестойким человеком. После того, как грузинская интеллигенция не смогла ему помочь, и ему пришлось просидеть в тюрьме около трех лет, когда он увидел, что власти Грузии не идут ему навстречу и первый секретарь ЦК Компартии Грузии В.П. Мжаванадзе не рассматривает его заявлений и обращений, он обвинил во всем грузинский народ в его враждебном отношении к себе.

Уже начиная с 1964 года, Э. Одабашев признал, что он «турок», изменил свою грузинскую ориентацию и начал действовать с позиций протурецкой ориентации, объясняя это так: «Мы были высланы как турки и как турки должны возвратиться на родину». Он стал пропагандировать идею, что если месхи объявят себя турками, им будет легче вернуться в Грузию, чем если они будут называть себя грузинами.

Э. Одабашев уже не присутствовал как заместитель председателя по Средней Азии на собрании «Временного комитета по возвращению месхов на родину» 25 июля 1966 года, так

как начал действовать самостоятельно. С этого времени Одабашев начал вести борьбу против нас, месхов прогрузинской ориентации. Он обвинял нас в измене и предательстве интересов месхов (в его понимании – месхов-турок), в том, что мы являемся агентами Грузии.

После отбывания срока наказания Одабашев вместе с другими месхами также прибыл в Кабардино-Балкарскую АССР. Здесь он со своими единомышленниками вновь начал вести противоправную деятельность – устраивал дебоши, провокации против нас, призывал народ к неподчинению властям. После многочисленных высылок из Грузии, Одабашев, обвиняя ее в преследовании месхов, привлек к себе определенную часть месхского населения, которое стал убеждать, что спасение можно ожидать только из Турции. Он решил добиться приема в турецком посольстве. С этой целью около 30 месхов во главе с ним поехали в Москву. Они подошли к турецкому посольству, связали охранявшего посольство милиционера, который не разрешал им входить в здание, и ворвались туда. Представителям турецкого посольства месхи заявили: «Вследствие того, что мы – турки, нас преследуют здесь, в Советском Союзе. Поэтому или помогите нам выехать в Турцию и получить турецкое подданство, или воздействуйте на советское правительство, чтобы нас, месхов-турок, вернули в Месхети». Растерявшиеся от их внезапного вторжения, работники посольства обещали им помочь. Но как только месхи вышли из посольства, они сразу же были арестованы.

Параллельно с этим Одабашев встретился в Москве с правозащитником академиком А. Сахаровым, передал ему заявление от имени «месхов-турок» и попросил помощи, введя Сахарова в заблуждение тем, что представил ему месхов как турок, способствуя созданию невиданной до того нации – «турок-месхетинцев». Одабашев представил А. Сахарову петицию с подписями месхов, но этот документ был в действительности подложным, т.к. доверчивым месхам он демагогически заявлял: «Вы подписываетесь о возвращении на родину», но не говорил им, что они ставят подпись под обращением от «турок-месхетинцев».

Академик А. Сахаров оповестил мир о несправедливостях и ущемлении прав человека, допускаемых в отношении месхов (представленных им по заявлению Одабашева «турками-месхетинцами») и одновременно и в отношении крымских татар.

Позже, после того, как в 1976 году в Москве, член Инициативной группы защиты прав человека в Грузии Мераб Костава передал по этому вопросу академику А. Сахарову объяснительное письмо под заглавием «Месхи – турки или месхи – грузины?», тот признал, что его ввел в заблуждение Э. Одабашев, который представил ему месхов как турок. Когда академик А. Сахаров вместе со своей женой летом того же года находился в Тбилиси, он встретился с членами Инициативной группы защиты прав человека в Грузии. Во время этой встречи он подтвердил, что с ним в контакте был именно Одабашев.

Но Э. Одабашев и его сподвижники не остановились на этом. С группой месхов они вышли на Красную площадь. Здесь все месхи стали на колени. В руках у них были транспаранты: «Верните родину туркам-месхам!» Несколько минут продолжалась эта демонстрация. Одабашев приказал сделать несколько снимков о своем пребывании с этой группой месхов на Красной площади. После этого они разошлись. Сделанные на Красной площади снимки Одабашев разослал руководителям различных группировок месхов, чтобы всем показать: вот как работает, как старается Одабашев сделать все возможное, чтобы вернуть месхов на родину!

Стоит отметить, что Одабашев собрал с месхов большое количество денег, которые предназначались для осуществления цели возвращения на родину. Ясно, что тратил он эти деньги бесконтрольно, по своему усмотрению.

Прошло время. Турецкое посольство, конечно, ничего не предприняло для возвращения месхов. Постепенно многие стали понимать авантюрный характер деятельности Одабашева. Месхи стали высмеивать единомышленников Одабашева: «Если вы не знаете сами, турки вы или грузины, то турки хорошо знают, что вы не турки!»

Вскоре Э. Одабашев пал так низко, что стал выдавать КГБ прогрузински ориентированных месхов. Многие отошли от него. Благодаря этому вновь окрепли силы прогрузински ориентированной части месхского населения. Мы вновь продолжали борьбу за возвращение месхов в Грузию. Мы продолжали посылать своих делегатов в Москву и в Тбилиси. В 1975 году, например, в Тбилиси прибыла группа месхов из 50 человек, которая также ничего не добилась. Таким образом, каждая наша попытка возвратиться на родину встречала упорное сопротивление и кончалась безрезультатно.

Месхи продолжали жить в разных местах бывшего СССР. Начиная с 1977 года, в Кабардино-Балкарии нашему народу было запрещено закупать дома, переселяться и жить на ее территории, поэтому приезжающим пришлось переселяться в Ставропольский край. В данное время в Ставропольском крае насчитывается более 168 хозяйств. Но с изменением местожительства не изменялось положение. Отношение к нашему народу, как к чужим, везде было одинаково. Стремление вернуться на родину не угасало.

Начиная с 1976 года, вопросом о месхах начали заниматься члены инициативной группы Грузии по защите прав человека и содействия выполнению Хельсинкских соглашений, в которую входили: Б. Бежуашвили, З. Гамсахурдиа, И. Кенчошвили, М. Костава и В. Рцхиладзе. На страницах самиздатовского журнала «Сакартвелос моамбе» («Вестник Грузии»), выходившего под редакцией Звиада Гамсахурдиа, они писали и научно доказывали, стремясь донести до читателя правду, что высланные в 1944 году из Грузии месхи являются омусульманенными грузинами, а не турками.

Во втором номере этого журнала (за 1976 год) была помещена статья Мераба Костава «Книга Андрея Садхарова «О стране и мире». Эта книга была издана в 1975 году в Нью-Йорке. М. Костава перевел ее с русского на грузинский язык. В своей статье он особо касается ошибочного положения в книге Сахарова, связанного с понятием «турки-месхетинцы», указывая, что эта ошибка прокралась вследствие того, что

Сахарова ввели в заблуждение (как мы знаем, это специально сделал Э. Одабашев). М. Костава дает глубокий научный анализ понятия «месхи», кратко рассматривает историю Месхети и месхов, рассказывает о фактах их выселения из Грузии в 1944 году. Касаясь искусственно придуманного термина «турки-месхетинцы», М. Костава пишет: «Когда говорят о месхах, тут ни при чем турки и, наоборот. Употреблять эти слова вместе – поистине нонсенс. Месхи – древнейшее грузинское племя, в настоящее время изгнанное со своей родины и ведущее самоотверженную борьбу за свое возвращение в Грузию. Поэтому вызывает подозрение сознательное употребление вместе этих двух слов в любом контексте».

Говоря о том, что месхов насильственным путем лишили национальности, М. Костава отмечает, что это «беспрецедентный факт во всей мировой истории, когда у целого народа отнимают его истинную национальность!»

Особенно большую активность проявил в решении вопроса о судьбах месхов и оказал им большую помощь и другой член инициативной группы – Виктор Рцхиладзе.

В том же втором номере «Сакартвелос моамбе», посвященного месхам, была помещена его статья «Трагедия месхов (Преступление перед грузинской нацией)», в которой на фоне анализа преступлений против своего народа правящей советской верхушки, с научной глубиной, опираясь на большое количество источников, автор правдиво раскрывает малоизвестные факты борьбы грузинского народа, в том числе части его – месхов – за свою независимость и человеческие права. В этой глубоко патриотической, написанной с большим публицистическим пафосом статье дается наиболее полная картина трагедии месхов – грузин-мусульман, оторванных от своей родины и в течение многих лет ведущих отчаянную и безнадежную борьбу за воссоединение с ней.

Виктор Рцхиладзе, из членов инициативной группы наиболее близко стоявший к борьбе месхов, в этой статье подробно рассказывает, как судьба свела его с месхами и как он включился в борьбу за их возвращение в Грузию. Вследствие того,

что эта статья, написанная сразу же по следам происходивших в то время событий, наиболее полно и правдиво отображает их, приводим в ходе нашего повествования в переводе с грузинского языка некоторые выдержки из нее.

Виктор Рцхиладзе пишет, что впервые познакомился с проблемой месхов, с их движением за возвращение на родину из «самиздатовских» материалов, т.к. советские средства массовой информации тщательно скрывали ее. В начале 1976 года после ознакомления с документами, касающимися движения месхов, этот вопрос занял одно из центральных мест в деятельности грузинской инициативной группы защиты прав человека.

27 марта 1976 года В. Рцхиладзе позвонил Вахтанг Джапаридзе и сказал, что к нему на работу в Институт истории приехали месхи. Через несколько минут Виктор был в Институте. «За столом сидели трое: Вахтанг Джапаридзе и два месха, молодые мужчины 37-40 лет. Лица у них были типично грузинские, но по-грузински они не говорили, поэтому разговор шел на русском языке. Гости прибыли из Кабардино-Балкарской АССР. С ними вместе приехал Халил Гозалишвили, но за день до этого он почувствовал себя плохо и вернулся обратно в Кабардино-Балкарию. Вскоре вместе с месхами мы оказались в кругу друзей за накрытым столом.

– За ваше возвращение в Грузию! – поднял я первый тост. С первых же минут мы чувствовали братское расположение друг к другу.

– Что же касается религии, – сказал я в следующем тосте, – пусть процветает та религия, которая вселяет большую любовь между братьями!

– Нет у нас никакого иного желания – лишь бы вернуться на родину к своим братьям-грузинам! – в один голос восклицали месхи. – Лишь бы спастись от той страшной ассимиляции среди узбеков, киргизов, азербайджанцев и других, которая угрожает нашему измученному народу!

В этот вечер месхи ознакомили нас с официальными документами: письмом начальника паспортного отдела Министер-

ства внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР М. Хуранова (от 31 декабря 1975 года), который на просьбы месхов восстановить их национальность и изменить фамилии на грузинские, отвечал, что это дело не паспортного отдела и предложил им обратиться в ЗАГС и архивы. Тут же находились неоднократные один и те же ответы из Грузии: «Архивы сгорели, поэтому восстановить вашу национальность невозможно».

Мы, как могли, стали обнадеживать месхов, что борьба их принесет свои плоды, и пообещали им, что со своей стороны будем с истинной самоотверженностью вести вместе с ними справедливую борьбу за победу святого дела – возвращения их на родину.

В долгих дружеских беседах промелькнула эта волшебная ночь, освященная огнем истинно рыцарской, братской любви...».

29 марта, с раннего утра делегаты месхов вместе с членами инициативной группы направились в ЦК. Возглавлявший группу месхов Джемал Аюбов (Абашидзе) потребовал встречи с первым секретарем ЦК Компартии Грузии Е.А. Шеварднадзе «по национальному вопросу». Его принял помощник Шеварднадзе – Яшвили.

Виктор Рцхиладзе пишет об этом приеме: «Прошел час, другой... Мераб Костава, Алихан Искандеров и я нетерпеливо ждали его». «Вероятно, – говорили мы – у них идет большой деловой разговор и, дай Бог, дело месхов, может быть, сдвинется с места».

Наконец-то показался наш Джемал. Вид у него был мрачный. Оказывается, все это время его заставили ждать в коридоре у приемной комнаты. А когда Яшвили его принял, то разговор с ним занял всего несколько минут. Он сказал: «В будущем по этому вопросу к Шеварднадзе больше не обращайтесь! Грузины сегодня живут в различных уголках Советского Союза, даже на БАМе, и чувствуют себя везде превосходно! Так чего же вы хотите, непонятно!

– Да, но, – ответил Джемал, – они поехали туда работать по своей воле, а нас выселили из Грузии насильно, при этом мы

теряем свою национальность, в паспортах нас записывают то турками, то азербайджанцами!

– Это меня не касается, по этим вопросам к нам больше не обращайтесь!

И на этом разговор закончился».

Не найдя поддержки в официальных кругах Грузии, месхи вынуждены были уехать. Члены инициативной группы предложили им собрать как можно больше подписей месхов прогрузинской ориентации и вновь приехать в Тбилиси.

После их отъезда В. Рцхиладзе в Институте этнографии нашел поддержку движению месхов за возвращение на родину в лице профессоров Т. Чиковани и Ал. Робакидзе. Этнографы считали, что поселение месхов в Грузии – дело неотлагательное. Грузия только выиграет, если месхов поселят в деревнях и селах Западной Грузии. Получил он поддержку и в идеологическом отделе ЦК Компартии Грузии у С. Мосидзе, со стороны которого нашел полное понимание и сочувствие в связи с месхским вопросом.

Постепенно все больше людей узнавало правду о трагедии месхов и все более широкие круги Грузии сочувствовали нам и приветствовали наше возвращение в Грузию. Поэтому члены инициативной группы возлагали особые надежды на то, что когда месхи соберут большое количество подписей своего народа и приедут, вопросы о восстановлении их национальности и возвращения в Грузию будут положительно решены. Месхи писали членам инициативной группы письма, наполненные огромной любовью и теплом, они называли эту первую встречу в Тбилиси «исторической», посылали своим братьям-грузинам патриотические стихи и возлагали на них большие надежды.

«И вот, 26 июня 1976 года делегация месхов в составе 10 человек прибыла в Тбилиси. Они были посланы месхами, проживающими в Кабардино-Балкарии, Азербайджане, Средней Азии. Среди них были: Халил Умаров-Гозалишвили, Джемал Абашидзе, Алихан Абастумнели, Исмихан Хосреванидзе, Лютфи Джапаридзе и др. Они привезли десятки тысяч подписей –

списки, в которых рядом с насильственно присвоенными им фамилиями стояли их подлинные грузинские фамилии, которые носили главы их семей. Первой их просьбой было возвращение на их исконную родину, но, понимая, что это может произойти лишь поэтапно, они, до того, как их возвратят, в обращении на имя Э. Шеварднадзе, просили выполнить следующие их требования:

1. В массовом порядке принять в школы-интернаты Грузии детей-месхов, чтобы юноши и девушки страны Руставели могли говорить и читать на родном грузинском языке.

2. Принять 10-15 абитуриентов-месхов в высшие учебные заведения Грузии.

3. Прислать в места проживания месхов лекторов, которые ознакомили бы их с историей и культурой Грузии.

4. Принять в Тбилисский Дворец пионеров одаренных детей-месхов.

5. Прислать документальные фильмы о Грузии.

28 июня 1976 года делегатов-месхов принял помощник Э. Шеварднадзе В. Алпенидзе. Он, буквально, сказал месхам следующее (по-русски): «Лично я вам очень сочувствую, но ни я, ни Э. Шеварднадзе не можем помочь вам. Все зависит и все решается «сверху»!

Ясно, что произнося слово «сверху» В. Алпенидзе не имел в виду иерархию ангелов, он имел в виду Москву. Месхи стали просить его: «Ну тогда хоть помогите нам в восстановлении нашей грузинской национальности». Для решения этого вопроса В. Алпенидзе послал их к юристу, работавшему в ЦК. Юрист заявил месхам, что для восстановления их национальности необходимы архивные документы, но найти их невозможно, поскольку архивы сгорели (!). Остается единственный путь: каждый месх должен найти двух свидетелей и подать иск в суд об установлении своей национальности. На это месхи ответили: «Сегодня нас насчитывается 250 тысяч. Сколько таких процессов должно состояться, по-вашему?»

Так и не решив ни один из их вопросов, месхов выпроводили из ЦК».

С целью запугать нас, месхов, чтобы мы больше не обращались в ЦК, наше заявление, адресованное на имя первого секретаря ЦК Компартии Грузии, было отправлено на рассмотрение в КГБ Грузии. Нам было сообщено, чтобы за ответом мы обратились туда. Поэтому нам, делегатам месхов, пришлось 2 июля прийти в КГБ. Нашу делегацию принял заведующий идеологическим отделом КГБ Грузии, полковник Ш. Зардалишвили, который заявил, что наше обращение попало к ним ошибочно, что дело о переселении месхов его не касается и вообще КГБ такими вопросами не занимается... Мы попросили, раз мы уже находимся в КГБ, выдать нам пропуска на несколько дней, чтобы побывать в наших родных местах в Адигенском и Ахалцихском районах. Ш. Зардалишвили ответил нам: «Посмотрим», – и просил прийти 5 июля в понедельник. Но в понедельник он нас не принял.

Наш вызов в КГБ, несомненно, объясняется и тем, что нашим вопросом вплотную занялись члены инициативной группы Грузии по правам человека. Подобная активная деятельность инициативной групы стала сильно беспокоить вышестоящих чиновников Грузии, поэтому они стали применять срочные меры по пресечению взаимосвязей месхов с интеллигенцией Грузии, стремясь помешать сближению грузин-мусульман с грузинами-христианами.

Вот как описывает дальнейшее течение событий Виктор Рцхиладзе:

«В тот же день, 2 июля, у меня на квартире был устроен званный обед в честь гостей – месхов. Кроме месхов на обеде присутствовали наши историки, писатели, лекторы университета, представители ингилойцев, певцы. Вечер имел по-настоящему праздничный характер: сыны единой Грузии праздновали тот факт, что они были вместе! Общество разошлось лишь в три часа ночи. Так как в гостинице мест не было, месхов взял к себе переночевать домой член инициативной группы, музыковед М. Костава. Одного месха, поэта Алихана Абастумнели, взял к себе литератор Ир. Кенчошвили.

На следующий день, это было 3 июля 1976 года, рано утром, в 5.30, на квартиры М. Костава, И. Кенчошвили и мою неожиданно нагрянула милиция. Без всяких объяснений милиция задержала и насильно увела всех без исключения делегатов месхов. Из квартиры М. Костава месхов отвезли в Калининский райотдел милиции, из квартиры И. Кенчошвили – в Орджоникидзевский. В этой «операции» участие принимало и несколько милицейских машин, переполненных милиционерами. Лично в мою квартиру ворвались 7 милиционеров из Первомайского райотдела милиции во главе с заместителем начальника милиции. Меня они дома не застали, т.к. ночь я проводил в другом месте. Заместитель начальника милиции, грубо нарушая все существующие законы, пошел и стал осматривать мою квартиру, приговаривая: «Додо (!) дома? Есть здесь кто-нибудь непрописанный?».

В милиции месхов стали допрашивать, предъявляя им обвинение в том, что они задержаны в связи с кражей ковров из г. Цхакая и спекуляцией ими. В Калининском райотделе милиции действительно валялось большое количество (около 300) ковров. Как видно, факт воровства и спекуляции действительно имел место, но какое это имело отношение к месхам, в милиции не хотели объяснить и, как скоро выяснилось, их интересовало совершенно другое. В милиции от месхов потребовали написать: 1) свои автобиографии, 2) цель их приезда, 3) где они познакомились со своими хозяевами, у которых были в гостях.

Целых восемь часов продолжался допрос месхов. В течение этого времени им не дали ни есть, ни пить. И все это время мы все, кто накануне встречался с месхами, ждали их у дверей милиции».

В. Рцхиладзе рассказывает далее, что в то время, когда они стояли в ожидании, к ним подошел лейтенант Калининской раймилиции Джемал Асилов, который стал поучать их относительно месхского вопроса и, обращаясь к М. Костава, заявил: «Ты совершаешь непоправимую ошибку, когда принимаешь у себя месхов. Вдруг ваши гости выйдут с плакатами на улицу и устроят демонстрацию». Мы сразу поняли, откуда веет ветер:

как известно такими вопросами интересуется КГБ, а не милиция».

В конце концов члены инициативной группы – М. Костава, И. Кенчошвили и В. Рцхиладзе вошли к начальнику Калининского райотдела милиции подполковнику Хажалия, который после долгих переговоров сообщил, что инцидент исчерпан, и мы можем быть свободными. При этом нас предупредили, чтобы мы не встречались с членами инициативной группы Грузии по защите прав человека. Прощаясь, начальник милиции по-русски обратился к нам: «Не меньше, чем у вас, и у меня болит сердце, я глубоко сочувствую вам, но ничего не могу поделать, я не имею никакой силы в решении вашего вопроса...»

Хажалия помог нам устроиться в гостиницу «Сакартвело». Но во время нашего пребывания там, мы заметили, что в соседней с нами комнате находились милиционеры, которые, без всякого сомнения, следили за нами. По словам В. Рцхиладзе: «как видно, для того, чтобы разогнать ожидаемую со стороны месхов демонстрацию!»

В понедельник, 5 июля, мы вновь попытались пробиться в ЦК, просили аудиенции у В. Алпенидзе, но он нас не принял. Когда же мы ему позвонили по телефону, он заявил нам: «В первый раз я вас принял по ошибке!» В. Рцхиладзе пишет о нем: «Это тот самый В. Алпенидзе, который за несколько месяцев до этого под псевдонимом «Ладо Бахтрионели» в газете «Тбилиси» со слезами на глазах писал о бедуинах в Аравии, которые, по его предположениям, были грузинского происхождения!»

В тот же день делегатами-месхами и членами инициативной группы Грузии по защите прав человека было составлено совместное письмо-протест на имя руководителей партии – Л. Брежнева, Ю. Андропова и Э. Шеварднадзе. О происшедших фактах беззакония было сообщено также академику А. Сахарову.

В. Рцхиладзе продолжает:

«Тяжелые были минуты нашего прощания с месхами. Растерянные, оскорбленные и униженные действиями официальных кругов Грузии, мы прощались друг с другом. Вдруг при прощании Халил Гозалишвили повернулся ко мне и сказал: «Наши старики просят, чтобы вы им что-нибудь сказали на прощание, чтобы обратились к народу».

«Передайте, – начал я взволнованно, – что в наших жилах течет одна кровь, что братья здесь, в Грузии, не забудут их, и хотя кое-кто в Грузии забыл об этом, но мы никогда не забудем, что у нас общие предки!».

Мы прощаемся. Я обещаю, что скоро увижусь с ними там, в местах их ссылки. Договариваемся о времени встречи – в конце месяца, 24 июля я обещаю быть в Кабардино-Балкарии...».

Но до того, как Виктор Рцхиладзе поехал в Кабардино-Балкарию, в Тбилиси 17 июля из Азербайджана приехали трое стариков-месхов. Он так описывает их: «Шаких Мурадов (Какунашвили), который блестяще говорил на чисто грузинском языке. По своей внешности и красивой бороде он напоминал настоящего кахетинского крестьянина. Несмотря на лето, на нем было длинное пальто. Лютфи Мурадов (Джапаридзе), который уже до этого был у нас. На голове у него была каракулевая папаха. Он немного знал грузинский, но больше говорил по-русски. И третий – старик с мужественный лицом – Юсуп Чахал-оглы (Хозреванидзе), который не говорил ни по-грузински, ни по-русски, а только по-татарски. На голове у него была настоящая чалма, одет он был в татарский халат».

Причина, заставившая их приехать, заключалась в том, что не видя несколько дней в деревне Мехлюда Байрахтарова, старики решили, что он, возможно, приехал в Тбилиси и здесь строит козни, чтобы помешать месхам вернуться в Грузию. Они приехали, чтобы предупредить нас и не доверять этому человеку. Мы успокоили месхов, что у нас с ним нет никаких контактов.

Старики-месхи захотели купить в Тбилиси какие-нибудь подарки для своих внуков. Мы прошлись вместе по проспекту Руставели, зашли в большой универмаг. Я купил сванские шапочки. Они побросали на землю свои папахи и чалмы, и одели

их. Купил я им также четки, они радовались, как дети...».

А 18 июля 1976 года в селении Ерокко Урванского района Кабардино-Балкарской АССР Э. Одабашев со своими единомышленниками протурецкой ориентации (около 200 человек) созвали 8-е по счету народное собрание месхов. Шаг этот был предпринят ими в ответ на поездку нашей группы месхов прогрузинской ориентации в Тбилиси и установление нами взаимосвязей с представителями интеллигенции Грузии. На собрании был избран президиум в составе девяти человек, в число которых вошли я и Джемал Абашидзе.

На этом собрании одабашевцы прибегнули к прямому обману народа, объявив, что подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который нам, месхам, разрешает вернуться в Грузию. Выступивший первым Энвер Одабашев, обращаясь к месхам, сказал:

– Братья, месхи! У меня в руках Указ от 1972 года, согласно которому мы можем вернуться на родину! Это наша заслуга! Вчера уже вернулись командированные в Тбилиси наши представители, которые сообщили, что с 1 сентября этого года до 1980 года постепенно начнется наше возвращение на родину. Как турок нас выслали и как турки мы вернемся!»

Определенная часть невежественных месхов поверила Одабашеву и стала ему аплодировать.

Одабашев продолжал: «Дорога на родину нам наконец-то открыта. Нам нужно создать рабочую комиссию для рассмотрения заявлений и в первую очередь отправить на родную землю самых достойных представителей нашего народа».

После одабашевцев выступили представители нашей группы месхов прогрузинской ориентации. Мы прямо призвали народ не верить заявлениям Одабашева о существовании такого указа, предупреждая, что это обман и очередная провокация.

Обращаясь к народу, я стал объяснять истинный смысл указа 1972 года, согласно которому месхам расрешалось приезжать в Грузию только по вызову на работу, но в то же самое время существует негласное указание, чтобы их никто на работу не брал. Я сказал, что Грузия может в конце концов принять нас как грузин, а не как турок. Я говорил народу, что месхи по происхождению грузины, и только как грузины мы должны вернуться на родину, иначе Грузия нас не примет.

Тут меня прервал один из агентов Одабашева:

– Но где написано, что мы грузины?

– В истории, – ответил я.

– А где издана эта «история»?

– В Грузии, в Тбилиси.

– Грузины пишут то, что их устраивает!

– Тогда напиши сам, если сможешь!

Агент замолчал. Я продолжал:

– Грузия – страна древнейшей культуры, и мы, грузины, не должны эту культуру потерять! Одабашев лжет, когда обещает, что с 1 сентября нас начнут принимать на родине. Мы недавно были в Тбилиси и поверьте нам, в Грузию сейчас никто не приглашает, наоборот, в милиции нас держали целых восемь часов ни за что, ни про что. Мы должны вернуться в Грузию как грузины и по доброй воле грузинского народа, только с его помощью произойдет наше возвращение в Грузию!

После моего выступления весь зал зашумел. Разгневанный Одабашев встал с места и начал кричать:

– Это собрание турок, грузинам здесь нечего делать, вон с нашего собрания!

Единомышленники Одабашева с кулаками стали наступать на нас, но большинство месхов дали им отпор. Многие поддерживали нашу прогрузинскую партию.

Между нами и одабашевцами начался спор, который закончился тем, что мы, около 50 процентов присутствовавших месхов, покинули собрание.

После нашего ухода одабашевцы продолжили собрание и создали «Временный Организационный Комитет Освобождения» (ВОКО). На этом собрании была принята также резолюция 8-го народного собрания турок, которую одабашевцы отвезли в Москву и передали в ЦК КПСС, а также группе содействия выполнения Хельсинкских соглашений в СССР. В резо-

люции имеются такие строчки: «...Мы обязаны поставить в известность руководство СССР о том, что появилась аполитичная, антинародная, провокационная тенденция, причем организованная, под влиянием которой часть людей согласна вернуться на родную землю независимо от того, как их назовут.

Этот факт вызывает возмущение среди народа, трения, даже драки. И все это может в конце концов привести к кровопролитию. Происходит принуждение людей. Мы протестуем против подобных аполитичных проявлений...»

Резолюция была подписана Энвером Одабашевым 1 сентября 1976 года.

После этих событий 1976 года месхи окончательно разделились на две ориентации – грузинскую и турецкую как внутри страны, так и на международной арене. В дальнейшей борьбе месхов за свои права самым главным стал вопрос именно об ориентации. В этой борьбе особые надежды мы возлагали на помощь грузинской интеллигенции, членов инициативной группы Грузии по защите прав человека.

Следует особо отметить тот факт, что Виктор Рцхиладзе и Мераб Костава несколько раз входили в состав нашей делегации, которая ездила в Москву, где они вместе с нами требовали от руководителей партии и правительства СССР вернуть месхов на их историческую родину. Кроме того, они организовали у населения Грузии сбор историко-художественной литературы, которую отправляли нам. 24 июля 1976 года Виктор Рцхиладзе приехал в Кабардино-Балкарию, в совхоз «Псыкодский» Урванского района, где состоялась его встреча с народом. А Мераб Костава с этой же целью ездил в Азербайджан, в колхоз «Адигени» Саатлинского района.

Вот как описывает Виктор Рцхиладзе свое прибывание в Кабардино-Балкарию:

«Утром 24 июля автобусом Нальчик-Тбилиси я направился в Кабардино-Балкарию... В Нальчике на автобусной остановке возле парка меня уже ждали месхи. Вот они: Зеинал, Халил, Алихан, Исмихан. Вскоре мы обнялись с братьями. «Поторопимся, – говорил Зеинал, – здесь за нами следят, по ту

сторону парка нас ожидает машина!» Почти бегом, короткой дорогой перерезав парк, мы добежали и, сев в «Волгу», направились к дому Халила, который живет в окрестностях Нальчика.

– Уважаемый Виктор, – сказал Халил. – Ваш приезд к нам весьма своевременный! Мы сказали месхам, что родина не оставит их и в конце месяца из Грузии по нашему делу приедет человек. Они смотрели недоверчиво, а сейчас ваш приезд поднимет наш авторитет среди народа, и благодаря этому наша прогрузинская позиция выиграет. Очень хорошо также, что вы приехали именно в субботу. Завтра, в воскресенье, мы устроим вам встречу с народом, и местные власти и милиция не будут придираться к нам – что вы, мол, отрываете людей в рабочий день своими митингами. Именно в выходной день, в воскресенье, мы устроим собрание. Ваше выступление на этом собрании вконец дискредитирует Одабашева перед народом».

Я сообщил, что 17 июля в Тбилиси приезжали месхи из Азербайджана и об исчезновении М. Байрахтарова. Все были одного мнения: между исчезновением Байрахтарова из Азербайджана и активизацией Одабашева в Кабарде имеется какая-то связь.

Мы приблизились к дому Халила. Это был превосходный двухэтажный дом. Из него вышла его жена, женщина с добрым светлым лицом, которая заговорила с нами по-грузински. Халил, как все месхи, многодетный (у него восемь детей). Здесь же находился его сын – Исмаил, высокий, видный юноша. Мы поднялись на второй этаж. Стол был уже накрыт. Из саквояжа я достал привезенные для месхов книги. В основном на русском языке, чтобы молодежь смогла их прочитать: «Историю Грузии» Иванэ Джавахишвили, Н. Бердзенишвили и С. Джанашиа, «Историю древней грузинской литературы» (с текстами). «Мамлюк» Уираго, «Самоучитель грузинского языка» и др. Эти книги прямо на глазах у меня расхватали месхи. (Позже когда я вернулся в Тбилиси, месхи по телефону сообщили мне, какое большое впечатление произвела на них эта литература и какое большое дело этим мы делаем для людей!).

За столом нас было 6-7 человек. Среди присутствовавших находился также месх, приехавший из Средней Азии для встречи со мной. Разговор шел о вопиющих фактах преследования активистов месхского движения. Эти факты были не менее страшны, чем фантазии Эдгара По и Франца Кафки. И такие немыслимые жестокости происходили в нашей стране не в 1937, а в 1970 годах!

После этого разговор коснулся жизни месхов в Кабардино-Балкарии. В настоящее время около 500 семей месхов переселились сюда. Местный гордый народ смотрел на месхов с недоверием. «В Кабардино-Балкарии и без того ущемляют кабардинцев. Нам только вас не хватало!» – кричали они. В 1969 году месхи сюда прибыли по своей воле. Здесь, в Кабардино-Балкарии они подружились со многими грузинами (рачинцами). Самое интересное то, что местные власти всячески «скрывали» национальность месхов. Хозяева показывают мне местную газету «Кабардино-Балкарская правда» от 29 марта 1976 года, где некто А. Волосов живущим в Кабарде месхам посвящает статью под названием «Люди разной судьбы». В статье сказано: «5-6 лет тому назад в местных деревнях поселились горцы из Азербайджана (!) и Средней Азии (!). Местные жители их хорошо приняли, но когда убедились, что вновь прибывшие – трудолюбивый и деловой народ, доброе отношение переросло в искреннее и глубокое уважение». После этого А. Волосов рассказывает об одном месхе – Рашиде Сейфатове, «сердце которого потянулось к земле предков – Турции». Итак, автор вначале называет месхов азербайджанскими или среднеазиатскими горцами, а потом у него их родиной оказывается Турция!!

Обиженные этой статьей, месхи обратились в редакцию газеты. Но их опровержение так и осталось без реагирования. А. Волосов им объяснил, что когда он писал о месхах, то пользовался материалами КГБ, и там они упомянуты как «турки».

А что касается Рашида Сейфатова, то его действительно отпустили в Турцию (что вызвало среди месхов большие подозрения, не «агент» ли он?). Там у него погибла единственная

дочь. В настоящее время он вновь вернулся в СССР и живет в Кабарде.

В два часа ночи месхи разошлись. «Завтра утром мы должны устроить вашу встречу с народом, – сказал мне Халил. – Отдыхайте!». Он отвел меня в отдельную комнату. Прощаясь, предупредил, что завтра на встрече будет много различных агентов, в том числе Рашид Сейфатов (хотя последний и придерживается прогрузинской ориентации). Поэтому надо быть осторожнее!». Легши, я уснул только к утру.

В 8 часов утра на двух «Волгах» мы направились к Урванскому району, совхозу «Псыкодский», где, в оновном, живут месхи. Через полчаса мы приблизились к одноэтажным крепким, толстостенным, добротно построенным домам. Псыкод – деревня месхов.

В начале деревни мы увидели, что народ уже начал собираться. Мы остановили машину и вышли. Люди со всех сторон окружили нас, несколько рук обняли меня: «Брат, брат!» – слышалось со всех сторон. Грузинские лица, грузинская речь.

– Брат этот – грузин, грузин! – радостно восклицает повисший у меня на шее месх, по лицу чистый кахетинец.

– Какой я турок, я грузин, мои родители – выходцы из Харагоули, брат! – с волнением говорит настоящий «имеретинец» с длинными усами. Он жмет мне руки и смотрит на меня глазами, полными слез.

И вдруг мне показалось, что я няхожусь в настоящей грузинской деревне где-то в горах Грузии. Скоро вокруг меня образовался большой круг, людей прибывало все больше и больше. Все старались пожать мне руку, пожимали ее двумя руками. Я удивлялся, глядя на их лица – почти все они были типично грузинскими. В сопровождении месхов мы направились к дому Исмихана Хосреванидзе. Входя в дом, я заметил во дворе стыдливо стоящую группу женщин. Они с большим интересом осматривали меня. Мельком заметил красивые светлые лица.

Комната сразу же наполнилась месхами, а люди все продолжали заходить. Они приветствовали меня по-грузински,

двумя руками жали мне руку, задерживая ее в своих руках, заглядывали мне в глаза, будто старались мне передать тепло своих сердец.

Я спрашиваю Халила: «Начнем? Я могу побеседовать с ними?»

Халил: «Нет, главная масса людей ждет нас в роще, неподалеку».

Но я не выдерживаю и, обращаясь к месхам, говорю:

– Я, братья, прибыл, чтобы встретиться, познакомиться с вами, чтобы рассказать в Грузии о том, как вы живете! У нас одна кровь и за то, чтобы вы вернулись на родину, мы готовы головы свои сложить! Но и вы должны помочь нам. Знайте, что те, кто называет вас турками, ваши враги. Они знают, что как турки вы никогда не увидите своей родины! Энвер Одабашев от вашего имени делает заявления и везде вас называет «турками-месхетинцами».

Месхи вдруг вспыхнули:

– Несколько дураков и мерзавцев еще ничего не значит!

– За группой Одабашева народ не пойдет. Но разве может быть лес без волков?!

– Они действуют сами по себе, делая заявления от имени турок, они идут против нашего желания!

Шум в комнате все нарастал. Халил встал.

– Пока хватит, – сказал он, – давайте пойдем, народ ждет нас!

Собрание месхов было назначено в отдалении от деревни, на берегу реки, в роще. (На всякий случай!). Подогнали «Волгу».

– Садитесь, пожалуйста, – пригласили меня.

Я стал отказываться:

– Как народ туда пойдет, так и я! – и пошел пешком к месту нашего собрания.

Приблизительно около километра мы шли полем.

По пути следования к нам прибавлялось все больше людей. Все мне протягивали руки. Усатый «харагоулец» быстрым шагом шел рядом со мной и все время повторял:

– Какой я турок, какой я турок...

Мы вошли в глубину рощи. Ее разделяла надвое небольшая речка. Под деревом я увидел длинный стол, возле него скамьи. На столе стояли бутылки с лимонадом и минеральной водой. Неподалеку суетились женщины, готовили угощение. На деревьях висели освежеванные туши барашков. Людей все больше прибавлялось. Собралось приблизительно около двухсот человек. Меня посадили на «почетный стул», на котором лежала красная подушка. Удивляла одежда, которая была на людях: некоторые были в сорочках и без шапок (более молодые), а некоторые пришли в костюмах. На одних были чувяки и брюки заправлены в носки, а на других – выцветшие, поношенные галифе и сапоги. На головах были папахи, чалмы, кепки, шляпы. Лица у всех были прокаленные солнцем, изборожденные морщинами, измученные, усталые.

Сели за стол: я, Халил, Сафаров – дородный крепкий мужчина 50-55 лет, бывший председатель колхоза в Азербайджане, а сейчас бригадир в совхозе. Все ждали старого муллу, который окончил мусульманскую духовную академию, владел арабским языком и пользовался авторитетом среди народа.

– Он на нашей стороне..., – шепчет мне Халил.

Появился и Рашид Сейфатов. Возможно, придет и Энвер Одабашев. Я напрягся, приготовился к борьбе.

В это время за стол сел какой-то человек. На лысой голове его была кепка, внешне он был похож на грузина, ему было около 50 лет. Он обратился ко мне по-русски:

– Мы были в Тбилиси, приехали оттуда три дня назад. В ЦК и Совете Министров нам сказали, что вы, турки, являетесь полноправными гражданами Советского Союза и скоро вам будет разрешено вернуться на родину!

– Как турки! Вы турок? – спросил я и посмотрел вопросительно на Халила. Халил опустил голову и тихо сказал мне:

– Это человек Одабашева, пришел на наше собрание.

(Сам Одабашев за все время моего пребывания в Кабардино-Балкарии не показывался).

– Турком я родился, турком умру! – ответил человек в кепке.

– Хорошо, – сказал я. – Вы верующий?

– Ну а как же, конечно!

– Ну тогда поклянитесь, что вы турок!

Турок страшно растерялся и стал отвечать невпопад:

– Вы какой век имеете в виду?

– Какое это имеет значение, – обратися я к нему с улыбкой, – во все времена у людей одной крови одна национальность!..

Я встал. Наступила тишина.

– Мы не противники того, чтобы в рядах месхов было бы и турецкое меньшинство, – начал я свою речь. – Но мы будем против тех, кто захочет фальсифицировать действительность и, представительствуя от имени месхов, говорить, что выступает как турок!

– Правильно! – поддержал меня народ.

В это время на дороге, ведущей к роще, поднялась пыль. Показалось несколько автомашин.

– Мулла едет, мулла! – послышались голоса. Ко мне приблизился Алихан.

– Хорошо было бы, чтобы вы его встретили, – прошептал он. Я встал и направился к машинам. Из одной вышел невысокого роста старик в узбекской шапке.

– Здравствуйте, здравствуйте! – приветствовал он меня по-грузински с улыбкой, протягивая мне обе руки.

Я также приветствовал его по-грузински и почтительно повел его к столу.

Мы сели за стол: я, мулла, Халил, Сафаров и Рашид Сейфатов (тот, который ездил в Турцию).

Люди сели на траву. Чуть поодаль расположились женщины, деревья скрывали их.

– Разрешите мне, – обратился ко мне Сафаров, – открыть собрание и сказать вступительное слово.

– Пожалуйста!

Сафаров встал. Говорил он по-русски. Стал характеризовать месхов: какой это трудолюбивый народ, как они осваивали целину в Азербайджане (рассказывая, он развернул карту

целинных земель и попутно объяснял: какими были эти земли до того, как они стали их обрабатывать, и в какие цветущие сады превратили их месхи). Как они мучались в Азербайджане, сколько месхов погибло там, как их потом изгоняли из Гальского района, как сильно их желание вернуться на родину... и вдруг рыдания вырвались из груди этого большого, крепкого мужественного человека. Из глаз его градом полились слезы и намочили его поседевшие усы и бороду. Сафаров опустил голову, стараясь сдержать слезы.

– Помогите, уважаемый Виктор, помогите...! – с волнением и слезами в голосе обратился он ко мне.

В толпе также послышался плач. Я не постеснялся сидящего рядом со мной муллы и закурил от волнения сигарету.

Поднялся Халил. Он объявил, что слово имеет «наш брат из Грузии».

– В первую очередь, – начал я по-русски, – я хочу познакомить вас с собой. С этими словами я достал из кармана удостоверение личности работника Министерства культуры Грузии, обложка которого была красного цвета и на ней золотыми буквами написано: «Министерство культуры» – на русском и грузинском языках. Это удостоверение произвело определенный эффект на слушателей. Я демонстративно передал его для ознакомления месхам, сидящим на траве (этим я хотел показать агентам, которые здесь, несомненно, были, что мне с официальной стороны не грозит никакая опасность, наоборот, в этом отношении у меня есть крепкая «спина»).

– Братья! – начал я снова, – хотя я работаю в Министерстве культуры Грузии, но в данный момент это Министерство совершенно ни при чем! Я также не являюсь представителем ни правительства, ни Центрального Комитета Компартии Грузии. Я представитель грузинской интеллигенции, которая выражает волю грузинской нации. Мне не было и трех лет, когда вас выселили. Но когда я прочитал ваши заявления и познакомился с вашей историей, мое сердце наполнилось болью за вас, как за самых лучших наших братьев, потому что в наших жилах течет одна кровь!

Я увидел, как при моих словах у сидящего передо мной месха строгого вида, в папахе, потекли из глаз слезы. Из сидящей передо мной толпы послышались звуки рыданий.

– Но дело в том, – продолжил я, – что в Грузии о вас многие ничего не знают. Когда узнают, число таких, как я, увеличится, и никто не сможет пойти против воли народа! Я – первая ласточка, прилетевшая к вам, вскоре после меня сюда прибудут многие!

Среди народа поднялся шум, загремели громкие аплодисменты.

Я поднял руку. Вновь установилась тишина.

– Но и с вашей стороны необходима большая осторожность, – обратился я к месхам, – чтобы от вас и от вашего имени не делалось заявлений, как от «турок-месхетинцев»! Из-за этого общее наше дело пострадает и ваши, и наши враги воспользуются этим и скажут: «Так вы стараетесь для турок?». При этом будет возрастать число противников вашего возвращения в Грузию и у нас ничего не выйдет! Помните: кто говорит месху, что он турок, тот его враг!

В народе вновь поднялся шум.

– Уважаемый Виктор! Под заявлением «турок» подписались сколько? Раз-два и обчелся, а теперь вы же видите волю народа – мы все заявляем, что мы – грузины, так и передайте всей Грузии! – слышалось со всех сторон.

– Обязательно передам, обещаю, – воскликнул я, – я расскажу о вас и о ваших бедах всему грузинскому народу! Я и мои друзья все силы приложим для этого и, если необходимо пожертвуем собой ради этого дела! Да здравствует Грузия!

Бурные аплодисменты, многие плакали...

В это время к месту, где мы собрались, подъехала машина и из нее вывели 100-летнего слепого старца в чалме. Он направился ко мне. Руками старался дотянуться до меня и по-турецки восклицал:

– Хочу коснуться грузина, грузина...

Я подошел к нему. Он своей рукой стал ласкать мои руки, плечи и частью по-грузински, частью по-турецки говорил:

– Сынок, брат, если ты народ поведешь в Грузию, умоляю тебя, мои кости не оставь в Кабарде... Молю тебя...

Из толпы слышались звуки рыданий и стенания.

Халил: «Скажи что-нибудь...»

Я: «Дедушка, обещаю, что с твоим святым заветом я ознакомлю Грузию, и твое желание исполнится!»

– Спасибо, сынок... – бормочет он, плача. Старика сажают на подушки, лежащие на ковре, успокаивают.

Слово предоставляют Халилу. Он говорит по-русски:

– Братья! Сегодня у нас радостный день, потому что брат наш прибыл из Грузии! Кто он такой? Когда я был в Тбилиси, там я узнал, что отец и дед уважаемого Виктора были достойными людьми, они похоронены в Дидубийском пантеоне, где покоятся самые выдающиеся деятели Грузии. Он сам занимает хорошую должность в Министерстве культуры и хорошо живет. Но что же заставило его заинтересоваться нами, почувствовать нашу боль и приехать сюда? А то, что он наш брат по крови. Поэтому он, как и его друзья, так самоотверженно старается помочь нам. Что же делать нам, чем мы должны ответить на их самоотверженность? Только тем, что никогда, ни при каких обстоятельствах не повернем назад и не изменим нашему делу. А если из-за нас начнут их претеснять и у них будут неприятности, мы, как один, все прилетим в Тбилиси и вместе с ними сложим свои головы!

– Конечно, мы все поедем в Грузию и пожертвуем собой! – раздались голоса.

Волнение, крики, шум долго продолжались. Наконец поднялся мулла. Все замолчали. Он говорил по-турецки. Алихан тут же переводил мне. Мулла объяснил народу, что вера – это одно, а национальность – другое. Что хотя они по вере мусульмане, но по-национальности – грузины.

Слова муллы также вызвали аплодисменты.

Слово взял Рашид Сейфатов. Он говорил по-русски:

– Я со своей семьей был в Турции. Там нас называют грузинами-мусульманами и не считают турками. Это многим должно открыть глаза, и неправ тот, кто все еще продолжает

называть себя турком. Просим вас, уважаемый Виктор, передать Компартии Грузии и его ЦК наши добрые пожелания и огромную просьбу, чтобы помогли нам!

Я ответил:

– Я еще раз хочу сообщить вам, что не имею ничего общего ни с Компартией Грузии, ни, тем более, с его Центральным Комитетом! Но я ваши пожелания передам грузинской интеллигенции, грузинскому народу, которому должны подчиняться партия и ее Центральный Комитет!

Вновь бурные аплодисменты. Вдруг подбежали маленькие девочки и преподнесли мне полевые цветы и только что собранные фрукты.

– Дядя Виктор, верни нас на родину! – защебетали они в один голос по-русски. Сердце мое сжалось от их голосов, и я поцеловал каждую из них.

– Слово имеет поэт Деметрадзе! – объявил Сафаров.

Вышел Деметрадзе. Настоящий имеретинец, с красивым лицом. На вид ему было лет 40-45.

– Разрешите, – обратился он ко мне по-русски, – прочитать Вам мое стихотворение.

– Пожалуйста!

Он достал из нагрудного кармана сложенную вдвое тетрадь, развернул ее и начал читать. Стихотворение называлось «Возрождение». В нем поэт обращался к месхам с призывом не терять своей родины – Грузии, которой они до самой смерти должны оставаться верными.

Народ плакал. Во втором стихотворении часто повторялись имена: Руставели, Тмогвели, Зарзмели и ... Ленин!

Под гром аплодисментов Деметрадзе закончил чтение своих стихов.

После этого вышел мужчина лет 60. На нем были галифе, на голове – каракулевая папаха. У него были голубые глаза и светлая кожа, будто он был выходцем из Западной Грузии (про себя я назвал его гурийцем). Говорил он по-грузински:

– Я похож на турка? Я был в Грузии, и никому и в голову не приходило называть меня турком. Мы – грузины, и больше

никто, – закончил «гуриец», – и такими останемся навсегда! Нас выселил изменник Берия!

– И Бакрадзе! – дрожащим голосом прибавил мулла.

Поднялся мужчина средних лет, черноволосый, по внешности типичный грузин (Про себя я подумал: «кахетинец»!). Он на чистом грузинском языке стал рассказывать о нуждах месхов, о том, что кабардинцы притесняют их и говорят им: «Если бы вы были действительно хорошими людьми, вас бы не выселили с родины».

– Мы ведь не цыгане, – продолжал «кахетинец», – чтобы скитаться по разным местам! Помогите нам, помогите нам возвратиться на родину!»

Он тоже начал плакать и за ним многие из толпы.

После него вышел молодой человек с типичным грузинским лицом и заговорил по-русски:

– Мне было семь лет, когда нас выселили. И сегодня я вспоминаю, то наяву, то во сне, Абастуманские горы... Я думал, что вблизи от Грузии, в Кабарде, тоска по родине уменьшится, но произошло обратное...

У месха перехватило дыхание, и он не смог сдержать слезы. С рыданиями опустился на землю... Люди вторили ему, все плакали...

Сердце мое зашлось от волнения, к горлу подкатил комок, сдерживаемые слезы душили меня. Я курил сигарету за сигаретой, и это помогало мне крепиться.

Выходит еще один молодой парень, блондин, с глазами медового цвета и говорит по-русски:

– Меня заставили школу закончить на узбекском языке, а техникум – на азербайджанском! Но я все же знаю, что я грузин. Кто только не притеснял нас: в Средней Азии и Азербайджане нас заставляли осваивать пустыни, нас, как ослов, понукали и с нашей помощью планы выполняли. Неужели Бог нам уготовил судьбу рабов! Мы предпочитаем служить родному грузинскому народу. Помогите нам, помогите...

– Слово предоставляется прибывшим из Узбекистана, – (оказывается этот день совпал с месхской свадьбой – невесту

везли в Самарканд. За ней из Узбекистана приехали месхи. Прибыли земляки и из Казахстана).

Вперед вышел высокий молодой парень и заговорил по-русски:

– Какая радость, что это я слышу, что вижу! Оказывается, у нас есть старший брат, отец, который с любовью протягивает нам руку и которому нужна наша помощь. Мне не было и двух лет, когда нас выселили. Грузина оттуда, из Грузии, я вижу в первый раз в моей жизни. Я об этом расскажу в Узбекистане нашим и обрадую их этим известием. Большое спасибо!

Потом вышел представитель Казахстана. За ним вновь «кабардинские месхи». Одни говорили по-грузински, другие – по-турецки, а третье – по-русски; все плакали, выражая тоску свою по родине – Грузии. Стенания и плач сопровождали каждое выступление...

– А сейчас слово предоставляется нашим женщинам! – объявляет Алихан.

Из стоящей неподалеку группы женщин отделилась белолицая высокая месхетинка, выселенная, как и другие, из Гальского района, по имени Бани Ахмедова (Шавадзе).

– Брат! – хрипловатым голосом закричала она, – брат, помоги! Верни нам родину! Мы грузины! Мы не цыгане! Куда бы мы ни приехали, с нами обращаются как с собаками!

Больше она говорить не могла. Слезы душили ее. И другие вторили ей. Сидящий рядом со мной огромный Сафаров плакал, как ребенок...

Вышла молодая и красивая Тамар Деметрадзе. Говорила опять о том же. И плакала. И женщины и мужчины вторили ей. Стоял настоящий библейский плач народа по своей потерянной родине...

После этого вышли еще несколько человек. Митинг длился около четырех часов.

– Люди! – кричит Джемал Абашидзе, – гость устал, давайте закончим!

– Правда, правда, – согласились все.

– Я не устал! – говорю, – но что касается гостя, то мы

все гости в Кабарде. Да здравствует та минута, когда вы вернетесь в Грузию!

Загремели аплодисменты. Потом народ поднялся. На нашем столе постелили скатерть. Накрыли длинные столы, и на траве народ сел возле них, по-мусульмански поджав ноги. До того, как накрыли столы, увезли муллу. Увезли и столетнего слепого старца. На столы подали нанизанные на деревянные шампуры шашлыки из баранины, чанахи, салат, маленькие мчади и «русский хлеб», вино-портвейн, лимонад.

Рашиду Сейфатову доверили быть тамадой. Но его роль тамады ограничилась тем, что он следил за тем, чтобы месхи говорили по-порядку, а не все разом. Вновь продолжили речи, пожелания, плач: «Просим помощи у Грузии, пусть Грузия не оставит нас!»

За столом прибавился новый гость. Собственный «Фиат» он остановил неподалеку, был немного пьян. Лицом был типичный аджарец или гуриец. Рашид протянул ему стакан. «Аджарец» посмеивается:

– Что вы делаете, опять собираетесь? – обращается он к народу и смеется.

Смеюсь и я. Он пьет за мое здоровье. Затем говорит:

– Четыре раза Грузия выселяла нас, в пятый раз этого, наверное, не случится! – иронизирует.

Я не удержался:

– Это вас не Грузия выселяла, – закричал, – а ее враги! Те, кто вас выселяли, они и остальным грузинам не доверяли и пули для них не пожалели.

– Правда, правда! – подтвердил мои слова народ.

– Те, кто нас выселял, – слышу я со всех сторон, – те уже в земле.

– Грузин уничтожали в 1921-24, 1930-48, 1950-56 годах! – вставил высокий и очень худой месх. – Моя фамилия Байрахтаров, – прибавил он. – Мехлюд Байрахтаров мой двоюродный брат. Но пусть он будет проклят, изменник своего народа! Да здравствует наша родина – Грузия!

– Да здравствует, да здравствует! – подхватили голоса.

Скоро обед закончился. Заключительное слово также попросили сказать меня. Я вновь пообещал месхам, что все, что я слышал и видел, расскажу в Грузии и пожелал всем быстрейшего возвращения на родину. Вновь раздались аплодисменты, вновь слышался плач и стенания...

Халил: «Нам пора уходить. Нас еще ждут».

Сафаров: «И другие ждут слова от нашего брата!» – и обнял меня.

Я встал. Вокруг меня все стояли и плакали. Мы двинулись к машине. За нами следовали все месхи, гладили меня, пожимали руки, ласкали, целовали. С трудом я добрался до машины.

– Братья! Всех вас обнимаю, всех! – воскликнул я и послал всем воздушный поцелуй. Машина двинулась. Толпа месхов с плачем и возгласами: «Привет передайте Грузии!» – долго сопровождала нас. Но вот мы прибавили скорость, и скоро роща, где мы встретились с месхами, скрылась из глаз. На двух «Волгах» мы мчались к Нальчику. По дороге нас настиг «Фиат». За рулем сидел уже знакомый «аджарец».

Он кивнул головой:

– Всего хорошего, уважаемый Виктор, всего хорошего! – и повернул машину назад.

Скоро мы были в окрестностях Нальчика. Подъехали к огромному двухэтажному дому, который походил на настоящую виллу. Я подумал, что мы, наверное, приглашены к месхам-аристократам. Возле дома нас встретили пожилые женщина и мужчина. Женщина – в длинном грузинском платье и грузинском головном уборе с длинной мантильей. А мужчина – в чалме, в татарском халате, с длинной седой бородой.

– Мои родители, – знакомит меня Халил и вводит нас в дом.

Перед входом в дом мы снимаем обувь и остаемся в носках. Ноги утопают в коврах. Внезапно загорается огромная хрустальная люстра. В глазах зарябило от сверкания разноцветных огней. В огромной комнате все стены были увешаны роскошными коврами, казалось, что мы находимся в приемном покое шахиншаха. Вошли еще двое стариков в чалмах, за ними шла молодежь. Халил глазами показал мне на полного мужчину лет сорока. Это означало только одно – «агент!». Вдоль стен стояли кресла и несколько тахт, со множеством мутак и подушек.

Разговор начал вновь вошедший старик в чалме. Из-под чалмы смотрели пронзительные, как уголья, глаза. Мне показалось, что он враждебно настроен против меня. Но скоро я понял, что все в порядке. Когда старик заговорил тихим спокойным голосом на чистом грузинском языке, я успокоился.

– Мы, уважаемый, – грузины, – сказал он, – и хорошо это сознаем. Наша задача – вернуться в Грузию.

Вновь был накрыт длинный стол. Но старики не сели за стол; они остались сидеть на тахтах с подогнутыми ногами. И здесь, среди этих людей, я нашел взаимопонимание, и здесь шла речь о том же – о возможных путях возвращения на родину.

Так прошел день и прошла ночь. Халил на память мне и моим друзьям дарит серебряные роги для вина.

Утром в семь часов месхи провожают меня до автобуса Нальчик-Тбилиси. Билет у меня уже в кармане. С каждым я обнимаюсь на прощанье и сажусь в автобус. До отхода автобуса месхи стоят, не уходят. Я смотрю из окна на их опечаленные лица. Впереди стоит Халил. В его груди бьется горячее грузинское сердце. Вот уже двинулись. Месхи прячут свои глаза, полные слез...

Как только я приехал в Тбилиси, месхи сообщили мне: Одабашев послал своих агентов в местное КГБ, где обо мне было сообщено, что я «народ повел по неправильному пути». Это означало одно: «борьба продолжается!»

Виктор Рцхиладзе пишет далее в своей статье: «Месхский вопрос – один из самых больных вопросов в Грузии. Проблема месхов – проблема всех грузин, она будет решаться только нами самими. Этого требуют интересы Грузии, ее будущего». Он, как и другие члены инициативной группы, призывает Грузию протянуть руку помощи своим братьям-месхам, поза-

ботиться о них, как о своих несчастных больных детях.

Но официальная Грузия не признавала нас своими детьми. В 1976 году в издательстве «Ганатлеба» вышла книга журналиста Г. Махарадзе с громким названием «Не забудем ближнего своего», посвященная грузинам, находящимся вне своей родины – Грузии. Где только автор не ищет грузин, где только не находит их – в забытых уголках Греции и среди негров Африки. Первая глава книги с лирическим названием «Под советским солнцем» касается грузин, рассеянных по Советскому Союзу. Невозможно, чтобы Г. Махарадзе ничего не слышал о депортации месхов, но он ни одного слова не говорит о них в своей книге, лишь упоминает о двух-трех деревнях в России, населенных грузинами.

Или еще один факт. 8 августа 1976 года телевидение Грузии посвятило целый час специальной передаче под названием «Обновленная Месхети». Показывали Адигенский район. Речь шла обо всем, начиная с ученого-астронома Евгения Харадзе и кончая коровьей фермой. Но ни слова не было сказано о 300 тысячах месхов, незаконно выселенных с мест своего исторического проживания.

Да, борьба продолжалась. После возвращения из Кабардино-Балкарии Виктор Рцхиладзе вместе с другими членами инициативной группы стал призывать грузинский народ взять решение вопроса о месхах в свои руки. Он писал: «Настало время проявиться воле грузинского народа. Поможем нашим братьям-месхам!.. Грузины издревле являются гостеприимным народом, истинными интернационалистами. В Грузии люди различных наций чувствуют себя как «дома». Даже такая нация, как евреи, которых почти во всех странах подвергали притеснениям и гонениям, в Грузии всегда жили, не как «гости», а как настоящие «хозяева».

Если мы, грузины, умеем так принимать и устраивать у себя другие нации, то что говорить о наших братьях – месхах, которых каждый грузин, по словам Ильи Чавчавадзе, должен желать по-братски «прижать к своей честной и милосердной груди».

Призывая грузинский народ помочь своим братьям-месхам, члены инициативной группы стали собирать подписи под обращением за возвращение месхов. Они объясняли, что возвращение должно быть поэтапное, по различным уголкам и селам Грузии. «Каждый грузин, вообще люди всех наций, которые уважают права и достоинство человека, должны принять участие в сборе подписей везде: на заводах, фабриках, в научных учреждениях и в учебных заведениях». В этом деле особые надежды они возлагали на молодежь.

Собранные подписи с соответствующей просьбой о возвращении месхов были посланы лидеру Советского государства – Леониду Ильичу Брежневу.

Обращаясь от имени членов инициативной группы к советскому правительству, Виктор Рцхиладзе писал: «Наши требования о возвращении месхов в Грузию не являются какими-то «националистическими», «незаконными». Наоборот, наши требования подразумевают выполнение тех параграфов Конституции, в которых гарантированы права наций в СССР. Мы руководствовались также «Декларацией прав человека» – тем международным документом, под которым стоит подпись и Советского правительства. Мы можем заверить правительство, что месхи, работая в Грузии, принесут Советскому государству не меньшую экономическую выгоду, чем работая в других местах. Что же касается политического доверия к ним, то, несомненно, если они будут признаны грузинами, то будут более заслуживать доверия, чем «отуреченные» месхи.

Мы просим советское правительство, чтобы оно вернуло наших кровных братьев – месхов из мест их ссылки! Не губите это справедливое и святое дело – восстановление национальности и возвращение месхов в свою родную грузинскую семью!»

Но ни письмо к Л.И. Брежневу, ни обращение к советскому правительству, как видно, не достигли адресата. 24 сентября 1976 года в Центральный Комитет Грузии был вызван Мераб Костава. Здесь с ним встретися инструктор административного отдела Владимир Абуладзе, который сказал: «Я вас

вызвал в связи с письмом, посланным вашей группой на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева относительно месхского вопроса». Затем Абуладзе прибавил, что ему поручено ознакомить Мераба Костава с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1972 года, согласно которому месхам предоставлялось право приезжать в южные районы Грузии на работу, и то в том случае, если там нужны будут рабочие руки. При этом месхам запрещалось привозить с собой семьи, они должны были жить в общежитиях. На вопрос Костава, означает ли это, что месхи могут поселяться в других районах Грузии, В. Абуладзе ответил: «Об этом я не могу ничего сказать, это не в моей компетенции».

Этот указ был лишь видимостью решения месхского вопроса. Члены инициативной группы прав человека в Грузии развернули активную деятельность по созданию общественного мнения по месхскому вопросу. Московской групе содействия выполнению Хельсинкских соглашений было послано следующее обращение:

«Грузинская интеллигенция весьма возмущена тем обстоятельством, что выселенные в 1944 году из Грузии в Среднюю Азию 300 тысяч грузин (месхов) до сегодняшнего дня не получили права возвращения на родину, восстановления национальности и подлинных фамилий в паспортах. Все попытки и протесты депортированных грузин, любые требования грузинской интеллигенции встречают равнодушие и упорное сопротивление бюрократов или совершенно неоправданные репрессивные мероприятия.

Выражая волю и желания грузинской интеллигенции, грузинского народа, просим сделать все зависящее от вас, чтобы вопрос о возвращении на родину 300 тысяч грузин в конце концов был решен положительно.

Члены инициативной группы защиты прав человека в Грузии: Бего Бежуашвили, Звиад Гамсахурдиа, Ираклий Кенчошвили, Мераб Костава, Виктор Рцхиладзе».

Одновременно этой же группой было послано «Открытое письмо» первому секретарю Центрального Комитета Компартии Грузии Эдуарду Шеварднадзе следующего содержания:

«Полные верой в то, что каждая грузинская проблема должна решаться в Грузии, что обладающие властью инстанции должны служить интересам нашего народа, и возмущенные тем, что не уделяется никакого внимания грузинам, выселенным в 1944 году с граничащих с Турцией территорий в Среднюю Азию, мы напоминаем Вам о том, что должно быть Вашей первейшей заботой.

Просим Вас наполнить свое сердце чувством высочайшего милосердия, выражающим истинную человечность, и заняться разрешением этой проблемы. Рано или поздно неразрешенность этого вопроса будет вменена в вину Вам и Вашим подчиненным, так как нельзя примириться с тем, что люди – кровь от крови нашего народа – провозглашаются чуждыми нам и этим покрываются злодеяния, совершенные преступной рукой Берия и возглавляемых им органов госбезопасности.

Сегодня Средняя Азия и Ферейдан – синонимы! Невозможно примириться с тем, чтобы грузины – Зедгенидзе, Шеварднадзе, Макаридзе, Абашидзе, Джавахидзе, Беридзе, Ломидзе, Бараташвили, Георгадзе, Лазишвили и другие – превратились в узбеков, азербайджанцев, казахов, кабардинцев и представителей других национальностей. Мы не согласны таким образом понимать ни национальную проблему, ни интернационализм!..

Мы с возмущением узнали недавно, что, оказывается, Вы бессильны поставить этот вопрос перед Москвой, что у вас не хватает сил решить эту самую больную национальную проблему самостоятельно в лоне своего народа, своей страны. Ваш личный референт, Владимир Алпенидзе признался, что судьба Грузии в Тбилиси не решается. Если можно было в Тбилиси решить вопрос высылки в Сибирь десятков тысяч грузин, то почему нельзя вернуть на родину наших братьев и сестер, принявших в ссылке страшные муки, хотя бы и с разрешения Москвы?! Почему Вы сразу же стараетесь избавиться от этих людей, почему через Ваших подчиненных – Яшвили и Алпенидзе – посылаете их в Москву, почему не считаете их

достойными того, чтобы быть принятыми лично Вами!..

Турки 300 лет притесняли коренное население Южной Грузии, их эстафету в 1944 году подхватило Министерство госбезопасности, которое в 1968 году поддержал Президиум Верховного Совета СССР. Но когда же мы будем принадлежать сами себе?! Если Вы не будете стоять вместе с нами, если Вы не в силах открыть дорогу грузинам к Грузии, если Вы не пожертвуете собой для народа и останетесь только наместником тех, кто определяет, как нам жить на нашей земле, если, как добрый пастырь, не поведете за собой народ, ожидающий возвращения на родину, тогда Вы перед всей нацией признаете свое бессилие и непригодность...

Но несчастье в том, что Вы молчите. И в то время, когда грузинская интеллигенция стремится согреть сердца и без того перенесших тысячу несчастий братьев, с Вашего разрешения милиция хватает их и держит восемь часов без еды и питья в своем отделении, при этом бессовестно и незаконно предъявляя им обвинение в спекуляции коврами; врывается в квартиры грузинских патриотов, которые оказали гостеприимство своим несчастным землякам, запугивает и притесняет их семьи.

Сегодня среди других бед Грузии – одна большая беда, одна боль – возвращение на родину высланных бандами Берия в 1944 году месхов. Не откладывайте этого дела, а то летописец, терпеливо записывающий беды Грузии, вновь черной краской впишет в историю ваши имена, как имя Али-Кулихана».

Тогда же было послано письмо Э. Шеварднадзе от месхов, подписанное Х. Умаровым-Гозалишвили, Д. Аюбовым-Абашидзе, З. Сафаровым-Лазишвили, И. Аслановым-Хозреванидзе, А. Искандеровым-Абастумнели, следующего содержания:

«Мы грузины, выселенные из Грузии в 1944 году, ждем возвращения на родину. Просим указать отдельным райкомам Грузии, в указанных вами местах, чтобы разрешили нам прописаться и устроиться на работу, чтобы окончательно посе-

литься на земле наших предков. Возвращение грузин таким порядком будет постепенным процессом – одним из разумных путей решения вопроса нашего возвращения. Если вы сочтете нужным, то мы представим списки грузин со старыми грузинскими фамилиями с указанием наших коренных грузинских деревень. С целью контроля можете использовать и нас. Опытный пастух всегда хорошо знает свое стадо. Указанные списки имеются и в Тбилиси у наших друзей и там же находятся компетентные лица, хорошо знающие наш вопрос».

Но все эти письма, обращения, протесты так и не возымели своего действия. Мы понимали, что только доказав, что мы не турки, а грузины, мы сможем вернуться на родину.

Для разрешения нашего национального вопроса 10 тысяч семей месхов в том же 1976 году обратились к Национальной палате Верховного Совета СССР, а также к первому секретарю ЦК КП Грузии товарищу Э.А. Шеварднадзе с просьбой о восстановлении потерянных грузинских фамилий и национальности. Но как в Москве, так и в Тбилиси отказались решать наш вопрос, заявив нам, что национальный вопрос в Советском Союзе давно решен.

Но мы осознавали, что разрешение вопроса о подлинной национальности месхов стало основной проблемой в борьбе за наше возвращение на родину. Противники нашего возвращения всячески извращали эту проблему.

В течение веков находясь под турецким владычеством, месхи подвергались омусульманиванию. Но и вследствие русской империалистической политики, направленной на ослабление грузинской нации, месхи в течение всего XIX века и почти всей первой половины XX века продолжали подвергаться омусульманиванию, они постепенно забывали свою национальность и свой язык и представлялись всеми, как «турки». «...Превратно понятый интернационализм привел грузин-мусульман к потере ими национального самосознания и превратил их в денационализованную массу, для которой «мусульманство» и «турок» стали синонимами национальности», а «грузин» – синоним христианства» (Шота Ломсадзе. – «Литературная Грузия», 1988, № 8, с. 88).

Этой неразберихой воспользовалась и турецкая пресса, которая раздувая антисоветскую кампанию, писала в 1968 году (имея в виду месхов) о «тяжелом положении турок в России» (см. сб.: «СССР и Турция». 1917-1979 гг., М., 1981, с. 228).

Стремление превратить месхов – грузин-мусульман – в турок носило повсеместный характер. Так, в первые годы Советской власти грузин-мусульман, носивших фамилии Вардиашвили, Бахтадзе, Майсурадзе, Какунашвили, Бердзенишвили, Гварамадзе и др., записывали как «азербайджанцев». Особенно активное участие в этом принимал тогдашний председатель исполкома Ахалцихского уезда, азербайджанец Шабанов, который очень усердствовал в том, чтобы грузинские фамилии месхов были переделаны на азербайджанские, хотя во многих семьях месхов продолжали говорить по-грузински. Кстати, из высланных в 1944 году месхов более половины носили грузинские фамилии и в целом ряде школ, где они учились, преподавание шло только на грузинском языке, например, в таких селах, как: Татаниси, Свири, Гуркели, Гиоргицминда, Агара, Мугарети Сакунети, Шурдо, Зикилиа, Цохтеви, Неса, Джохта, Вале, Бога, Уде, Цниси, Цинубани, Клде, Индуса, Отора, Тоба, Ахашени, Гобарети, Токи, Килда, Тологин и др.[54]

«Трое моих братьев и сын, – говорит, например, Пипинидзе – герой статьи Г. Димова «Встречи на улицах маленького городка Пскент» (см. «Известия» от 19 августа 1988 года), – записаны по фамилии Гайдаровы, братья – по отцу, сын – по деду. Но я то помню еще прапрадеда, ему было 120 лет. Он жил во времена Пушкина. Наш предок говорил только по-грузински. И месхи-грузины, просто были отуречены во время оккупации. Почему я не должен сохранить свою фамилию?»

Хотя определенная часть высланных в 1944 году месхов уже до высылки не знала грузинского языка, но мучения, испытываемые ими в ссылке, заставили пробудить в них национальный дух. Они задумались о своем происхождении, в них пробудилась тяга к Грузии, к людям своей национальности, к своей истории. Но кроме месхов, забывших свой родной язык, была еще большая часть говорящих на грузинском языке. Тем страшнее была опасность их национального перерождения, потери своей национальности!

[54] Объяснительная записка жителя г. Ахалциха В.Ф. Ломсадзе начальнику Управления Министерства внутренних дел Грузии от 13 декабря 1961 года.

Против их воли в их паспортах писали национальность той республики, в которой они в данный момент жили. Нас, месхов, грузин-мусульман Месхети, чаще всего записывали турками (и все средства массовой информации, что совершенно не случайная описка, называли «турками-месхетинцами»), азербайджанцами, «мусульманами», «кавказцами» (хотя двух последних национальностей, как известно, не существует!), узбеками и др. Например, дети одних и тех же родителей – четыре брата Заутадзе – были причислены к четырем различным национальностям: один записан азербайджанцем, другой – турком, третий – «кавказцем», четвертый – узбеком... Кем угодно, только не грузинами, которыми они являются на самом деле.

Одной из причин этого являлось то, что в местах высылки месхов в основном заставляли работать на хлопковых плантациях, и благодаря их нещадной эксплуатации эти республики получали большую экономическую выгоду, и ясно, что они насильственными мерами хотели их ассимилировать с местным населением и не пускать на родину. Особенно в этом отношении старались азербайджанские власти, где месхам были созданы наиболее трудные условия жизни и где они больше всего подвергались национальному давлению и преследованиям. Всем этим пользовались фанатично настроенные мусульманские элементы, которые вели активную протурецкую агитацию среди месхского населения.

Этой протурецкой пропагандой были заражены и многие в Грузии, выступая против нашего возвращения. Люди эти, находящиеся под влиянием правительственной политики, доказывали, что Южная Грузия – это стратегическая зона, поэтому там, на границе с Турцией, нельзя селить элементы протурецкой ориентации, т.к. эти элементы, мол, будут стараться пре-

вратить Грузию в мусульманскую страну. Но в действительности турецко-грузинский элемент от всех высланных месхов составлял всего одну десятую часть. Ясно, что подобные настроения среди населения Грузии искусственно создавали ее враги. Они знали, что находящиеся в ссылке месхи все более озлобляются и вследствие этого протурецкая агитация находит все большее распространение среди них.

Средства массовой информации, особенно печать, играя на руку правительству, разжигали национальные противоречия и конфликты. И это происходило и в последующие времена.

Во всех энциклопедиях указывалось, что месхи – грузины. Например, в Большой Советской Энциклопедии сказано: «Месхи – часть грузин, живут по среднему течению реки Куры, в Ахалцихском, Адигенском районах Грузинской ССР, а также в Турции. В древности месхи составляли отдельную этническую группу, участвовавшую в формировании грузинской народности» (БСЭ, т. XXVII, М., 1954, с. 208). Было бы политической близорукостью не видеть и не признавать ту истину, что месхи не турки, а грузины-мусульмане. Но эту истину не хотели признавать многие, что вызывало нередко протест самих месхов. Например, в 1988 году корреспондент «Известий» Р. Лынев в статье «Попробуй, исправь» («Известия» от 14 сентября 1988 года) в связи с этим пишет: «Национальный вопрос. На деле это не один вопрос, а множество, каждый из которых непрост сам по себе... многих сегодня волнует: как сменить, уточнить записи в паспорте, отражающие национальность?

Статистика выявляет такой процесс: по переписи 1926 года в нашей стране было выявлено 194, как говорят ученые, этнические единицы. По данным же последней переписи 1979 г., значится всего сто один народ. Куда же делись остальные, почти половина?

Было и так, что «укрупнение» одних народов за счет других, более мелких, происходило в ходе переписи под влиянием некоторых местных руководителей, желавших поднять тем самым престиж собственных регионов.

Был, наконец, и еще один фактор, вспоминать который

сегодня стыдно, но и забывать никак нельзя: высылку с родных мест на чужбину целых народов. Этот произвол также нередко закреплялся в паспортных данных о национальности».

Автор пишет дале:

«Вдумаемся только: лишь одна запись в паспорте – и ты лишен права считаться сыном своего народа. Одна лишь формальность, и ты, ни в чем перед ним не провинившись, юридически как бы отрезан от него, и перед тобой целая цепь унизительных ситуаций, когда ты должен давать пояснения к записи в паспорте, убеждать, чтобы твоим словам верили больше, чем ей... Как можно запрещать человеку быть тем, кто он есть, искусственно регулируя национальный состав страны, искажая истинную картину?

Все это, конечно, отдает абсурдом, который давно пора отменить, приблизившись юридически и фактически к нормам правового многонационального государства».

Правильно поставив проблему, Р. Лынев, однако, допускает грубую ошибку, называя месхов-мусульман – «турками», вольно или невольно играя на руку их врагам. Так он пишет:

«Даже сегодня в Казахстане только треть тех же месхетинских турок считают турками законно, по паспорту. Остальные вынуждены ходить, писать, доказывая, что они не те, кем им предписали стать в свое время, а турки. В признании этого факта они, как и их соплеменники в Киргизии, Узбекистане, на Северном Кавказе, видят одно из основных условий восстановления справедливости».

Ошибка это, незнание истины или намеренная фальсификация? С опровержением на эту статью Р. Лынева в газету «Известия» обратился инженер-строитель из г. Ташкента Таксим Кочалиев, который писал:

«Вынужден вторично обращаться, на этот раз с решительным протестом из-за публикации статьи тов. Лынева от 14.08.1988 г. Речь в ней шла о месхах, высланных в 1944 году из Южной Грузии. На каком основании автор утверждает, что месхи являются турками? Почему тов. Лынев повторяет фальсификацию, состряпанную Берия и ему подобными, которая

стала основной «причиной» высылки нашего народа. К великому сожалению, среди представителей нашего народа имеются люди, утверждающие то же самое. Это происходит из-за невежества, отсталости, незнания своей истории, узости национального самосознания, ассимиляции и ряда других негативных явлений.

Но у редакции ведь совсем иные возможности. Можно же было обратиться к специалистам: просмотреть исторические документы. В каких научных трудах указано, что турки когда-либо населяли Южную Грузию? Почему тюркоязычные, принявшие ислам боснийцы, болгары, не стали турками? Мы, порабощенные турками, которые хотели лишить нас нашей древней культуры и истории, теперь в период Советской власти стали турками? Невежество одних, национализм других, пекущихся о «чистоте нации», таким образом, порождает чудовищную ложь! (Это не в Ваш адрес, тов. Лынев).

Грузинский ученый Ш.В. Ломсадзе имеет высокие научные звания (профессор, доктор исторических наук), которые он заработал, исследуя историю Месхети и месхов! Почему бы не обратиться к нему, к его трудам? Простите меня за дерзость опровергать публикации очень уважаемой мной газеты «Известия»! Но того требует моя совесть и святая правда».

Но несмотря на множество опровержений, подобные статьи продолжали появляться в дальнейшем. О месхах много писали как в центральной, так и местной провинциальной прессе. Например, в газете «Дружба» Иссык-Атинского района Киргизии 14 марта 1989 года появилась статья «Эта дальняя «малая родина», в которой говорилось: «В клубе колхоза «40 лет Октября», проходило собрание жителей турецкой национальности (здесь имеются в виду месхи – грузины-мусульмане – У.Х.). Было затронуто немало «больных» вопросов. Председателем ВОК (Временного организационного комитета) по возвращению на свою «малую родину» – на юг Грузии в нашем районе является Р.К. Шавкетов. К нему обратился корреспондент О. Пахомов.

– Радыхан Каялыевич, много говорили о том, что среди

турецкого населения нет выдающихся ученых, деятелей культуры, интеллигенция малочисленна. Чем вы объясняете отчужденность от образования основной массы?

– Тут есть несколько причин: во-первых, мы двенадцать лет находились на правах спецпереселенцев. Мы были выселены на голое место, без всяких средств к существованию, на первый план тогда выдвигалась борьба за существование, за выживание, ведь время было суровое.

– Я понимаю, в то время было трудно, но ведь настали и лучшие времена, а особого рвения к учебе не видно. Я знаю братьев Хмаладзе, которые стремились к знаниям и, хоть с трудом, достигли, а ведь таких людей немного.

– ... Вот вы привели пример семьи Хмаладзе. Не надо забывать, что их отец сам был учителем, образованным человеком, который своим примером воодушевлял детей. Важность культурного развития и жажды к знаниям трудно переоценить, это влияет почти на все стороны развития наций и народностей. Если нам разрешат вернуться на родину, заниматься этим будем на родине. Мы не требуем никакой автономии, но наш народ распылен по Средней Азии и Казахстану, мы хотим жить вместе. В настоящее время в наших семьях отец пишется одной национальности, мать – другой, а дети... Как раз такая ситуация и в моей семье: сам я по паспорту – азербайджанец, жена – турчанка, дети азербайджанцы.

При принятии постановления на прошлом собрании в него был включен пункт, где говорилось, что в случае нерешения вопроса в Верховном Совете СССР ВОК оставляет за собой право обратиться в ООН или к парламентам других стран».

Представить месхов турками было выгодно нашим врагам, врагам Грузии. Думая о судьбах Месхети и месхов, невольно задаешь себе вопрос, почему аджарцы, такие же мусульмане, как и месхи, не были названы турками и не были высланы со своих мест, как мы?

Дело в том, что у аджарцев еще в первую мировую войну имелись такие патриоты, как Шерип Химшиашвили, Гуло ага Каикацишвили, Абдул Микеладзе и другие, которые смело

выступали на страницах газет и журналов, доказывая, что аджарцы – грузины-мусульмане.

«Если мы – грузины разных вероисповеданий, – писали они, то разве нельзя нам, как друзьям и братьям, жить на одной родине? Ведь мы единый народ».

В 1918 г. в Тбилиси грузины-мусульмане создали «Комитет освобождения», председателем которого был избран Мемед Абашидзе, а заместителем Гейдар Алиевич Абашидзе[55]

Эти патриоты-аджарцы после революции при определении наций сумели доказать что аджарцы являются грузинами-мусульманами.

А у месхов своевременно не появились такие патриоты, а если они и были, то служили другим, как например, журналист Неманзаде-Микеладзе – Омар-Фаик (1872-1937)[56] из села Агара Ахалцихского района. Он еще до революции открыл в Тбилиси типографию «Гейрат» и вместе с Джалил Мамедкулизаде, М.А. Сабиром и другими азербайджанскими деятелями издавал журнал «Молла Насреддин», с помощью которого нес азербайджанскому народу культуру и просвещение; или же Ахмед Пепинов-Эристави (1893-1938)[57] из села Боладжури Адигенского района, один из лидеров мусаватской партии. После советизации Азербайджана до 1936 года он работал наркомом просвещения Азербайджана, а также многие другие.

Именно благодаря таким деятелям, другие мусульмане, например, азербайджанцы, проживающие в Болниси, Дманиси и в других районах, не были высланы. Ведь если исходить из логики «протурецкой ориентации», то и их можно было бы причислить к потенциальным союзникам Турции, да и весь Азербайджан!

В нашей борьбе нам особенно мешали одабашевцы, распространявшие от имени ВОК различные материалы как от

[55] Гейдар Алиевич Абашидзе. Письма. Тбилиси, 1963, с. 4-25. – На груз. яз.

[56] Г. Мамедкулизаде. Мои воспоминания о Мирзе Джалиле. Баку, 1967, с. 196. – На азербайджанском яз.

[57] Ибрагимов. Борьба трудящихся Азербайджана за победу соц. рев. (1917-1918 гг.). Баку, 1957, с. 452.

«турок-месхетинцев». Под влиянием этой пропаганды были допущены ошибки в материале о месхах и в «Хронике текущих событий», журнале, издаваемом Группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

В связи с этим, член инициативной группы по защите прав человека в Грузии, историк В. Рцхиладзе написал в «Хронику» письмо, которое в 1976 году было передано им самим прямо в руки члену Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Юрию Орлову. Приводим это письмо полностью:

«Хроника текущих событий», вып. 41, год издания девятый, извещала о «Борьбе месхов за возвращение в Грузию». «Хроника» называет месхов турками («турки или месхи»), а касаясь исторической справки М. Костава, «Месхи-турки или месхи-грузины», «Хроника» заявляет: «Хроника не является компетентной в этой историко-этнографической проблеме, однако, Хронике известно, что многие представители этой народности сами называют себя (по крайней мере, говоря по-русски) – турками, турками-месхами, месхетскими турками».

По этому поводу мы заявляем следующее:

1. Когда кто-либо является «не компетентным» в какой-либо «проблеме» и если он не верит «компетентным лицам» и их заявлениям, тогда, естественно, нужно обращаться к «компетентным» словарям и энциклопедиям, даже к самым элементарным. Этого мы и ожидали от «Хроники».

Возьмем по доступности самую простую – БСЭ. Вот что сказано о «месхах» в первом издании БСЭ (см. БСЭ, т. 39 «Мерави-Момоты», стр. 65-66, Москва, 1938): «Месхи, одно из основных племен грузинской народности, коренное грузинское население Ахалцихского района. Племенное название М. (мосхой – классических авторов, моску – клинописных надписей, мешек – Библии) восходит к глубокой древности. Название это, видимо, легло в основание наименования Мцхета (см.), Самцхе (Ахалцихский район) и др. В ранний период истории Грузии М., по-видимому, играли главенствующую роль среди грузинских племен, однако уже в Римскую эпоху они попадают в зави-

симость от грузинского племени, известного по классич. авторам под названием иверов. В эпоху расцвета грузинского феодализма страна М. (Месхетия, Самцхе-Саатабаго) была одним из центров грузинской культуры. Знаменитый поэт Руставели – по происхождению М. После турецкого завоевания 16 в. большая часть М. приняла ислам».

А вот что говорится о «месхах» в последнем, третьем издании БСЭ (см. БСЭ, т. 16, Москва, 1974, стр. 111): Месхетия, страна месхов (одного из груз. племен.), историч. назв. части Юж. Грузии. Со 2-й пол. 13 в. М. входила в состав княжества Самцхе-Саатабаго. В 16 в. завоевана Турцией. По Адрианопольскому миру 1829 г. сев. часть М. присоединена к России».

Но, может быть врут все эти советские энциклопедии и искажают действительность (как, к сожалению, не раз бывало).

Тогда обратимся к известному «Брокгаузу» 1896 года. Здесь дана о месхах самая обширная статья, по сравнению с советскими энциклопедиями. Приведем некоторые места из этой статьи (см. Энциклопедический словарь, т. XIX. Мекененъ-Мифу-Баня, издатели: Ф.А. Брокгауз..., С.-Петербургъ. 1896, стр. 152-153): Месхи – весьма древний народ картвельского племени («картвелы» самоназвание грузин – см. опять-таки Энц. словарь и БСЭ – В.Р.), живущий в настоящее время в Ахалцихском у. Тифлисской губ. Исторические показания разноречивы в вопросе о границах древней Месхетии (Саатабаго), впоследствии получившей название Верхней Карталинии. Древнейшим пребыванием М. следует считать восточную часьт Малой Азии (следы их существования здесь остались в названии города Мазака), откуда они постепенно приближались к той территории, которую теперь занимают. Месхетия, до распада Иверии в 1469 г., составляла одну из наиболее отдаленных провинций грузинского царства... Впоследствии страна стала сильно страдать от турок. В 1625 г. атабег Бека был признан со стороны султана правителем Месхетии, под именем Сапар-паши, с сохранением за ним права суда и др. атрибутов власти атабегов. В это время народ стал в значительном количестве переходить в ислам, и только итальянские миссионеры поддерживали здесь христианство, обращая православных в католичество. В 1829 г. Месхетия, по Адрианопольскому миру, перешла к России. В настоящее время в М., в Ахалцихском у., числится 43 377 чел., все крестьяне уезда – М. Несмотря на различие в вероисповедании, М. сохранили много общих национальных черт. М.- христиане говорят по-грузински; большинство М.-мусульман также свободно изъясняется на этом яз. Всех М. связывает также единство их поверий, уцелевших от языческого периода... После грузин-горцев из всех народов картвельского племени М. наиболее сохранили древние песни, легенды, сказания. Мы находим у них песни на библейские темы; исторические события, особенно период владычества турок в Ахалцихе, дали богатый материал для различных поэм, сказаний и народных песен, героем которых очень часто является царь Ираклий (Ираклий II, груз. царь-герой, правил Вост. Грузией в 1762-1798 гг. – В.Р.); лирические песни отличаются большою сжатостью и краткостью. Ср. А. Хаханов, «М». («Этнографическое Обозрение», 1891, №3)».

Древние месхи сыграли главную роль в этногенезе груз. народа. Это обстоятельство дано в трудах известного дешифратора Урартских клинообразных надписей Г.А. Меликишвили (о нем см. БСЭ, М., 1974); 1. Наири-Урарты (древневосточные материалы по истории народов Закавказья). 446 стр., Тб., 1954; 2. К истории древней Грузии, 503 стр., Тб., 1959. О древних «месхах-мушкинах» как «одной из главных составных частей грузинского народа» говорит и немецкий историк К.Ф. Лехманн-Хаупт (см. «Наири-Урарту», стр. 11) и много др.

Все вышесказанное давно нашло свое отражение в учебниках по истории Грузии (см. напр. История Грузии – учебн. пособ. – т. 1-3, Тб., 1962-68) и, можно сказать, считается азбучной истиной, по крайней мере, до тех пор, пока нам не докажут обратное.

2. Что касается заявления «Хроники» о том, «что многие представители этой народности сами называют себя... турка-

ми», то здесь нужно разобраться более подробно.

а) После завоевания турками южных районов Грузии (Месхети), начиная с XVII столетия, грузины (месхи) постепенно подвергались насильственной мусульманизации. Но парадоксальным является тот факт, что после присоединения северных районов Месхети к Российской империи в 1828-29 гг., сильное христианское государство стремилось не «христианизировать» грузин-мусульман, а ... более «исламизировать» их. На это у правительства были свои веские причины: 1. Ослабить сепаратистски настроенную грузинскую нацию путем отделения от нее и противопоставления ей части грузинского народа на религиозной основе; 2. Путем выселения в Турцию грузин-мусульман как «турок» добиться увеличения фонда казенной земли (см. Ломсадзе Ш.В., Самцхе-Джавахети с середины XVIII в. по пятидесятые годы XIX в., 560 стр., Тб., 1975, на груз. яз. с обширным резюме на русском языке вместе с библиографией). Поэтому, русское правительство специально выписывало для месхов мулл из Турции и распространяло ислам. Начиная с 20-х годов XIX в., среди мусульман-месхов слово «грузин» означало «христианин», а омусульманившиеся грузины считали себя «турками».

К сожалению, советское правительство, после ликвидации Советской Россией независимой демократической республики Грузии (1918-21 гг.), продолжало великодержавную политику царской России и в 30-х годах нашего столетия грузинам-мусульманам (месхам) вместо турецких школ открыли азербайджанские! (азербайджанцы отличаются от турок только тем, что исповедуют шиитского толка ислам – см. акад. В.В. Бартольд, т. VII, Москва 1971, стр. 210).

Но уже в начале 40-х годов XX в. совместными усилиями общегрузинской и особенно месхской интеллигенции были открыты грузинские школы.

Видимо, эта консолидация и объединение грузинской нации никак не устраивало официальные круги СССР, и в одну ночь, 15 ноября 1944 года из Грузии было выселено 20 тысяч дымов грузин-мусульман. Выселили их, как видно, нарочно в

Среднюю Азию (потом, с 1958 года, некоторой части месхов разрешили поселиться в Азербайджанской ССР), где, как известно, мусульманское население, с тем, чтобы быстрее ассимилировать месхов с местными. Там месхи подверглись еще более усиленной пропаганде со стороны мулл и местных религиозных фанатиков.

В силу вышесказанного, те месхи, которые известны «Хронике» и которые сами называют себя «турками-месхами», в действительности являются грузинами-мусульманами, которые вследствие существующей по отношению к ним преступной политики и их же религиозной «обработке» путают национальность с религией, будучи малообразованными, темными людьми и не зная своего истинного происхождения.

б) Возможно «Хронике» «известны» настоящие турки или азербайджанцы, которые составляют приблизительно одну двадцатую часть выселенного народа из Южной Грузии.

в) Возможно, «Хронику» ввели в заблуждение агенты, враги выселенного народа, ибо официальная версия, оправдывающая выселение народа в 1944 г., о месхах гласит, что они являлись «турками» или «турецкими агентами» и было настроены «протурецки» во время второй мировой войны. Выступление «Хроники» в защиту «турок» еще раз доказывает «правильность» официальной версии и мешает им в возвращении на родину (к таким агентам, провокаторам, принадлежит, например, некий Э. Одабашев, который в своих письмах-обращениях к грузинскому правительству и интеллигенции торжественно заявляет и призывает «за святое дело объединения грузин» и т.п., а акад. А. Сахарову и «Хронике» заявляет «о движении турков-месхов»!!).

3. «Хроника» впадает в явное противоречие, когда излагает требования «турок» о разрешении «начать массовый прием их детей в грузинские школы-интернаты, прием в ВУЗы Грузии 10-15-ти абитуриентов-месхов, пригласить в районы, где живут выселенные месхи, лекторов по истории и культуре Грузии, прислать документальные фильмы о Грузии.»

4. На самом деле, в 1944 г. выселили грузин-мусульман

(месхов), у которых отняли национальность (в паспортах) и которые полны решимости восстановить свою грузинскую национальность и вернуться в родную Грузию.

В настоящий момент делегаты от грузин-месхов передали «Группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» несколько тысяч (!) подписей о восстановлении в их паспортах грузинкой национальности и о возвращении месхов в любые районы родной Грузии (обращение и подписи находятся у «Группы содействия...»).

Итак, мы подтверждаем заявление М. Костава, что «совместное употребление слов «месхи» и «турки» – «чистейший нонсенс» (это звучало бы примерно так: «пруссак-русский» или «русский-каталонец»).

Такие заблуждения «Хронике» могут приносить только вред, ибо у нее врагов достаточно.

Наконец, разрешите окончить это письмо словами великого грузинского поэта XII столетия Шота Руставели (см. Шота Руставели, Витязь в тигровой шкуре. Академич. пер. Конст. Бальмонта, стр. 287):

Тут свой труд кончаю скромный, – о, как время
вероломно! –
Тех, чья доблесть столь огромна, в мире свет уже погас
Мир – лишь миг. И в самом деле, дни цвели и дни
истлели.
Месх безвестный, Руставели, написал я этот сказ.
В. Рцхиладзе, 14 октября 1976 года».

На основе «Обращения», этого письма и других материалов был составлен Документ № 18 Группы Содействия выполнения Хельсинкских соглашений в СССР «О положении месхов» от 14 января 1977 года, подписанный Людмилой Алексеевой, Петром Григоренко, Александром Корчаком, Мальвой Ланда, Юрием Орловым, Владимиром Слепаком и Анатолием Шаранским. Вот текст этого документа:

«Месхский народ в 1944 году был депортирован из Месхети (южная область Грузии на границе с Турцией) в Среднюю

Азию. Эта акция была аналогична депортации крымских татар.

Месхи – древнее грузинское племя, принявшее мусульманство и частично отуреченное в результате турецких завоеваний. В настоящее время часть месхов считают себя грузинами, часть – турками. После 1956 года большей части месхов разрешили переселиться на Кавказ – в Азербайджан, Дагестан, Кабардино-Балкарию, однако им не позволяют вернуться не только в Месхети, но даже на территорию Грузии.

Формально советские граждане не ограничены законом в праве выбора местожительства ни по национальному, ни по религиозному признаку. Фактически имеет место как национальный, так и религиозный апартеид, который применяется по отношению к месхам. Так же, как и по отношению к крымским татарам, немцам, части корейцев и др.; к части западных украинцев и литовцев; к членам многих религиозных сект и т.д.

Приказ Генерального прокурора СССР № 54 от 9.11.1972 г. гарантирует права месхов и других национальных групп этого района на равенство пред законом.

Однако этот приказ (очевидно, по указанию более высоких, т.е. партийных инстанций) не выполняется. Он настолько не соответствует реальной политике; что был отобран у Юрия Орлова на обыске 4.1.77 г. (см. Документ Группы Содействия № 16, приложения – протокол обыска у Ю. Орлова, п. 132). Представители месхского народа передали Группе Содействия ряд документов, подтверждающих, что месхи не удовлетворены своим положением депортированных и активно добиваются возвращения на историческую родину. При этом месхи-турки и месхи-грузины идут разными путями.

Месхи, сознающие себя грузинами, собирают при содействии инициативной группы прав человека в Грузии подписи глав семейств под просьбами и обращениями к властям, в которых они настаивают на своей идущей из древности принадлежносит к грузинской нации. Группа содействия получила подписные листы с более чем 1100 подписями глав семейств,

представляющих около 7500 человек. Эти подписные листы были отобраны на обыске у Ю. Орлова (см. указанный выше протокол обыска п. 134) так же, как и обращение в Группу Содействия месхов-грузин и членов инициативной группы защиты прав человека в Грузии, в которых они просят содействовать возвращению месхов в Месхетию... Месхи-турки не обращались в Группу Содействия по выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, но предоставили ей в порядке информации резолюции VI и VIII съездов (последний происходил летом 1976 г.). Эти документы тоже были отобраны на обыске у Юрия Орлова.

Месхи-турки требуют возвращения в Месхетию, соглашаясь растянуть репатриацию на несколько лет. Однако власти полностью игнорируют все просьбы и предложения. Это вынудило месхов-турок обращаться к турецкому правительству, но и эта мера оказалась безрезультатной. Отчаявшись, многие из месхов-турок стали требовать разрешения на переселение в Турцию.

Однако мы констатируем, что в случае месхов, как сознающих себя грузинами, так и сознающих себя турками, советское правительство грубо нарушает свои обязательства в отношении национальных меньшинств, сформулированные в Заключительном Акте: «Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать права лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом».

Активизация деятельности инициативных групп по защите прав человека стала беспокоить власти, поэтому, с целью запугивания, против них и нас, месхов, стали применяться репрессивные меры. Но мы, как и правозащитники, не поддавались на запугивания.

Находясь в Кабардино-Балкарии, мы 14 марта 1977 года получили от Виктора Рцхиладзе письмо следующего содержания:

«Здравствуй дорогой Халил! Здравствуйте братья!

Присылаю к вам нашего Сашу (Моргена) с этим письмом и книгами.

Мое положение теперь сложное. Как я вам уже сообщил, меня в этом месяце сняли с работы и угрожают арестом. Власти взбешены тем, что я написал о вас большую статью – «Трагедия месхов», где я не скрыл ничего и осветил все злодейства в отношении вас. После этой статьи грузинское население взволновалось, начало постепенно собирать подписи о вашем возвращении на родину и стало собирать книги для вас. Часть этих книг я присылаю Вам. В этих книгах особенно обратите внимание на книгу автора Мих. Джавахишвили – «Арсен из Марабды», где несколько глав посвящены взятию русскими в 1828 году гор. Ахалцихе. На этих страницах с горестью можно увидеть всю несчастную судьбу Грузии (кстати, автора Мих. Джавахишвили тоже расстреляли после пыток в 1937 году).

Я глубоко верю, что наше общее дело увенчается успехом и очень скоро, особенно, после этих подписей и других мер. Так, что не теряйте надежду и пробуждайте в людях чувство уверенносит в будущем, убеждайте их, что единственная возможность спастись и вернуться на родину – это восстановление национальности!

Саша передаст вам документ, который, надеюсь, вы подпишите.

За ваше возвращение на родину!

Всегда ваш Виктор.

Шлют привет и наши ребята!».

С целью подавления освободительного движения в Грузии вначале арестовали Звиада Гамсахурдиа, затем Мераба Костава и Виктора Рцхиладзе. 7 апреля 1977 года над ними состоялся суд и, согласно приговору, они были высланы из Грузии: Виктор Рцхиладзе – в Казахстан, а Мераб Костава – в Сибирь. Звиад Гамсахурдиа же после своего раскаяния был освобожден.

А за нами усилилась слежка. Но все это не смогло подавить освободительное движение и борьбу месхов за возвращение на родину. Дело членов Группы защиты прав человека продолжили Гурам Мамулиа, Зураб Цинцадзе, Камилла Корин-

тэли, Джумбер Копелян, Гиви Гамбашидзе, Тамрико Чхеидзе, Гуло Ананиашвили и многие другие. В борьбу включились и ученые Грузии. Так, 11 декабря 1978 года академик С. Джикия, доктор исторических наук В. Джапаридзе, Г. Мамулиа, писатель Резо Джапаридзе и другие на приеме у Председателя Совмина Грузинской ССР З. Патаридзе потребовали вернуть месхов на родину. Движение это ширилось. И вот 13 марта 1979 года представители грузинской интеллигенции обратились к кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК Компартии Грузии Э. Шеварднадзе с письмом, которое приводим полностью:

«Как известно, 15 ноября 1944 года из южных районов Грузинской ССР были временно высланы грузины мусульманского вероисповедания – месхи, именуемые турками, в количестве 20 000 домов.

Грузинская общественность считает своим долгом обратить Ваше внимание на тот факт, что объявление грузин-месхов турками является совершенно беспочвенным и лишенным всякого основания. Общеизвестно, что, начиная с середины XVI в., Месхети, как и другие юго-западные провинции Грузии, оказалась под игом захватчиков, которые мечом и социальным насилием насаждали ислам и турецкий язык. С 30-х гг. прошлого столетия царизм с целью ослабления грузинского народа, вытеснял среди грузин-мусульман грузинский язык, вынуждая одновременно месхов переселяться в Турцию. Несмотря на эти меры, месхи-мусульмане сохраняли свои исконные грузинские фамилии и родной грузинский язык.

За все 250 лет турецкой оккупации и 100 лет царской политики национального угнетения месхи-мусульмане не были столь оторваны территориально и духовно от своей родины и народа, как это произошло в результате высылки 1944 года.

Мы озабочены тем, что хотя высылка, согласно Постановлению Правительства СССР, зачитанному месхам-мусульманам при этом акте в 1944 г., была объявлена временной мерой, однако оказывается в действии фактически по сей день.

Трудно представить всю глубину трагедии, выпавшей на

долю месхов-мусульман. В течение нескольких месяцев, начиная со дня высылки, из-за невыносимо тяжелых условий погибла треть высланных, в том числе более 17 тысяч детей. Следует отметить, что после XX съезда на землю отцов были возвращены чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и другие народы. На территорию Грузии в 1956 г. были возвращены греки, высланные отсюда в 1948 году.

Право возвращения на территорию Грузинской ССР грузин-мусульман, именуемых турками, подтверждается Постановлением и Указом Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 г. и от 9 января 1974 г. за №№ 55-33-VIII.

Сами выселенные месхи неоднократно обращались в ЦК КПСС и ЦК КП Грузии для разрешения своего вопроса, – кровного вопроса всего грузинского народа. ЦК КПСС неизменно направлял их в Грузию, считая, что разрешение этого вопроса входит в компетенцию правительства Грузинской ССР. Однако положение месхов и сегодня остается неизменным.

Учитывая все вышеизложенное, обращаемся к Вам с ходатайством, чтобы Указ и Постановление Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 г. и от 9 января 1974 г. были бы приведены в действие и таким образом была бы восстановлена справедливость в отношении так тяжело пострадавшей части грузинского народа».

Письмо подписали:

1. Академик Георгий Читаия.
2. Академик Серги Джикия.
3. Академик Вахтанг Беридзе.
4. Писатель Реваз Джапаридзе.
5. Академик Арнольд Чикобава.
6. Академик Акакий Шанидзе.
7. Профессор Мариам Лорткипанидзе.
8. Академик Паата Гугушвили.
9. Академик Тинатин Шарашенидзе.
10. Профессор Александр Джавахишвили.
11. Профессор Гиви Жордания.
12. Академик Елена Метревели.

13. Академик Кетеван Ломтатидзе.
14. Академик Отар Джапаридзе.
15. Профессор Шота Ломсадзе.
16. Академик Георгий Меликишвили.
17. Академик Акакий Сургуладзе.
18. Академик Мамиа Думбадзе.
19. Профессор Иване Сургуладзе.
20. Писатель Мухран Мачавариани.
21. Писатель Карло Коберидзе.
22. Писатель Бесик Харанаули.
23. Писатель Джансуг Чарквиани.
24. Писатель Реваз Инанишвили.
25. Писатель Гурам Хараидзе.
26. Режиссер Гига Лорткипанидзе.
27. Писатель Гурам Асатиани.
28. Критик Акакий Бакрадзе.
29. Историк Гурам Мамулиа.
30. Писатель Камилла Коринтели.
31. Композитор Алексей Мачавариани.
32. Художник Уча Джапаридзе.
33. Скульптор Мераб Бердзенишвили.
34. Писатель Чабуа Амирэджиби.
35. Историк Гиви Гамбашидзе.
36. Режиссер Реваз Табукашвили.
37. Композитор Арчил Чимакадзе.
38. Искусствовед Ираклий Джандиери.
39. Композитор Давид Торадзе.
40. Профессор Мзекала Шанидзе.
41. Историк Вахтанг Джапаридзе.
42. Композитор Шалва Мшвелидзе.
43. Академик Нико Чавчавадзе.
44. Историк Зураб Цинцадзе.
45. Историк Гудза Апакидзе.

Как можно видеть, письмо подписали 14 академиков, 6 профессоров, 5 историков, 9 писателей. Письмо это, наконец-то возымело свое действие, и 3 апреля 1979 года ЦК Компартии Грузии под руководством Э. Шеварднадзе принял решение: «Вернуть месхов на родину». На основании этого решения было решено в 1980-1982 гг. более 200 семейств месхов вернуть в Грузию. В Махарадзевском и Самтредском районах приняли 20 хозяйств. Но это было очень мало. Мы понимали, что если ежегодно в Грузии будут принимать такое количество месхов, то нам придется ждать две тысячи лет, а если по 100 хозяйств – то 400 лет, чтобы мы все возвратились на свою родину. Нам не отказывали, но всячески затягивали выполнение этого решения.

Как раз вопрос о месхах в то время решался и в ЦК КПСС. В 1981 году при ЦК КПСС была создана специальная комиссия под председательством секретаря ЦК КПСС тов. Капитонова. Эта комиссия рассмотрела многочисленные обращения от имени месхов, проживавших в Средней Азии, Азербайджане, на Северном Кавказе – в Кабардино-Балкарии, которые поступили на имя Коммунистической партии в ЦК КПСС. К сожалению, ни председатель комиссии Капитонов, ни члены комиссии не содействовали решению проблемы реабилитации месхов. Работа комиссии закончилась ничем, было принято решение: позже вновь вернуться к этому вопросу.

Поэтому нам оставалось одно – продолжать нашу борьбу. 10 ноября 1982 года от имени месхов мною было послано письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева «Разъяснение о трагедии месхов». Оно, как и остальные наши обращения, не дало результата.

Для полной справедливости следует сказать, что наше дело нередко компрометировали сами «турки-месхетинцы», которые под видом борьбы за свои права нарушали порядок, совершали произвол, создавали путаницу и этим затрудняли решение вопроса о месхах. Э. Одабашев и его приспешники, которые, как мы уже упоминали, в 1964 году изменили грузинской ориентации, еще находясь в Средней Азии, совершили много беззаконий. Воспользовавшись этим, КГБ Киргизии арестовал их, и они были посажены в тюрьму как хулиганы. После освобождения, многие из них во главе с Одабашевым в 1967 году

переехали в Азербайджан. Здесь они продолжали свои хулиганские действия, призывая народ к неподчинению. За это одабашевцев в 1972 году вновь арестовали и судили. Лично Одабашеву присудили два года. Он был отправлен в г. Ташкент, где ему как саботажнику было прибавлено еще два года.

Подвергался суду за недостойное поведение и Юсуп Сарваров. Так, например, в апреле 1982 года в городе Нальчике Верховный Суд Кабардино-Балкарии за грубое нарушение порядка, допущенное в приемной Верховного Совета СССР, приговорил его к двум годам лишения свободы. Но он не сидел даже года, т.е. его вскоре освободили.

Были среди месхов и те, кто ради своих личных интересов предавал наше общее дело. Например, Анваров Азиз из села Вархани Адигенского района, находясь в городе Джамбуле взял у товарища рукопись моей книги «Трагедия месхов», якобы для того, чтобы прочитать, а сам отнес ее в КГБ. И такие факты предательства встречались не раз. Например, КГБ были выданы документы, подтверждающие существование нашего кружка, новый проект программы, текст нашей клятвы и другие материалы. Вследствие этого, 13 января 1983 года я был вызван в КГБ Кабардино-Балкарской автономной республики. Мне были предъявлены все эти документы и на их основе мне грозило обвинение по статье 193 Уголовного кодекса РСФСР, которая предусматривает тюремное заключение от трех до десяти лет за хулиганство. Но дело, к счастью, закончилось тем, что мне строго запретили распространять рукопись моей книги «Трагедия месхов», взяли с меня расписку, что я буду выполнять это требование и отпустили.

Длительная безрезультатная борьба месхов за возвращение на родину часто приводила к тому, что две группировки – прогрузинской и протурецкой ориентации – начинали обвинять друг друга в неудачах, усиливалась вражда друг к другу. Дело дошло до того, что властолюбивый, морально невыдержанный и идейно неустойчивый Энвер Одабашев в своих выступлениях перед народом начал прямо призывать: «Пока находится

среди нас и пока жив агент Грузии Умаров Халил, нам никогда не видеть своей родины. Надо убить его!».

Подогретый этим призывом, соратник Одабашева Исмаил оглы Али из села Ацкури 8 мая 1984 года собрал молодежь из числа месхов в городе Нальчике и стал подговаривать их убить меня.

Но наша борьба продолжалась, и наш кружок смог выдержать все испытания и дожить до сегодняшнего дня. Это ясное свидетельство того, что невозможно сломить свободолюбивый дух месхов.

Месхи в большинстве своем – трудолюбивый, терпеливый и доброжелательный народ, который всегда выступает против анархии и произвола. Месхи понимали и понимают свой долг перед государством. Но ведь и государство должно выполнять свой долг перед гражданами – зашишать их права. Почему же права месхов государство не защищает? Мы всегда были законопослушными гражданами, но если государство необоснованно устанавливает ряд ограничений для своих граждан – это является тиранией. Очень горько вспоминать, что когда мы требовали выполнения наших законных прав, на местах начинали нас преследовать, как «неблагонадежных» людей. Продолжение подобной политики является позором не только для нас, но и для всего общества. Почему мы все еще находимся в высылке? В чем наша вина? Разве можно описать все то, что мы перенесли, как жили и живем все эти годы высылки? Мы потеряли родину, родных и близких, мы скитались на чужбине, по чужим углам и часто слышали в свой адрес позорящие нас слова: «Бандит!», «Изменник!», «Предатель!». История не знает большей беды для народа, чем быть без родины, без родной земли, которая является бесконечным источником силы и вдохновения. «Родина, – писал А. Толстой, – это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою ду-

ховную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле»[58].

В 1983 году, обращаясь к своему народу, я писал: «Сегодня мы живем на чужбине и боремся за возвращение на родину. Родина – это райский край, это самая лучшая страна на земле. Одна зима на родине лучше ста весен на чужбине. Желание вернуться на родину, как мечта, живет в наших сердцах. На пути к ее осуществлению мы сталкиваемся с трудностями, иногда падаем, но не отступаем, в отличие от тех неустойчивых людей, которые, куда ветер дует, туда и поворачиваются. Нам предстоит пройти много трудностей, как тому герою, который надев «железные лапти», преодолевает горы и ущелья, подъемы и спуски, претерпевает тысячу мучений и достигает своей цели.

Наша борьба справедлива. Сила народа в справедливости. Она является фундаментом государства. Несправедливость расшатывает государство. Нельзя строить свое счастье и благополучие на чужом несчастье. Нет ни одного человека, который не любил бы свободу, но справедливый человек желает ее для всех, а несправедливый лишь для себя одного. Но увидеть несправедливость, беззаконие – этого мало, надо бороться против них, и в то же время сеять добро, жить добром. Истинно добрый человек – сильный, он никогда не отвернется от правды и справедливости и будет до конца бороться за них.

Мы уверены, что рано или поздно злые, несправедливые люди потерпят поражение, они разоблачат себя в глазах народа Грузии, который поймет, что они ведут политику, враждебную его интересам.

Мы, месхи, не должны позорить имен своих славных предков. Мы не цыгане, и никогда не сможем смириться с тем положением, что вынуждены скитаться, не имея возможности вернуться в свой родной край.

Сегодня перед нами две дороги: первая для тех, кто чист

[58] "Мысли и афоризмы», Баку, 1962, с. 93.

сердцем и болеет душой за свой многострадальный народ, – это самоотверженная борьба за возвращение в родную Месхети и восстановление отнятых у нас национальных прав, как составной части грузинского народа; и вторая: потерять национальное чувство и гордость, согласиться с нашей ассимиляцией среди других народов и бесславно исчезнуть из истории, не сумев отстоять себя.

Все, кому дороги родина и свой народ, выберут первую дорогу.

Братья и соотечественники! Я обращаюсь к вам, месхи-мусульмане, оторванные в силу исторической несправедливости от своей родины!

В течение многих лет мы ведем борьбу за возвращение на родину, чтобы воссоединиться с родным народом, от которого были незаконно отторгнуты 15 ноября 1944 года.

Пусть никогда не будет забыто, что во время высылки погибло 17 тысяч человек.

Наш народ, частично утративший под игом турецких султанов и русских царей родной грузинский язык, национальность и фамилии, в советское время в результате высылки постепенно утрачивает все это окончательно.

Если до высылки 35-40 процентов месхов носили грузинские фамилии, ныне их носят лишь 5 процентов.

Каждый должен твердо знать: кто теряет родину, тот теряет все.

Грузинский народ должен знать свою трагическую историю: исторически органическая часть его – месхи-мусульмане – при высылке были обмануты. Нам сказали, что высылка является временной мерой, вызванной чрезвычайными обстоятельствами, но на деле она длится до сих пор.

В Грузии имеют право жить и трудиться представители всех национальностей, на словах и нам не отказывают в этом, но на деле путь на родину нам закрыт: мы живем в Узбекистане, в Казахстане, в Киргизии, в Азербайджане и на Северном Кавказе – только не на своей земле!

Мы должны сделать все, чтобы обрести родину.

Только на родине наши дети смогут окончательно осознать, что в их жилах течет грузинская кровь, что они – не без роду и племени и что у них есть родная земля, на которой испокон веков жили их предки.

Мы и дети наши должны служить своей родине – Грузии.

Некогда цветущие террасы, созданные и взлелеянные руками наших трудолюбивых предков, ныне обезлюдевшие и разоренные – это позор современной Грузии.

Наше поколение обязано совместной борьбой смыть этот позор, восстановить единство грузинского народа и тем самым восстановить историческую справедливость.

Все эти годы мы не прекращали борьбы за то, чтобы наконец-то восторжествовала справедливость и мы были бы признаны составной частью грузинского народа.

В 1987 году при посредничестве руководителей Кабардино-Балкарии мы четыре раза были на приеме у руководителей партии и правительства Грузии. Чтобы успокоить народ, на последнем приеме 7 сентября 1987 года первый секретарь ЦК Компартии Грузии Джумбер Ильич Патиашвили согласился принять нас на родине, и было принято постановление Совета Министров Грузинской ССР № 600 от 8 декабря 1987 года. На основании этого постановления было принято решение в 1987-1988 годах принять в Грузию 300 семей месхов, из них 100 – на родной земле Месхети. Таково было решение на бумаге. А на деле реакционные силы стали искать в Грузии любой повод, чтобы не осуществить этого решения, чтобы подорвать среди грузинского народа авторитет месхов грузинской ориентации и той передовой интеллигенции, которая выступала в поддержку месхов-мусульман.

С этой целью был разработан и осуществлен провокационный и коварный план. Вначале ЦК Компартии Грузии пригласил нас – месхов – в Грузию для изучения вопросов переселения. Но на местах, хотя местные жители встречали нас вначале как братьев, руководителям районов было дано указание запретить нам ходить по деревням и изучать возможность нашего переселения в эти районы. Не добившись никакого объяс-

нения подобным действиям местных властей, мы вынуждены были уехать. Тогда в ЦК Компартии Грузии вызвали руководителей месхов турецкой ориентации Юсуфа Сарварова и его единомышленников. Им дали машины и направили их в Месхети, якобы для изучения вопросов переселения туда месхов. Когда они появились в деревнях Месхети, против них подняли народ, запугивая его «нашествием турок». Введенные в заблуждение и подогретые провокационными слухами, толпы местных жителей выгнали месхов из Месхети.

Тщательная «обработка мозгов» местного населения продолжалась, распространялись разные провокационные слухи, направленные против нас. А тем временем, в мае 1988 года Госкомтруда Грузинской ССР телеграммой пригласил нас, группу месхов грузинской ориентации, оформить документы и отправиться на постоянное местожительство в родную Месхети. Быстро собрались две семьи: семья Риджала Аскер оглы, высланная из села Вале Ахалцихского района, и Алихана Искандерова из села Абастумани Адигенского района, которые срочно выехали в Месхети со всем скарбом и домашними вещами.

Местные жители Месхети, настроенные провокаторами против нашего переселения, встретили их более чем враждебно. Вооружившись камнями и дубинками, во главе с председателями сельсоветов, они стали гнать месхов с родной земли, и, проклиная нас, кричали: «Это земля грузинская! Не хотим жить вместе с турками! Вон с нашей земли!» Оскорбленные и униженные, месхи вынуждены были покинуть Грузию, в который уже раз они незаконно были выдворены со своей земли!

А 24 июня 1988 года нами была получена правительственная телеграмма, в которой говорилось: «Переселение в Месхети временно прекращено, о возобновлении сообщим дополнительно». И подпись: зам. председателя Госкомтруда Грузинской ССР Чихладзе». Таким образом, очередная провокация достигла своей цели.

И каким же фарисейством выглядел тот факт, что в тот же день, 24 июня 1988 года, Совет Министров Грузинской ССР

принял новое постановление № 293 «О возможности переселения в Грузинскую ССР семей месхов из других союзных республик». Но для действительного проявления заботы страны о своих несчастных детях нужны отцовская поддержка, материнская ласка, а не большая дубина, которой размахивали власти Грузии в течение 50 лет. И подобным образом этот вопрос решался до последнего времени. При «сталинизме» наш народ был ввергнут в пучину бедствий и страданий. Но не принесли спокойствия и мира нашему народу ни эпоха Хрущева, ни эпоха Брежнева. Как при Сталине, так и при Хрущеве и Брежневе, а в Грузии при первых секретарях ЦК Компартии Грузии В. Мжаванадзе, Э. Шеварднадзе, Д. Патиашвили и Г. Гумбаридзе, к месхам-мусульманам относились с равнодушием и опаской, всячески замалчивали вопрос о нашем бесправном положении и бесповоротно запрещали нам вернуться на свою родину, от которой мы были несправедливо отторгнуты. Хотя в то же время не переставали звучать лозунги о том, что наша страна самая справедливая в мире.

Характеризуя этот период в жизни страны всемирно известный писатель Чингиз Айтматов писал: «Ведь сколько времени ушло, как мы состязались в провозглашении пламенных лозунгов, убеждали весь мир, и в первую очередь самих себя, что у нас-де в стране лучше, мы идем от победы к победе. Увы, результат известен. В стране тяжелые последствия застоя... То, что человек не выбрал сам в согласии со своими убеждениями, то, что он вынужден делать по принуждению, остается для него вечно чуждым делом. Отсюда разлад...

Застой – не просто болезненное состояние общества. Это еще разлагающая болезнь, зародившаяся из самообмана... Как наркотик, она создает иллюзию благополучия там, где налицо угроза падения. А с наркотиком расстаться мучительно. Многим людям, выросшим в годы наркозастоя, просто легче жить в обмане, чем вступить на путь реальной борьбы за выход из кризиса... Как показывает опыт мировой истории, диктатура только на время может установить жестокий порядок и омертвить тем самым будущее.

Демократия – это дети в семье с их заботами, дерзостью, конфликтами и открытиями.

Диктатура – это бесплодные истории, это репрессии»[59].

Чтобы решить вопрос месхов-мусульман, нашему обществу нужна была победа демократии. Для решения месхского вопроса нужно было, чтобы честные люди доброй воли с обеих сторон сели за стол переговоров и на основе равноправия решали судьбу выселенного народа. А не так, как было до сих пор – когда одни, как победители диктовали свои условия другим, как побежденным, зависимым, бесправным людям. Начиная с 15 ноября 1944 года, по сей день судьба нашего народа решалась без нас, по усмотрению Москвы и Тбилиси, подобно тому, как древние римляне решали судьбу своих рабов. И, как бесправные рабы, мы занимались каторжным трудом на хлопковых плантациях Средней Азии и Казахстана. И как жили мы, бесправные, в период сталинской диктатуры и брежневского застоя, так и живем по сей день в изгнании, изломанные судьбой, с расшатанными нервами, обиженные на весь мир, оскорбленные и униженные более всех народов бывшего Советского Союза. Наша многолетняя борьба постоянно наталкивалась на железобетонную стену равнодушия и недоверия как со стороны Москвы, так и Тбилиси. За все время борьбы нам так и не удалось вернуть нашему народу честное имя, мы как в Советском Союзе, так и после его распада остаемся оклеветанными, запятнанными несуществующей виной. Все эти годы Нас преследовала ложь, что мы турки – оккупанты на грузинской земле, выдуманная партийными чиновниками для того, чтобы выслать наш народ и не дать ему возможности когда-либо вернуться обратно.

Настали новые времена, они принесли новые надежды... Но до того времени, когда эта справедливость в конце концов восторжествует, было еще очень далеко.

Еще в 1986 году между членами ВОКО произошел раскол. 16 февраля в селении Нартан Чегемского района КБАССР группа месхов протурецкой ориентации во главе с Юсуфом Сарваровым-Дидебулидзе созвала народное заседание, на котором была подвергнута суровой критике деятельность Э. Ода-

[59] Газ. «Правда» от 2 апреля 1989 года.

башева, и он был отстранен от руководства ВОКО. Председателем этой организации был избран малограмотный Абузар Сафаров, участник финской, отечественной и японской войн, имевший двадцать две правительственные награды. Через год, 16 февраля 1987 года, он был переизбран и его место занял Юсуф Сарваров. Тогда же ВОКО был переименован в ВОК (Временный организационный Комитет), но главная идея этого общества осталась прежней: «Мы являемся турками, нас выслали как турок, и мы должны вернуться на родину как турки!»

Тот факт, что наша борьба за возвращение на родину постоянно терпела поражение, что реакционные силы в Грузии неизменно делали все, чтобы помешать нам поселиться на своей исторической родине и выселяли каждый раз тех людей, которые поселялись в Грузии, постепенно привело к тому, что наша позиция в какое-то время начала терять авторитет среди месхов-мусульман, которые просто потеряли надежду, что наше дело когда-нибудь сдвинется с мертвой точки. Воспользовавшись этим временным спадом в нашей борьбе, враждебно настроенные к нам месхи протурецкой ориентации, воодушевляемые Ю. Сарваровым, дважды – 7 августа и 9 октября 1988 года обманным путем ночью увезли меня из дома в лес, где начали судить, как врага народа, подвергая насилию и унижениям. Невежество и зло затмило разум этим людям. Каждый человек имеет право относить себя к той или иной национальности, но никто не имеет права фальсифицировать историю целого народа, фальсифицировать историю месхов-мусульман, обманывать народ, устраивать самосуды, терроризировать человека за его убеждения.

Ни угрозы убить меня, ни эти самосуды не поколебали моей уверенности в справедливости той борьбы, которую я веду вот уже 50 лет, в моей твердой уверенности в победе добра над злом! Но до этой победы было еще очень далеко. Впереди нас ждали новые испытания, новые страдания и поражения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ВАНДАЛИЗМ В ФЕРГАНЕ
(Краткий документальный очерк)

Фергана – боль моего многострадального народа. Ферганская трагедия, словно серпом, прошлась по сердцу каждого. Прошло время, и сегодня по-новому осмысливаются эти трагические события июня 1989 года. Депортированные в 1944 году месхи-мусульмане, как рабы, осваивали в Средней Азии новые земли, обрабатывали хлопковые и рисовые плантации. Руководители нового, «демократического» времени повторили ту же депортацию из Ферганы, но уже в кровавом варианте, и переселили месхов в Российскую Федерацию для освоения пустующих и заброшенных земель в России.

Месхи-мусульмане – один из самых незащищенных народов мира, мы – рабы XX века. Некому было заступиться за наш трудолюбивый народ, именно поэтому так по-зверски начали истреблять наших людей в Ферганской долине...

Но все по-порядку. С чего начался вандализм? Проследим за событиями по страницам прессы того времени, подробно освещавшей эту трагедию. При этом следует учитывать, что во всех случаях, когда пишут «турки» или «турки-месхетинцы» следует читать «месхи – грузины-мусульмане»! Вопреки всем опровержениям месхов, это абсурдное название нашего народа повсеместно распространялось всеми средствами массовой информации, выполняющими определенное задание властей – внедрить в сознание людей, что мы не грузины, а именно турки! Так создавался образ врага. «Турки» звучало как пугало, и с этим народом разрешалось делать все, что угодно...

Вначале поговорим об истоках трагедии.

О том, что в Узбекистане не все благополучно в межнациональных отношениях, знали и местные партийные органы, и центральные. Знали и то, что на межнациональных отношениях сказывалась нерешенность многих социально-экономических вопросов.

Многие ученые-социологи признали, что главной причиной событий в Фергане явился низкий уровень жизни населения (особенно коренного), растущая безработица среди молодежи. Под лозунгами подъема национального самосознания в Фергане была предпринята попытка разжечь национализм, сыграв на реальных трудностях, переживаемых республикой, находящейся на грани социально-экономического кризиса. Причины этого кризиса крылись в диспропорции в развитии сырьевых и перерабатывающих отраслей, массовой безработице, которую называли «избыточными трудовыми ресурсами», крайней отсталости социальной сферы. И все это на фоне роста рождаемости. За последнее десятилетие до 1989 года население Узбекистана выросло на 7 млн. человек, и в каждой четвертой семье (а в селах – в каждой третьей) было по пять и более детей моложе 18 лет. Доля иждивенцев в республике составляла 40 процентов от общей численности населения.

Свою роль сыграла и проблема монокультуры хлопка. К примеру, в Ташлакском районе, где события приняли особый накал, доля хлопка достигала 90 процентов. Низкие цены на хлопок при значительных затратах физического труда, как и низкие заработки, исподволь развивали чувство социальной неудовлетворенности. Число безработных в Ферганской долине за год увеличивалось на 22,5 тысяч человек.

Новая «перестроечная» политика обнажила язвы, тщательно скрываемые долгие годы, сложнейший клубок проблем, складывающийся годами, непомерную роскошь одних и отчаянную нищету других, жажду легкой наживы и ненаказуемость за большие злодеяния, что сыграло решающую роль в развитии массового бандитизма. Именно в Ферганской долине десятки тысяч молодых людей не могли устроиться на работу, не имели нормального жилья. В долине была самая высокая плотность населения на квадратный километр. Большая детская смертность, а также повышенная инфекционная заболеваемость жителей. Потребление мяса здесь было в 2 раза ниже, чем по всему Узбекистану (а республика была на одном из последних мест в стране). В погоне за валовыми показателями по хлопку

такой благодатный край не мог обеспечить себя даже овощами и фруктами. Загрязнялась промышленными отходами окружающая среда – и воздух, и почва, и вода.

Именно это проблемы рассматривались вначале на митингах, проводившихся по всему Узбекистану. Доведенный до отчаяния народ включился в массовое движение, выступающее за безотлагательное решение накопившихся социальных проблем. Но затем это движение, подогреваемое националистической пропагандой, переросло в разгул бесчинствующей толпы; был создан образ врага в лице «пришельцев» – людей некоренной национальности Узбекистана, на которых была возложена вся вина за беды узбекского народа.

Ферганские события были вызваны и политическими причинами – борьбой за первенство между различными группировками. Под видом борьбы с «пришельцами» шла борьба за власть. Вели эту борьбу те, кто утратил официальную власть или чувствовали, что ее утратят, т.е. главари теневой экономики. Причинами событий были также решительная борьба с последствиями коррупции, неистребимым взяточничеством, разложением кадров, приписками, деформациями в экономике и культуре, которые происходили в условиях сложных, порой противоречивых, в постоянном преодолении стереотипов старого мышления в общественном сознании, складывающихся десятилетиями и веками феодальных структур, которые не исчезли, а приняли более уродливые формы в рамках административно-командной системы.

Во время событий в Фергане у всех на устах было имя генерал-майора милиции, заместителя министра внутренних дел Узбекистана Эдуарда Дидоренко, который, опираясь на множество конкретных фактов, еще задолго до ферганских событий предупреждал: общественно-политическая жизнь Узбекистана во многом находится под контролем реакционных сил, которые отнюдь не утратили свое былое могущество, а лишь затаились, выжидая удобного момента для удара в спину начавшимся в республике демократическим процессам, своему народу.

По его словам, для этих сил скомпрометировать принципиальных и честных людей, пришедших во время «перестройки» на смену большинству бывших руководителей на больших ключевых постах – значит показать их несостоятельность, вызвать у людей ностальгию по прошлому... Для этой цели, предупреждал он, идет активное разжигание нездоровых националистических амбиций, используется ряд весьма специфических узбекских неформальных объединений ярко выраженного националистического толка. Для этого осуществляется дальнейшая более тесная смычка и без того коррумпированных кругов власть имущих (независимо от того, идет речь о бывших руководителях, некоторых представителях интеллигенции или же о тех, кто всегда предпочитал оставаться в тени, сосредоточив в своих руках множество нитей управления) с организованными уголовниками. Для этого, доказывал Дидоренко, «тени прошлого» пойдут на все...

Он предупреждал: в Узбекистане действует широко разветвленный штаб противников демократических преобразований – или как тогда говорили все – «перестройки». С 1985 года органы внутренних дел республики обезвредили множество организованных преступных групп, вооруженных формирований и банд, общую численность которых, по его словам, можно сопоставить только с развернутым крупным воинским соединением. А если говорить более конкретно, Э. Дидоренко и его товарищами за пять лет работы было разоблачено 20 бандитских формирований, выявлено и обезврежено 7 тысяч преступных групп, которые совершили более 14 тысяч преступлений. У бандитов было изъято 300 единиц оружия, 500 килограммов наркотиков, около 100 автомашин, а также денег и ценностей на сумму свыше 15 миллионов рублей... И глупо было бы предполагать, что после удара по коррумпированным кругам и мафии последние не предпримут ответных шагов. И эти шаги были сделаны, о чем свидетельствуют события в Фергане.

Предупреждения Дидоренко долго оставляли без внимания. В феврале 1989 года он дал интервью журналу «Человек и закон» и «Ташкентской правде», в которых сформулировал свои

выводы о положении в республике и предупреждения.

Дидоренко заметил, что на смену «привычному» противодействию следственным органам, угрозам и шантажу пришла сладкая «прорашидовская» демагогия, заигрывание с населением по поводу национального вопроса. Узбекской общественности келейно и печатно внушалась мысль, что во всем виновны «пришельцы», направленные в республику для наведения порядка. В своем интервью «Ташкентской правде» 23 февраля 1989 года он сказал: «По дороге беды ведут те, кто обостряет национальные отношения. Все настойчивее звучат заявления о том, что Узбекистан быстрее справится со своими проблемами, если приезжее русскоязычное население покинет его пределы. Некоторые маститые ученые преследуют цель отвлечь внимание общественности от разоблачительных процессов, негативных явлений прошлого и сегодняшнего дня, попытаться в какой-то мере обелить, если не реабилитировать Рашидова и его последователей. Сейчас многие стараются состричь купоны с весьма чувствительного национального вопроса. Каждая неформальная группировка хочет поставить под свои знамена не только максимум сочувствующих, но и присоединить уже сформировавшиеся в своем мировоззрении антисоциальные элементы, располагающие широкими связями в различных слоях общества».

На этот раз власти не оставили его слова без внимания. Через день после этого интервью – 25 февраля газета «Правда Востока» напечатала анонимный ответ, придав ему видимость редакционной статьи. Газета выразила возмущение: «Откуда такая уверенность? Или теперь в работе МВД главное – будоражить людей?..» Статью перепечатали некоторые местные газеты. На бюро ЦК Компартии Узбекистана Э. Дидоренко намекнули, чтобы он воздерживался от «написания статей с политической оценкой межнациональной ситуации в республике».

Под предлогом, что интервью, якобы, «шельмует национальные кадры», размножается в самиздате, ему предложили вернуться в Ворошиловград. Дидоренко стал «персоной нон

грата», вокруг него образовался политический вакуум. Но тут грянули события в Ферганской долине, и Дидоренко назначили начальником объединенного оперативного штаба по расследованию преступлений.

Кроме Дидоренко комплекс проблем, накопившихся за годы застоя и обладавших взрывоопасным потенциалом, выявила и группа ученых-социологов республики на основе изучения напряженной обстановки в Узбекистане, в соответствии с чем были составлены прогнозы и соответствующие предложения для партийных и советских работников республики. Но и они не были приняты во внимание.

Позже, после происшедших трагических событий, все увидели, что в выводах и предупреждениях Э. Дидоренко и ученых-социологов были прямо-таки пророчества, которые, к сожалению, сбылись. Э. Дидоренко, который в те трудные для всего Узбекистана дни безотлучно находился в Фергане, фактически руководя деятельностью органов внутренних дел республики по тушению того пожара, который сам же и призывал предотвратить, сказал в одном из своих интервью:

«Суть происходящих в республике процессов кем-то длительное время умышленно и тщательно сглаживалась. Националистические устремления ряда возникших в Узбекистане неформальных группировок отчетливо проявились в уродливой и страшной форме, выплеснувшись кровью на улицы городов и кишлаков Ферганской долины, закономерно обернувшись многочисленными человеческими жертвами, людским горем и страданием.

Налицо заранее спланированная режиссура политического характера с далеко идущими целями, для достижения которых использован весь арсенал средств средневекового варварства и вандализма».

Таким образом, было доказано, что в Узбекистане действовал широко разветвленный теневой штаб противников перестройки. Не случайно на территории республики до ферганских событий было зафиксировано до десяти межрегиональных сходок «воров в законе» с участием общесоюзных уго-

ловных «авторитетов». Для проведения акции в Фергане нужны были солидные денежные средства. И у их организаторов они были.

Становися ясно, что происшедшие в Ферганской области трагические события явились давно тщательно и умело запланированной широкомасштабной политической акцией. Какие же события предшествовали трагедии? Что пугало Э. Дидоренко и не его одного?

Вот хроника некоторых событий, составленная на материалах, предоставленных журналу «Огонек» Министерством внутренних дел Узбекистана («Огонек», 1989, № 29) и других.

22 октября 1988 года в Коканде был арестован некто Исмаилов, расклеивавший в городе листовки с призывами к борьбе с властью и созданию мусульманского государства.

В 1988 году в Маргелане среди населения собирали подписку об участии в будущих беспорядках, а в декабре записавшихся оповестили, что скоро будет дан сигнал.

4 декабря 1988 года. Многотысячный митинг в массиве Тансыкбаева в Ташкенте. На транспарантах лозунги: «Русские, уезжайте в свою Россию, а крымские татары сами уберутся в Крым»!

Конец декабря. Активизируется реакционное движение мусульман «ваххабитов» в Ферганской долине. Программа: очищение ислама, ограничение прав женщин, создание исламской армии... В городах Намангане и Учкургане проводятся многочисленные сборища панисламского направления.

14 декабря. В Андижане изъяты листовки на узбекском языке со следующим призывом: «Внимание, дорогие друзья! Если вы являетесь истинными сынами узбекского народа, не уступайте русскому народу... Они забыли, что в тяжелые годы приехали без штанов. Этому свидетели все узбеки. В Узбекистане нет им места. Давайте сплачиваться и объединяться!»

В начале 1989 года в Коканде проходили религиозные собрания. Делегаты из всех городов Ферганской области, Андижанской, Наманганской и других областей призывали к объединению мусульман, образованию мусульманского государства.

18 февраля 1989 года. В Куйбышевском районе г. Ташкента группа молодых рабочих-узбеков, около 100 человек, вооруженная палками, обрезками труб и камнями, попыталась учинить расправу над лицами неузбекского происхождения. Попытку удалось пресечь силами милиции.

23 февраля. В Ташкенте возле завода «Ташсельмаш» более сотни узбеков блокировали движение трамвая, принудили выйти наружу 20 пассажиров, избили их, выкрикивая: «Русских зарежем! Русские в Узбекистане всем надоели, их нужно вешать на фонарных столбах!»

16 апреля в Маргелане, на доме по улице Кирова, 78, появилась надпись масляной краской: «Узбекистан для узбеков»!..»

22 апреля. Драка между студентами коренной национальности и иностранными студентами, обучающимися в СССР, возле общежитий № 84 и 85 Ташкентского вузгородка, в которой приняли участие более 1000 человек. Есть раненые с обеих сторон, причинен значительный материальный ущерб.

Постепенно к маю призывы выгнать из Узбекистана русских заменились призывами изгнать «турок-месхетинцев». Далее мы укажем, почему это произошло.

Властями, несмотря на все эти события, не было сделано никаких выводов. И вот наступил май.

22-24 мая. Столкновения между узбеками и турками-месхетинцами в г. Кувасае Ферганской области.

Многие связывали случившийся разгул беззакония в Фергане с событиями в городе Кувасае. Что же там произошло?

«23 мая в городе состоялся митинг. Несмотря на то, что он был несанкционированный, его проведению власти не препятствовали. В выступлениях некоторых ораторов звучали провокационные призывы выгнать «пришельцев» – турок-месхетинцев, которые, дескать, ведут себя недопустимо нагло. Мы, мол, на нашей земле работы не имеем, а они заняли везде ключевые позиции.

На следующий день на площади снова собрались люди. Они уже четко разделились на две группы. Переговорив с делегатами той и другой стороны, сотрудники милиции, казалось, убедили людей разойтись. Вдруг толпа, возбужденная подстрекателями, накинулась на турок, забрасывая их камнями. Те ответили тем же. К сожалению, в столкновении погиб молодой парень, таджик. Прокуратура возбудила уголовное дело, а мы, с помощью основательного подкрепления, следили за порядком всю следующую неделю», – рассказывают участники событий: майор милиции А. Ашуров – заместитель начальника Кувасайского ГОВД, капитан Ф. Мазитов.

«Жители области кувасайские события описывали иначе. По их словам выходило так: вооруженные до зубов турки издевались над аксакалами, насиловали девушек-узбечек, уродовали детей. То же самое они готовятся, дескать, совершить и в других местах.

Мы пытались убедить их, что это ложь!.. Нам не верили, говоря, что многие из них своими глазами видели фотографию растерзанного ребенка.

Провокация «черных людей», преднамеренно превративших массовую драку в произвол «банды-турок», удалась. Люди им поверили.

А чему другому, собственно, они должны были верить, если живых и здоровых детишек, студенток, якобы пострадавших от турок, показали по телевидению только через 20 дней после кувасайской драки. То есть тогда, когда дикая волна насилия прокатилась уже практически по всей Ферганской области! Все это время в поселках, кишлаках, городах бродили самые невероятные слухи, и все о зверствах турок. Но официально, обстоятельно и убедительно их не опровергали» (журн. «Советская милиция», 1989, № 9, с. 6-10).

Уже тогда следовало принимать решительные меры, а в это время Р. Нишанов на съезде в Москве говорил о бытовой ссоре, начавшейся с «тарелки клубники, опрокинутой на рынке...»

Также «дракой на бытовой почве» объясняет события в Кувасае и прокурор Ферганской области А. Атаджанов (газ. «Правда», 20 июня 1989 года):

«Как установлено следствием, 16 мая в одной из пивных города подрались двое молодых людей на бытовой почве. Подчеркиваю: ни тот, ни другой не были ни турком-месхетинцем, ни узбеком по национальности. Через несколько дней они учинили групповую драку, в которой, к несчастью, участвовали и турки-месхетинцы, и узбеки. 23 мая собралось уже по 150 человек с каждой стороны. Я приехал к месту сборища с группой работников прокуратуры. Сотрудники милиции драки не допустили, уговорили собравшихся мирно разойтись. На следующее утро собрали представителей конфликтующих сторон и их даже помирили. Но случай стал обрастать невероятными слухами и «подробностями». 24 мая вечером началась групповая драка, в результате которой 63 человека получили телесные травмы, один скончался в больнице (таджик по национальности). На этом история вроде бы закончилась. Прокуратура возбудила уголовное дело, двое участников драки были арестованы, 13 – привлечены к административной ответственности».

Но и А. Атаджанов признает: «А тем временем росли ничем не обоснованные слухи. Чтобы обострить обстановку, в ход пошла наглая ложь. Под чью-то диктовку разжигался националистический пыл...»

Может быть, все перечисленные факты не складывались властями в систему, а может быть специально игнорировались?.. Ведь по логике вещей уже в конце мая нужно было всю область, все органы власти поднять на ноги. Но и тогда не была поднята тревога.

Позже, при анализе событий в Фергане, журналистами было взято интервью у С. Бурханова, начальника Ферганского облуправления внутренних дел, генерал-майора милиции:

«Ворос: После событий в Кувасае вы запрашивали какую-либо помощь?

Ответ: Я говорил, что момент критический, нужна помощь...

Вопрос: К кому конкретно вы обращались?

Ответ: К министру внутренних дел Узбекистана. На другой день прилетел его заместитель, который курирует Ферганскую зону.

Вопрос: С 23 мая было достаточно времени, чтобы позаботиться о подкреплении. Почему этого не было сделано?

Ответ: Потому что этот вопрос не сам я решаю. МВД республики было в курсе. МВД Союза тоже было в курсе. Они знали, какими силами мы располагаем...» (и т.д.).

Раз все знали и ничего не предприняли, стало быть, решили спокойно смотреть, как мятежники будут уничтожать турок-месхетинцев?!» («Огонек», 1989, № 9).

27 мая в «Ферганской правде» появилась заметка «Что случилось в Кувасае»? Межнациональный конфликт был представлен как «хулиганские действия». Шла явная, если не умышленная недооценка происходивших событий. Ведь скоро пришлось противостоять не рядовым хулиганам, а организованной, хорошо вооруженной толпе.

Приведенный, далеко не полный перечень фактов свидетельствует, что со второй половины 1988 года в республике стали преобладать националистические элементы, все чаще выдвигался лозунг «Узбекистан – для узбеков!», который нашел широкий отклик среди различных групп населения, особенно молодежи, интеллигенции, лелеявших мечту о создании «мусульманской республики», и коррумпированных кругов бюрократии. Они-то, по всей видимости, и представляли собой тот разветвленный «теневой штаб противников перестройки», о которых говорил Э. Дидоренко.

Возникшие в годы перестройки неформальные объединения «Узбекистан» и «Бирлик» вели активную пропаганду среди верующих, молодежи, студентов, рабочих и крестьян. Среди других проблем выдвигались и обвинения в адрес всех лиц некоренной национальности, которые якобы «сидят на шее» у бедных узбекских крестьян. Отсюда возникали лозунги убраться «неузбекам» (а если не уберутся – устроить локальную резню), чтобы уж затем спокойно, своим миром решать будущее Узбекистана... Распространялись лозунги: «Избавиться от мусора», «Душим турок, душим русских», «Да здравствует исламское знамя».

«Как известно, националистическая идея несет в себе

мощную энергию. Ни одна другая сила не способна сконцентрировать вокруг себя столь разных людей, особенно если они консолидируются по признаку одной религии. Ни одна другая сила не в состоянии столь эффективно воздействовать на сознание даже малокультурных, малообразованных людей одной национальности, если им показали «образ врага», а также путь, по которому (пусть и через трупы!) нация сможет достичь сияющих вершин всеобщего достатка и благоденствия!» – пишет Анатолий Головков в статье «Затмение» («Огонек», № 29 за 1989 год).

Всего лишь на пятый день после первых столкновений в Кувасае, в Ташкенте в Доме литераторов одна узбекская поэтесса призывала «не приглашать руководящие кадры извне». Определенная часть интеллигенции, спекулируя на истинной народной боли и клянясь народу в «единстве», призывала его консолидироваться по этническому признаку, беря на себя право устрашать слушателей образом врага. Такая обработка не прошла даром. Благодаря ей массовое сознание узбеков постепенно стало ориентироваться на национальный изоляционизм.

Национализм – болезнь исключительно живучая. Стремление к экономической автаркии, духовной самоизоляции, национальное чванство, региональный эгоизм, нетерпимость – шаг в прошлое.

Идейные вдохновители националистических погромов призывали к созданию «панисламского государства», и с этой целью им требовался прочный союз всех мусульман.

«В конце 1988 и начале 1989 года, – пишет А. Головков, – «эмиссары» из Ташкента встречались с лидерами Комитета по возвращению турок-месхетинцев на родину: «Вы мусульмане и мы тоже, – горячо убеждали они турок. – Объединимся же ради священной идеи»! Турки, посоветовавшись со своими аксакалами, отказались от «союза». Вот тогда им и намекнули на возможную расправу, дав время на размышление».

Рассказывает Фикри Шукуров, являвшийся до 1989 года председателем областной секции временного организационного Комитета месхов-мусульман («Красная Звезда» от 21 июня 1989 года):

– Осенью прошлого (1988) года я собирался ехать из Ферганы в Самарканд на собрание месхов. Решил нанять частника и договорился об этом в Ташкенте с Ахиповым, узбеком по-национальности. Днем меня встретила председатель Кувасайского горкома Ахмедова и предупредила, что скоро должны приехать турецкие писатели и будет встреча с ними вечером. Я приехал к Ахипову. Мы долго пили чай, а когда я спросил насчет машины, хозяин дома ответил, что водитель скоро придет. Но вместо него пришел наш месх и с ним узбек, который назвался Алимжаном, журналистом из Ташкента. Они принесли афиши и билеты.

Алимжан сказал, что в воскресенье на стадионе цемкомбината состоится встреча с турецкими писателями. Я сразу обратил внимание, что на афише названы узбекские писатели, но на турецкий лад. Алимжан предупредил, что билеты надо распределить только среди месхов. «А почему не официальным путем? – поинтересовался я. – И знают ли об этой встрече советские и партийные руководители города»? «Мы не скажем об этом», – усмехнулся в ответ Алимжан. Тогда я спросил о цели этой встречи. «Мы будем сеять семена, – Алимжан сделал жест рукой, будто ломает палку, – уберем отсюда лишних». «И нас тоже»? – уточнил я. «Нет, вы же мусульмане. Мы уберем русских, и так подчиняемся им уже 70 лет, сами станем хозяевами».

Я понял, что дело пахнет провокацией и отказался взять афиши и билеты. Ночью собрал членов нашего комитета, рассказал им об этом разговоре и предупредил, чтобы не впутывались в темное дело. Об этом же я вел речь и в Самарканде на собрании. Сказал, что нас пытаются втянуть в грязную историю».

Аналогичная встреча с человеком, назвавшим себя Алимжаном, состоялась и у Радихана Исмаилова, пользующегося авторитетом в месхской общине. Исмаилов также отказался участвовать в этом сговоре. Уместно отметить и то, что такая же беседа состоялась с директором средней школы хасановым Варскнелидзе Ясином, проживавшим в райцентре Иш-

тиханского района Самаркандской области. Он тоже отказался.

Первый секретарь Ферганского обкома Компартии Узбекистана Ш. Юлдашев также «вспомнил»: несколько старых большевиков из города Маргелана, оказавшегося потом в эпицентре событий, в 1988 году сообщими ему (устно и письменно), что к ним в город приезжали неизвестные из Андижана, которые собирали себе единомышленников для восстания, одновременно планировавшегося в Андижане, Намангане и Маргелане.

В связи с этим корреспондент газеты «Красная Звезда» подполковник В. Астафьев, стремясь выявить причины трагедии в Фергане, обратился к зам. министра внутренних дел Узбекистана Э. Дидоренко со следующим вопросом:

«Не потому ли, что турки-месхетинцы отказались войти в предлагаемый им сговор, на них обрушился гнев тех коррумпированных кругов, которые стоят за ширмой событий? Не по этой ли причине они бросили своих отравленных ядом наркотиков и алкоголя марионеток на турок-месхетинцев? Раздавить, уничтожить, заставить убраться отсюда непокорных, показать свою силу, запугать остальных, кого прочат себе в союзники, – не это ли цель организаторов погрома? Не здесь ли надо искать истинные причины трагедии турок-месхетинцев?..»

Э. Дидоренко был с этим согласен: «... Наиболее уважаемые члены временного организационного Комитета турок-месхетинцев указали на дверь непрошенным доброхотам, решительно отказавшись вступать с ними в блоки и сеять семена национальной розни... Подобное непослушание пришлось не по душе организаторам сомнительного предприятия... Поэтому неслучайно уже в первых числах мая с. г. возникает инцидент, казалось бы, локального характера в Акдарьинском районе Самаркандской и др. областях между месхетинцами и коренным населением. Затем качественно расширенный в Кувасае и, наконец, печально известный финал...»

Таким образом, если вначале узбекские националисты видели в месхах – своих единоверцах – потенциальных союзников в борьбе за панисламское государство против других, немусульманских наций и, в первую очередь, против русских, то после отказа месхов объединиться с ними в единый союз и вести совместную борьбу, именно они стали главной мишенью, главным «врагом», против которого была направлена вся мощь националистической нетерпимости, вражды и ненависти. К тому же, месхи были самым незащищенным народом в стране, что еще более вдохновляло погромщиков, чувствовавших свою полную безнаказанность.

Месхи с чаяниями и мечтами, длиной в сорок пять лет, вернуться на свою историческую родину, твердо стояли на своем и не вступили в союз с националистическими элементами Узбекистана. Они были уверены, что Советская власть, Советское государство защитит их, не ведая, что им уже вынесен приговор, что скоро начнутся бесчинства, по своему размаху приближающиеся к гражданской войне...

Но в последнее время месхи стали отлично понимать, что может произойти в ближайшие дни. Целыми делегациями навещали они райкомы и горкомы партии, умоляли едва ли не на коленях: сделайте же хоть что-нибудь, нас собираются убивать! Приносили найденные во дворе листовки. Приглашали в махаллю ("квартал", "*убани*" – ред.): посмотрите, мол, сами: на дверях висят разноцветные лоскуты, наши дома уже помечены для поджогов... Сначала их успокаивали и просили разойтись по домам. Когда поняли что дело худо, укрыли в зданиях райкомов и горкомов. Так было по всей области. Так было и в Ферганском обкоме партии. И никаких серьезных шагов. Ведь достаточно было одной телеграммы в Кремль, где шел Съезд народных депутатов... Но власти сидели и выжидали...

Выжидали, хотя тревожные сведения о готовящейся акции к ним поступали. И не только сведения, но и официальная проверенная информация. Говорит К. Баймурадов, заместитель начальника УКГБ по Ферганской области, подполковник госбезопасности:

«Мы заблаговременно поставили в известность партийные органы: и Ташлакский райком, и Маргеланский горком, и

Ферганский обком партии о готовящейся акции. Лично начальник УКГБ генерал-майор Лесков 2 июня (*обратите внимание на дату!* – Х.У.-Г.) на бюро обкома выразил тревогу. Он сказал, что завтра же могут начаться события, которые могут иметь непредсказуемые последствия. Мы, сказал Лесков, должны готовиться к этому всем миром. Всеми силами, которые уже подключены для этой цели» («Огонек», № 29, 1989 г.). Но, как далее выяснилось, это были только слова.

Уже оставалось мало времени до того, как произойдет ужасная трагедия, взорвется одна из «мин», заложенных в годы культа личности и не обезвреженных впоследствии. Тревога звенела, как натянутая струна.

Уже возникли группы, движимые стремлением «проучить» месхов, жаждой кровной мести. Распространялись провокационные слухи, что у общины месхов больше земли, чем у узбеков. Месхская молодежь завоевала, якобы, все места, связанные с проведением досуга, что месхи занимают значительные позиции в системе торгового обслуживания населения и нарушают социальную справедливость в распределении материальных благ, продуктов питания.

Кому-то выгодно было убеждать жителей коренной национальности в том, что турки, якобы, прибыли сюда, как в рай, на все готовое, захватили выгодные должности, руководящие посты... В действительности же...

«Краткая справка: Например, в г. Кувасае на девяти предприятиях до начала ферганских событий работало 7 тыс. человек. Из них 847 турок-месхетинцев. Среди руководящего состава из числа турок-месхетинцев нет ни одного. В системе здравоохранения из 132 врачей не было ни одного турка-месхетинца. В системе торговли и общественного питания на 1250 человек турок-месхетинцев было 181, из них ни одного, относящегося к руководству» («Красная Звезда» от 17 июня 1989 г.).

Многие узбеки признавали, что турки-месхетинцы – народ очень трудолюбивый, предприимчивый. И то обстоятельство, что они жили зачастую зажиточно, в основном объясняют этим. Они жили зажиточно за счет более высокой культуры земледения, за счет своего труда. Утром и днем – на колхозном поле, вечером допоздна на своем огороде. Получали по два урожая. Многие держали птицу, скот.

Националистические настроения против месхов разжигались искусственно, путем распространения слухов, фальшивых фотографий о «жестокостях», «преступлениях» турок-месхетинцев, вымыслов, которые выплескивались на страницы газет. Провокаторы пугали жителей всякими страхами, возбуждали в них ненависть к месхам.

«А в это время, – как пишет А. Головков в «Огоньке» (№ 29 за 1989 г.), – на предприятиях Ферганской области уже приступили к массовому производству оружия – остро заточенных пик из кусков арматуры, ножей, металлических трубок, заполненных свинцом и связанных цепочкой, самодельных бомб, гранат, удавок, обрезов... Уже начальники «не замечали», как их подчиненные, побрив головы (басмаческий признак гнева и мести), готовили поддельные номера для грузовиков, нагло сливали в канистры государственный бензин, чтобы начинять им по ночам бутылки с зажигательной смесью... Уже были нарезаны разноцветные лоскуты для обозначения домов, чтобы, не дай бог, не перепутать дом турка с узбекским... Уже были готовы списки всех турок-месхетинцев, проживавших в области. Разработан подробнейший план действий, составлены карты и схемы, настроены рации «радиолюбителей» для устойчивой связи между группами боевиков. Закуплены ящики водки, килограммы гашиша, намечены первые дома для поджогов».

Из рукописной листовки, распространенной накануне трагедии:

«Убивайте турок, иначе будете наказаны! Оказывайте помощь поджигателям! Юноши, собирайтесь, не будьте последней ногой у собаки! Если хоть один юноша останется дома, не будет действоваь, он может умереть под ударами камней! Аллах даст, сегодня загорится дом турка! Союз узбеков».

Как потом стало ясно, бесчинства и беспорядки были хо-

рошо организованы, чувствовалась умелая рука в их руководстве. Почерк действий везде был одинаков.

А тем временем распространялись провокационные слухи против месхов, ложь и клевета. Говорили будто «турки» вырезали целый детский сад и тому подобные небылицы. Слухи ширились и обрастали все новыми подробностями.

И вот наступило 3 июня. Из сводки МВД: «В 11.00. в г. Ташлаке начала собираться толпа, которая к 15 часам достигла более 100 человек и, переворачивая на ходу автомобили, избивая прохожих и поджигая дома, двинулась в поселок Комсомольский. Местной милиции рассеять толпу не удалось».

Рассказывает прокурор Ферганской области А. Атаджанов («Правда» от 20 июня 1988 года):

«3 июня мне позвонил исполняющий обязанности прокурора Ташлакского района Пулатов и сообщил о волнениях, попросил помощи. Несмотря на то, что был субботний день, все наши работники были на месте. Мы вместе с несколькими работниками областной прокуратуры выехали в Ташлак. Увидели возбужденную толпу людей. Они никого не хотели слушать. В толпе заметил пьяных, накурившихся наркотиков. Подошел к одному. Тот начал исступленно кричать о «жертвах» турок-месхетинцев в Кувасае, о «злодейских убийствах» детей, о «поруганных женщинах». Спрашиваю: «Откуда знаешь»? А он меня не слышит. Наши сотрудники заметили в толпе многих своих «знакомых» – ранее привлеченных к уголовной ответственносит и освобожденных. Один из толпы подошел ко мне: мой брат сидит в тюрьме за ограбление, отпустите – враз утихомирю толпу...»

В тот вечер 3 июня загорелся первый дом, появились первые жертвы, мародеры. Зачинщики беспорядков использовали металлические предметы, холодное и огнестрельное оружие, бутылки с зажигательной смесью...

Рассказывает Манзура Джаханова, секретарь РК ЛКСМ Узбекистана: «Ташлак. 3 июня был базарный день. До 10 утра все было спокойно, вдруг узнаем: у кинотеатра «Аврора» – митинг. Я видела молодых ребят – шли, били палками по ок-

нам. «Если узбеки, зажгите на ночь свет». Вечером стали поджигать турецкие дома. 4-го утром прихожу на работу, вижу, в райкоме собралось около пятисот турок. Вскоре нас взяли в осаду. Милиция отбивалась как могла. Где-то часов в восемь вечера в райком прибежали две совершенно обнаженные девушки-турчанки – изнасилованные, истерзанные...» («Собеседник», № 28 от 1989 года).

Рассказывает также очевидец события, месх Башир оглы Садир:

«Я – учитель. 3 июня нам сообщили о беспорядках, которые начались в центре Ташлака. К вечеру в этот день я свою семью спрятал в надежном месте и с двумя сыновьями наблюдал у ворот своего дома за всем происходящим вокруг.

В 23 часа 20 минут в нашу сторону направилась толпа, которая была вооружена огнестрельным оружием. Заметив это, я приказал сыновьям скрыться, а сам побежал к телефону. Набрав номер дежурного РОВД, я случайно включился в разговор милиционера с какой-то женщиной, которую он информировал о том, какие дома и по какому адресу планируется поджечь. После окончания их разговора я смог сообщить милиционеру о том, что бешеная толпа собирается поджечь мой дом и просил оказать помощь. В ответ он сказал: «Ты – дурак, оказывается. Ты что, думаешь только твой дом горит? Все турецкие дома горят».

Рано утром, в 6 часов, я позвонил председателю райисполкома с просьбой о помощи. В 8 часов утра подъехал автобус и нас увезли в здание райкома партии. А затем, к полудню, туда же собрались остальные беженцы – около 1000 человек. Здание охранялось работниками органов и военными, вооруженными дубинками. Во время моего дежурства я информировал первого секретаря Ташлакского РК КП Сабирова об оставшихся в зоне кровавых действий людях, я сказал ему, что по улице Гагарина беспощадно убивают турок.

Он ответил мне: «Ты пойми, у нас нет никакой возможности выйти на эту улицу». В этот день на улице Гагарина было беспощадно убито 10 человек. 4 июня председатель Ферганс-

кого облисполкома Маджидов, приехавший к 8 часам, распорядился отправить нас в лагерь беженцев. Мы не согласились, т.к. это было явное преступление с его стороны: сдать нас в руки бушевавшей толпы...»

Из сводки МВД СССР («Правда» от 7 июня 1989 года). В этот день, 3 июня, «по предварительным данным, сожжено свыше 400 домов и автомашин. Разгромлен ряд зданий общественного назначения. Большое число людей получило телесные повреждения и госпитализировано. Среди них более 130 работников милиции, солдат и офицеров внутренних войск. По последним сообщениям, 56 человек скончалось от полученных ран, в том числе 43 турка-месхетинца, 7 узбеков, 1 таджик, 1 русский, данные о четырех погибших устанавливаются. Для поддержания общественного порядка и нормализации обстановки в Ферганскую область переброшено более 9 тысяч военнослужащих войск МВД. Задержано свыше трехсот участников беспорядков. Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР в районах компактного проживания турок-месхетинцев введен комендантский час. По факту массовых беспорядков прокуратурой проводится расследование».

Самое страшное, что и тогда не было принято серьезных мер, ничего не было сделано, чтобы защитить, спасти безоружных людей – несчастных месхов. На бумаге, в сводках, «меры принимались», а в действительности...

Рассказывает Зия оглы Халис из поселка «Хлопковый завод»:

«В нашем поселке 4 июня 1989 года заполыхали дома, улицы покрылись черным дымом и было страшно смотреть, как выносили обугленные трупы. В обком партии привезли изуродованный труп с выколотыми глазами месхетинского турка по имени Бинали. На глазах у людей насиловали девушек и женщин, после чего следовало сжигание тел. Дома этих жертв грабили с последующим поджогом.

Неожиданно приехал первый секретарь Ферганского горкома Мамаджанов и заявил о необходимости нам всем собраться у здания обкома партии. А с другого конца улицы появилась

вооруженная толпа и с криками: «Смерть туркам»! стала на нас нападать. У многих было огнестрельное оружие. Во время стрельбы пуля не миновала и меня. Я был ранен в руку и ногу. Когда я, обливаясь кровью, беспомощно лежал на земле, бандиты хотели меня задавить машиной, убить по-зверски. В это время чудом появился мой племянник, который перетащил меня к машине скорой помощи, увозившей пострадавших турок в больницу № 3. Оказав первую помощь, врач посоветовал нам не оставаться в этой больнице, так как это было опасно. С целью спасти наши жизни нас всех шестерых Н. Тамарадзе – братьев Алипаша, Алима Рашидова и др. – спрятали на чердаке этой больницы. 6 июня нас в сопровождении работников РОВД отвезли на полигон, где находились беженцы...

Так расправлялись с беззащитными людьми, которые своим трудом немало сделали доброго за 46 лет, прожитых на узбекской земле. А в итоге эти палачи и погромщики лишили нас не только нажитого добра, но и унесли немало человеческих жизней, а сколько искалечили судеб...»

Председатель колхоза пригородного района в поселке Комсомольский, где жили месхи, рассказывает, что 3 июня обстановка у них была напряжена до предела. Поздно ночью в центре колхоза начала собираться толпа с требованием выселить месхов. Заводилами были незнакомые всем лица. Председатель перед ними выступил, уговаривал, но все было бесполезно... В этот день были сожжены три дома, на следующий еще 33... Был убит Абдусатар Мамаджанов. 12 июня ему исполнилось бы 20 лет...

4 июня около 900 месхов были эвакуированы под охрану военных... («Правда», 11 июня 1989 г.).

«4 июня. С 6 часов утра на Ферганский аэродром стали приземляться первые самолеты с частями внутренних войск. С 13 часов более двух тысяч мятежников окружили здание райотдела милиции, около восьми тысяч собрались в центре Ташлака. Ни на выстрелы в воздух, ни на увещевания через радиомегафоны никто не реагировал: упорно рвались к оружию...

К 20 часам 50 минутам, когда прибыло подкрепление из Ашхабада и Душанбе, удалось локализовать массовые столкновения».

Рассказывает рядовой специальных войск МВД СССР Алексей Кузнецов («Известия», 15 июня 1989 года): «4 июня прибыли в район хлопкозавода. Там улица Шевченко от небольшой площади ведет к кварталам турок-месхетинцев. На площади собралась толпа людей узбекской национальности разного возраста – примерно от 17 до 35 лет. Человек так 400 – примерно половина из них пьяные или обкуренные. Каждый был вооружен: топором, ножом, самодельной пикой из арматурного прута с острым заточенным конусом, палкой, утыканной гвоздями, у некоторых охотничьи ружья, бутылки с зажигательной смесью.

Сначала кричали: «Солдаты, уйдите! Вы ничего не знаете, турки вырезали узбекский детский сад»! Пытались нажимать на нас, смять. Увидев, что ничего не выходит, отступили на несколько шагов, и в нас полетели булыжники, бутылки с зажигательной смесью, которые насквозь прожигали одежду.

Патронов нам не выдали. Оно к лучшему, наверное. Потому что нападавшие все время пытались вырвать у нас из рук автоматы. Чтобы хоть как-то защищаться, ребята стали подбирать с земли брошенные в нас булыжники и швырять их обратно в толпу. Когда бандиты отхлынули, оказалось, что пятеро наших ребят серьезно обгорели, одного топором рубанули. Тогда командир приказал: пропустите их, все равно не сдержим, а пожечь и порубить могут половину личного состава – ведь их в четыре раза больше нас...»

Так, по чьему-то приказу, по чьей-то «доброте» против вооруженной толпы войсками не было применено оружия. Многие подразделения прибыли в Фергану безоружными.

Участковые милиционеры рассказывали, в какой ситуации они оказались, когда в районах старой толкучки и хлопкозавода бесчинствовали толпы, грабя и поджигая дома. Приказ – не стрелять, но стрелять было бесполезно даже в воздух: тут же разорвут в клочки. Звонили в горотдел милиции: пришлите подкрепление. Отвечали: справляйтесь своими силами.

Рассказывает старший лейтенант милиции Батыр Набиев («Собеседник» № 28 за 1989 год):

«Утром 4 июня ожидали нападения на Ташлакский РОВД. Нас, милиционеров, было человек 150-200. К райотделу подошла толпа в 3-3,5 тысячи. Мы выстроили цепочку. Из толпы летели камни, бутылки с зажигательной смесью, заостренная арматура. Мы отступили в здание РОВД. На помощь прибыл из Ташкента отряд внутренних войск (перед посадкой в самолеты им велели сдать оружие, послали на верную гибель). В это же время 300 солдат пытались пробиться к нам на помощь из Ферганы. Но они тоже были без оружия, их встретила пятитысячная толпа, забросала зажигательными бутылками, и они отступили... Это был мятеж. Странный политический лозунг – не считая призывов выселить турок-месхетинцев – появился однажды в Коканде: «Душим турок. Душим выродков Ленина – русских. Да здравствует исламское знамя, мусульманская религия, аятолла Хомейни»! То, что происходило в Маргелане и Ташлаке, Фергане и Коканде, сельских районах области нужно обозначить прямо: попытка геноцида, попытка в лучшем случае – изгнания, в худшем – истребления турок-месхетинцев. Много повидавшие на своем веку судмедэксперты удивляются изуверству, с какими совершались убийства».

4 июня над месхами были учинены страшные зверства, подобных которым не помнит история, в селе Ходжа Арыке, находящемся на стыке Ташлакского и Кувинского районов Ферганской области. Об ужасах и кошмарах, о диких надругательствах, в которые трудно поверить, о поголовном истреблении месхов, сожжении их домов пишут корреспонденты В. Михайлов и В. Соколов в газете «Индустрия» от 24 июня 1989 года.

Они рассказывают, как озверевшая, пришедшая в возбуждение и ярость толпа избивала камнями, дубинками, металлическими прутьями четырех месхов, среди них была одна женщина. Избив их до полусмерти, обезумевшая толпа решила сжечь их живыми... «Глумление над четырьмя людьми продолжалось уже при свете: кто-то услышав слово «жечь», вытащил из багажника «Москвича», на котором месхская семья хотела бежать от опасности, канистры с бензином...» Описы-

вать дальше эту жуткую историю рука не поднимается. Работник МВД СССР, подполковник В. Парафеев рассказывает:

«Судите сами: сообщение об обнаруженных трупах мы получили 5 июня в 12.50. Когда подъехали на место, тела еще дымились. Оперативно-следственная группа прокуратуры и МВД СССР была создана в тот же день. Но люди настолько запуганы возможной местью, что никто ничего рассказывать не хотел. Но когда вышли на первых убийц – новое затруднение: местные власти, в том числе и прокурор, всячески противились их аресту, утверждая, что может вспыхнуть восстание. Ничего не произошло, и все семеро непосредственных исполнителей этой страшной казни сядут на скамью подсудимых. Вместе с восьмым, которого мы обязательно найдем».

А о чем, вы думаете, писала в этот день, 5 июня 1989 года, «Ферганская правда», после того, как садисты грабили турецкие дома, насиловали женщин на глазах у мужей, сжигали людей живьем, выкалывали им глаза и отрубали головы?.. О чем же писала газета?

«В трудовых коллективах, по месту жительства, в махаллях следует вести работу по разъяснению основ законодательства, крепить дружбу народов СССР, пресекать любые проявления национализма».

Замечательный рецепт от контрреволюционных мятежей! На другой странице – крупный заголовок другой статьи – «Больше тепла, доброты, милосердия».

И такое происходило именно 5 июня, когда в сводках МВД передавали:

«5 июня. К 8 часам утра численность внутренних войск и милиции достигла 5.189 человек. Операцию возглавлял полковник, начальник Политуправления внутренних войск страны Евгений Александрович Нечаев. Ночью было относительно «спокойно».

Позже Нечаев скажет в своем интервью:

«Что касается местных властей, то это доводы в пользу бедных – мол, ситуацию недооценили... Кроме того, установлено, что в беспорядках участвовали сами представители

партийных и советских органов!.. Я с 4 июня здесь в Фергане. Да, мы опоздали. Но не по своей вине. Как, кстати сказать, и в Сумгаите. Поэтому, командование внутренних войск ответственности не несет».

Говорит И. Шилов, заместитель министра внутренних дел СССР, генерал-лейтенант:

«Когда требуется ввести внутренние войска в тот или иной регион, инициативу должны проявить местные власти. Таков порядок. 24 мая мы, естественно, получили информацию о столкновениях в Кувасае, это был первый звонок. А с 25 мая мы с министром были на Съезде народных депутатов, встречались с представителями Узбекистана. Однако они особого беспокойства по поводу напряженности в Ферганской долине не проявили. И лишь в ночь с 3 на 4 июня было решено действовать. Сразу же подключили военную транспортную авиацию для переброски войск...» («Огонек», № 29, 1989 г.).

В городе все говорили: «Ах, если б эти ребята прибыли сюда чуточку раньше! Не час – минута могли бы спасти жизнь женщине, юноше, старику...»

Трудно найти логический довод в пользу этого драматического опоздания. Кроме одного... Кому-то это было выгодно... Чем объяснить такую картину? В поселке Комсомольский начальник УВД – генерал Бурханов кричал: «Не стрелять, не стрелять»! Как могли войска МВД противостоять озверевшим толпам? Их лишили возможности бороться с бандитами. Толпа практически безнаказанно убивала, грабила.

Не было сомнения в том, что руководство областной милиции (возможно, по приказу свыше) бездействовало. Иначе как получилось, что вооруженную толпу пропустили из Ташлака в Маргелан и Комсомольский?

Тот же прокурор Ферганской области Абдулла Атаджанов напомнил, что для защиты граждан от нападения, угрожающего жизни и здоровью, если иными способами невозможно, сотрудникам милиции и внутренним войскам предоставляется право применять оружие. Но, добавил прокурор, хотя такие ситуации «в прошедших беспорядках» были, но, по его мне-

нию, руководство МВД Узбекистана и УВД Ферганской области «не пошло на эти крайности из гуманных соображений»! Ничего себе гуманность! Как видно, к месхам она не относилась...

Начальник Политуправления МВД СССР генерал-лейтенант А. Аникиев в своем интервью корреспонденту ТАСС В. Иткину («Правда» от 15 июня 1989 года) сказал: «Когда я в течение целого дня был в лагере беженцев турок-месхетинцев, они напрямую задавали мне вопросы: почему мы успевали в течение нескольких часов высадить свои войска в Афганистане и почему своевременно не успели прийти на помощь им?.. Обеспокоенность, тревога людей понятны. То, что я увидел собственными глазами, можно назвать лишь одним словом – ужас. Это не укладывается в голове. Зверские истязания стариков, детей, глумление над женщинами, изощренные, садистские убийства ни в чем не повинных людей – турок-месхетинцев, надругательства, даже над трупами – это потрясает своей жестокостью, нечеловечностью. Но это было... и забывать об этом нельзя...

Задают и такие вопросы: почему милицейские и войсковые подразделения не применяли оружия? Почему подставлялись под удары бандитских элементов турки-месхетинцы?

Мое мнение таково: несмотря ни на какие причины, правоохранительные органы обязаны защищать граждан в любой ситуации... Что касается оружия, то в первые дни событий санкцию на это мы не получили...»

Анатолий Головков пишет: «Спрашиваю – и не могу получить ответ: кто отдал приказ местной милиции «ни в коем случае» не применять оружие, даже резиновые дубинки? Ну, допустим, что до 4 июня местная милиция находилась в замешательстве и была не в состоянии дать отпор сразу в нескольких городах мобильным, хорошо вооруженным отрядам мятежников. А четвертого вечером, когда потребовалось защитить Фергану, когда начали прибывать основные силы внутренних войск»?

Возникает прямой вопрос: почему не применялось оружие? Анатолий Головков ищет ответа на этот вопрос в горотделе Ферганы:

«Иду в горотдел: «Почему бросили своих участковых один на один на толпу; ведь они чудом остались живы, одному даже вилы к горлу приставили, чтобы не вмешивался»? Отвечают: «Так распорядились в областном управлении». Встречаю подполковника Н. Мадиярова, который дежурил в облуправлении: «Когда к вам обращались четвертого вечером из горотдела насчет того, что в Фергане безнаказанно жгут турецкие дома, вы могли защитить людей»? «Я доложил руководству. Сказали, пусть держатся своими силами. Резерва не было». Но ведь в Фергане постоянно дислоцировалась воинская часть, которая могла бы лишь своими силами подавить мятеж»! («Огонек», № 29, 1989 г.).

Ничего не скажешь: внутренние войска действовали мужественно. Без преувеличения: они спасли жизнь тысячам людей. Профессионалы в «краповых беретах» – 19-летние мальчишки-солдаты спасали турецкие семьи, предотвратили поджог санитарного вертолета, освобождали захваченных в плен в качестве заложников советских и партийных работников, рискуя жизнью, безоружные.

Позже среди руководителей, военных, которые не взяли на себя сразу ответственность за принятие решительных мер, появилось новое объяснение – «тбилисский синдром». Увы, свежа была память о Тбилиси, слишком горек урок вмешательства частей Советской Армии... Тбилисское эхо витало по Ферганской долине, заставляя начальников проявлять осмотрительность, некоторые колебания даже там, где требовалось безусловное применение силы...

Но подобное объяснение может быть принято лишь отчасти.

Лишь после того, как руководство области обратилось в Москву, оттуда пришел приказ, разрешивший применять оружие. Но столько дней и жизней было уже потеряно... Многие в те дни говорили: будь приняты решительные меры 3-4-го или,

на худой, конец 5 июня, беспорядки не приобрели бы такой размах, не было бы столько жертв. А вот свидетельство сержанта О. Малышева, который с 3 июня был в печально известном поселке Комсомольский: «Бандиты били камнями, швыряли в нас бутылки с зажигательной смесью. Увидев, что им удается потеснить нас, они с яростью стали громить автобусы, а потом и подожгли их. Солдат у автобусов пытались избивать. Нас было всего 127 человек. А толпа – несколько тысяч. В этих условиях, когда не было разрешено применение спецсредств, оружия и даже дубинок, полностью противостоять озверевшим хулиганам мы были не в состоянии» («Правда» от 20 июня 1989 г.).

В результате такой политики, согласно официальным данным: «В первые дни конфликта (3-4 июня) погибло 67 человек турок-месхетинцев. Но и это пока неточные цифры. Запах пожарищ висит над окраинами Ферганы и в поселке Комсомольском, городе Маргелане. Рухнувшие крыши, разбитая мебель, изувеченные автомобили, остатки домашнего скарба – все, что составляло недавно дом турка-месхетинца, разрушено. Сожжено 417 домов. У некоторых из них уцелели только трубы. Вчерашние соседи судорожно вывешивают на воротах опознавательные знаки – здесь живут узбеки, русские... Чтобы, не дай бог, не попасться под разгоряченную руку поджигателей» («Комсомольская правда» от 7 июня 1989 г.).

Вскоре стало известно, что в числе погромщиков были сотрудники органов внутренних дел – им-то досконально были известны методы работы милиции... Документально также подтверждено, что не только бывшие работники органов внутренних дел принимали участие в организации погромов – именно с помощью милиции уточнялись адреса семей месхов, дома которых заполыхали потом один за другим. Заранее усиленно распространялись провокационные слухи, фальшивые фотографии, вызывавшие у узбекского населения чувство ненависти к месхам.

6 июня сводки как будто были утешительные:

«Главные усилия войска сосредоточили на наведении по-

рядка в Фергане, Маргелане, Ташлаке, Киргили, Кувасае, в селах Ахунбабаевского района и в совхозе имени Юсупова», но погромы, убийства, поджоги продолжались. По-прежнему распространялись всякие небылицы, заведомая ложь с целью посеять смуту, дезорганизовать население.

Рассказывает месх, Хасанов (Варскнелидзе) Ясин:

«Я в составе делегации месхов из Самаркандской области был в Москве. 6 июня 1989 года мы узнали, что в тот день после обеда в Лужниках состоится встреча с избирателями, туда приедут Андрей Дмитриевич Сахаров и Борис Николаевич Ельцин. Мы заинтересовались и поехали туда.

Митинг был очень многолюдный. Было много выступающих. Вдруг на трибуну поднялся молодой узбек, лет 25-30. Он, демонстративно поправляя свой белый чапан, сказал: «Я представитель общества «Бирлик» Узбекистана. Мы на своем первом съезде приняли устав и программу. В настоящее время начали уничтожение и изгнание лиц турецкой национальности в Ферганской долине. Такую же политику будем проводить по всей республике. Слава Аллаху»! Этими словами он закончил выступление. Участники митинга на его выступление никак не прореагировали, не поверив в их серьезность.

Но мы, как услышали выступление представителя «Бирлик», сразу же вернулись обратно, нашли депутата Верховного Совета Узбекистана, Президента Академии наук Узбекской ССР тов. Юсупова Эркина Юсуповича и сообщили ему об этом...»

Почему, почему и тогда не забили во все колокола?!

К 7 июня обстановка в Ферганской области еще более осложнилась. Из сводки МВД:

«7 июня. С 14 часов мятежники стали собираться в Коканде и окрестностях. Через час толпа (около 3 тысяч человек) напала на следственный изолятор, чтобы освободить арестованных. (Им действительно удалось освободить 68 задержанных). На помощь в Коканд Нечаев направил из Ферганы подкрепление. В это время уже почти 15-тысячная толпа осаждала горотдел милиции, госбанк, железнодорожный вокзал, ад-

министративные здания. Восставшие вылили на землю горючее из одной из трех цистерн, угрожая поджечь вокзал. Все атаки удалось отбить. Тогда вооруженные отряды боевиков из Риштана и Багдада (более двух с половиной тысяч человек) выступили на подмогу в Коканд. Повсюду в предместьях шли поджоги, погромы, грабежи и убийства. Только к исходу дня, к 20 часам, удалось пресечь беспорядки при помощи десанта – группы «краповых беретов». В Кокандской операции пострадало несколько журналистов...»

Когда толпа в Коканде шла штурмовать здания партийных, советских и правоохранительных органов, она несла перед собой портрет Ленина. Только вот на обороте этого портрета, обращенного к толпе, было написано: «Убьем всех турок! Задушим всех русских! Да здравствует исламская республика и аятолла Хомейни»!

Но и здесь, в Коканде, обороняющимися оружие не применялось, они стреляли только в воздух, в то время, как нападающие использовали автоматы, пистолеты, холодное оружие. Говорит «афганец», капитан В. Буторин, который с десантом на вертолете прибыл в Коканд (когда вертолет приземлялся, хулиганы забрасывали его камнями):

«... Горят дома, перевернуты автомашины, едкий дым проникает даже в летящий вертолет. Не видно заходящего солнца. У огней мечутся люди. А чуть дальше нагло, неспешно, с видом победителей забираются на «КАМАЗ»-ы погромщики. Впервые столкнулись с таким ощущением бессилия – сил охраны порядка хватало только лишь на блокирование центральной площади города» («Правда», 11 июня 1989 г.).

Кокандское руководство, как и руководство других районов Ферганы, не смогло защитить месхов, хотя они просили помощи и в горкоме, и в горисполкоме за неделю до разыгравшейся трагедии. В эти дни в газете «Правда» был помещен снимок – каркасы сгоревших и разрушенных зданий в Коканде – ни дать ни взять Сталинград времен войны. Убийства, погромы, поджоги. Война с кем? С месхами-мусульманами? Несчастными изгнанниками со своих родных мест?

Рассказывает журналист, полковник П. Студенкин («Советская Россия» от 13 июня 1989 г.).

«Перед глазами – горящий Коканд, который мы увидели с вертолета 7 июня вечером, сожженные кварталы поселка Комсомольский, следы жестоких погромов в Маргелане... И сейчас еще не могу оправиться полностью от потрясения, пережитого в те первые дни в городах и поселках Ферганской области, в которых волной прокатилось безумие вандалов XX века с погромами и пожарами. От следов насилия и жестокости и сейчас еще кровь стынет в жилах. Перебираю фотографии – убийственные свидетельства вакханалии ненависти и садизма: сожженный труп, в котором невозможно опознать, мужчина это или женщина. Мужчина и подросток (видимо, отец с сыном) и рядом дубинка, которой они были убиты. Брошенный в сточную канаву труп женщины, изуродованный до неузнаваемости...»

Журналистам показали ленту, отснятую в те дни в Комсомольском, Маргелане и Ташлаке, – местах, где события носили наиболее ожесточенный характер. Камера бесстрастно зафиксировала, как безнаказанно, не получая никакого противодействия, собирались для погромов толпы юнцов, как пылали жилища. Зафиксировала мародеров, грабящих разгромленные дома, и обугленные трупы людей – их немало в объективе камеры.

«Они шли на все, – рассказывал в Маргелане сержант Гайрат Хасанов. – Жгли дома, грабили, издевались над людьми. Эти подонки окружали дома месхов, выносили все ценное, а потом забрасывали в окна горящие факелы. Жителей не выпускали за порог, пока они заживо не сгорали. Крики мольбы о помощи, просьбы и призывы к человечности только подогревали убийц...»

Из рассказа турка-месхетинца:

«Солдатам был дан приказ: «Не стрелять»! Но, собственно, и стрелять было нечем – патронов не дали. А обезумевшие погромщики, не встречая отпора, наступали. Они забрасывали сбившихся в кучу людей камнями. Избивали... Доби-

вали... И гнали, гнали обездоленных, окровавленных людей в горы».

«8 июня, утром резко ухудшилась обстановка в центре Узбекистанского района. Тактика та же – нападение на отдел милиции.

В этот день в пригороде Коканда был остановлен железнодорожный состав с ГСМ, из одной цистерны горючее было слито. Преступники выдвинули ультиматум:освободить 400 задержанных, выдать им милиционеров и турок-месхетинцев. Только благодаря решительным действиям представителей правопорядка грозящая катастрофа не произошла. По словам начальника войск МВД СССР генерал-полковника Ю. Шаталина, ситуация остается непредсказуемой. Молодчики «осваивают» новые районы, продвигаясь к границам области, грозят перекинуться и на соседние Андижанскую, Наманганскую области республики, Ленинабадскую область Таджикистана».

«При исполнении своего долга тяжело ранены два офицера и солдат. Они госпитализированы. Всего за эти дни получили увечья различной степени тяжести 119 военнослужащих, 51 работник милиции. Сегодня днем обстановка снова осложнилась. Из разных районов области погромщики двинулись на Коканд. Грузовики с бандитами не были допущены в город. Но успокаиваться, судя по всему, пока рано. У погромщиков выработалась своеобразная тактика: они вступают в населенный пункт, нападают на отделы внутренних дел с целью захвата оружия, зданий партийных и советских органов, осуществляют поджоги, погромы...»

После того, как войска МВД стали применять оружие, бесчинствующие толпы немного успокоились. Но вот после недолгого затишья очаг напряженности возник на территории Таджикистана.

«Драматическая ситуация сложилась в горном пансионате неподалеку от Коканда. Здесь под охраной находилось более двух тысяч турок-месхетинцев. Многие беженцы прибыли в лагерь в нижнем белье, не успев захватить из дома ни вещей, ни продуктов, ни денег.

В субботу разведкой с воздуха была обнаружена колонна из 12 грузовых и множества легковых автомашин с экстремистами, численностью свыше 400 человек.

Бандитская колонна двигалась от райцентра Ашт к кишлаку Наугарзан. Сразу стали ясны намерения террористов – прорваться к лагерю беженцев в горном ущелье Таджикистана и устроить расправу над турками, привезенными сюда из Коканда и близлежащих районов. Оперативная группа перегородила путь экстремистам. Переговоры результатов не дали. В солдат полетели камни, раздались выстрелы из автоматического оружия.

Лишь после этого подразделения специального назначения решили рассеять оголтелую толпу, применив боевые патроны. Один из экстремистов убит, еще один скончался по дороге в больницу, пятеро доставлены с ранениями различной тяжести.

В ночь лагерь беженцев был окружен усиленной охраной, а с восьми часов утра началась переброска людей в аэропорты. Около 100 вылетов совершили вертолетчики и в 18.30 из горного ущелья вывезли последнюю партию беженцев» («Заря Востока» от 13 июня 1989 г.).

В этот же день поселок Горский на западе Ферганской области подвергся нападению бандитов, в результате чего вновь пролилась кровь, запылали дома. Бандиты заранее выяснили адреса будущих жертв, расположение улиц. Молодежи внушалось, что силы правопорядка ни в коем случае не применят оружие...

Полковник П. Студенкин в «Советской России» (от 13 июня 1989 года) пишет: «На следующий день (8 июня) рано утром в поселке Горском мы сами увидели совсем свежие следы погрома: ночью прямо у дома посреди улицы сожгли турка-месхетинца Юнуса Османова, восьмидесятилетнего старика. Старик кричал – звал на помощь. Потом костер запылал – они жгли Юнуса, наверное еще живого...»

События в поселке Горский потрясли многих. Рассказывает корреспондент Самаркандской областной газеты «Ленин

йоли» (от 14 июля 1989 г.):

«Много горя видел я в Ферганской области, но никогда не смогу забыть 10-летнего худенького, как скелет, мальчика, которого я видел в поселке Горский, спасенного внутренними войсками.

Когда озлобленная толпа ворвалась в дом, родители мальчика успели перебросить его через забор и крикнуть ему в последний раз: «Беги, спасай свою душу». Ребенок, скрываясь трое суток, бродил по полям, питаясь тем, что растет на земле. Одежда у него была изодранная, а сам он был страшно истощен.

Торопясь, жадно ел хлеб, который дали ему солдаты. Нет, он не плакал, он не мог плакать. Про трагедию рассказывал подробно, и от его страшного рассказа у слушателей волосы на голове становились дыбом. Он не знал, живы ли его родители. Этот маленький человек уже понимал, что такое горе и страдание. И это останется у него на всю жизнь.

Ребенок рос и воспитывался среди узбеков. И как ему было объяснить, что это не узбекский народ издевался над ним и его родителями, выгнал их из дома? Не узбекский народ украл у него детство, а преступники, которые прикрывались именем этого народа...»

Трагические события в Ферганской долине болью отозвались в столичной Ташкентской области – ведь здесь проживало 60 тысяч турок-месхетинцев, что в пять раз больше чем в Ферганской области. Там у многих жителей Ташкентской области были родственники и друзья. Те, кому удалось приехать из очага горячих событий, подробно рассказывали о массовых беспорядках, страшных убийствах, погромах и поджогах. Среди турок, проживающих в Ташкентской, Сырдарьинской и других областях (всего 8 областей) началась массовая паника.

Месхи не были уверены, что и здесь не вспыхнут беспорядки и бесчинства, не было гарантии, что не пострадают их семьи. Многие отправили женщин и детей в соседнюю Чимкентскую область Казахстана. Этих гарантий им никто не давал. Например, жители поселка Энгельса Янгиюльского района неоднократно просили направить к ним группу вооруженных солдат для их защиты – им нужны были гарантии того, что их покой будет обеспечен. Они думали: появится охрана, и они смогут привезти из Казахстана жен и детей. По этому вопросу секретари обкома связывались много раз с ЦК Компартии республики, со штабом Туркестанского округа. Но каждый раз получали отказ... Ответственных работников Узбекистана волновало одно – как можно скорее вывезти из областей и республики всех месхов. Многие из них как в центре, так и на местах, своим бездействием способствовали тем, кто направлял убийц и поджигателей.

Рассказывает месх Афраилов Мустафа, живший в Самаркандской области:

«Фергана находится от нас на расстоянии около 1000 км. Мы не знали, когда там началась резня, до нас доходили лишь страшные слухи... Поэтому мы обратились к первому секретарю райкома партии Иштиханского района Самаркандской области тов. Исматову. Он сказал: «На нас не надейтесь, если сможете, защищайтесь сами». Через несколько дней, 8-9 июня 1989 года, по указанию сверху, под руководством председателя районного комитета «Бирлик» Саидова Уткира и других в Иштиханском райцентре был организован митинг, на котором присутствовало более 300 человек.

После митинга толпа организованно шла по улицам и кричала: «Смерть туркам! Если в ближайшие дни не уедете, будет кровопролитие»! После этого ультиматума мы были вынуждены отправить женщин, детей и стариков к своим родственникам, проживавшим в Казахстане, на Северном Кавказе, в Азербайджане и т.д. А сами остались, чтобы отправить вещи, продать скот, дом и потом уехать.

Но 12 июня вновь повторилась демонстрация, вновь выкрикивались угрозы. На этот раз многие в толпе были пьяны и вооружены. Митинг и шествие толпы по улицам сопровождались работниками милиции.

Ночью 13 июня мы не спали, собрались возле дороги и ждали нападения. В ту же ночь, в 2 часа 30 минут, к нам подъе-

хали три легковые машины и остановились возле нас. Из машины вышли первый секретарь Иштиханского района Исматов, главный врач района Ораков и четыре сотрудника органов милиции. Один из приехавших остался сидеть в машине и, смотря в нашу сторону, повышенным тоном сказал: «Паникеры, что вы ходите по ночам! Идите и спокойно спите, мы приняли все меры, никто из Ферганы сюда не приедет». Я ответил ему так: «Если все спокойно, зачем вы ездите ночью? И зачем нам ждать убийц из Ферганы, если они есть в нашем районе»? «Кто ты такой, что запрещаешь узбекской молодежи митинговать?!» – грубо оборвал он меня.

«Я учитель истории, и я никому не запрещаю митинговать, но когда угрожают убить ни в чем не повинных людей – это преступление!»

Как потом стало известно, моим собеседником был второй секретарь Самаркандского обкома партии.

Вследствие такой политики местных властей в течение пяти дней, с 9 по 15 июня 1989 года были вынуждены покинуть свои дома и уехать из Иштиханского района 415 семей, таким образом, еще около 2800 человек стали беженцами...»

Вскоре из Самаркандской области выехали 23.904 месха...

В начале июня из Ферганской области Узбекистана на территорию Таджикской ССР шел поток беженцев. В Канибадамском районе Ленинабадской области скопилось около 2500 месхов. Около 40 процентов населения там узбеки, но приняли месхов дружелюбно. Но вскоре в разных местах появились группы хулиганов, толпы экстремистов. Они несли плакаты, содержащие призывы к уничтожению месхов, а также оскорбления в адрес таджиков, приютивших беженцев.

10 июня было принято решение Совета Министров СССР об эвакуации месхов из Таджикистана в Смоленскую область. С 11 июня их стали отсюда вывозить.

Беженцы... Тяжелое слово – зримо представляются кровь, слезы, брошенные дома. Слышится плач детей и стоны стариков, изнемогающих от непосильного пути и тягот жизни под

открытым небом... Страшное, короче говоря, слово. Но к сожалению, оно прочно вошло в наш лексикон.

«Нескончаемы ряды жилых палаток, рядом котлы на очагах, кое-где газовые плиты, на веревках палаток сушится детское белье. Люди есть люди. Но страшит немой укор в глазах: как вы могли такое допустить? Зябко становится, когда видишь детей с черными лентами скорби на голове. Что они увидели, что их ждет завтра, какими они станут?» («Правда», 14 июня 1989 г.).

Беженцев везли за территорию полигона – учебного центра одной из воинских частей, расположенного под Ферганой. В этот лагерь беженцев вывели всех турок, проживавших в Ферганской области. К 18 июня в области уже не осталось ни одного месха. На пустыре у лагеря беженцев уже был закопан второй ров, ставший братской могилой. В лагере беженцев сообщили, что в дни погрома в городе Фергане стали жертвами погромщиков следующие месхи-мусульмане, родом из Грузии, из Месхети:

ИЗ СЕЛА ЗИКИЛА:

Тутадзе Зааддин, 1931 года рождения, убит в собственном доме.

Тутадзе Аладдин, 1940 года рождения, убит в собственном доме.

Исмиханов Нариман, 1966 года рождения, убит в собственном доме.

ИЗ СЕЛА ГУРКЕЛИ:

Садиков Мухлис, 1957 года рождения, убит на дороге, машину его сожгли.

Садиков Мухлис, 1946 года рождения, двоюродный, был с ним, тоже убит.

ИЗ СЕЛА ЦНИСИ:

Дадаев Вали Маджид оглы, 1960 года рождения, расстрелян на дороге.

Кахраман оглы Сейфат, 1930 года рождения, убит в собственном доме.

ИЗ СЕЛА АБАСТУМАНИ:

Фазаир оглы Ахмед, 1943 года рождения, жил в Маргеланском районе Ферганской области, в собственном доме ему отрубили ноги, руки, размозжили голову... И многие другие...

Трудно было найти и уточнить тогда имена всех погибших в дни погрома... А потом тысячи бездомных беженцев скитались по всему бывшему СССР. Среди похороненных не были опознаны имена десяти жертв, чьи останки сильно обгорели и расчленены. Многие трупы были исколоты вилами, разрублены топорами, сожжены.

О подробностях этой дикой, уму не поддающейся вспышки межнациональной розни, говорить нельзя – так страшны они, так несовместимы с логикой нормального человеческого мышления.

Об особой жестокости бандитов говорил в своем официальном интервью, данном республиканскому телевидению, прокурор Д. Усатов: «То, что происходило в отдельных населенных пунктах Ферганской области, невозможно описать. Жестокие истязания, насилия, садизм, убийства потрясают своей бесчеловечностью. Им невозможно найти не только никакого оправдания, но и логического объяснения. Такая потрясающая жестокость не сравнима даже с жестокостью Сумгаита и Нагорного Карабаха, так поступали в свое время разве что басмачи. История не припомнит такого разгула массовой жестокости».

Налицо был откровенный бандитизм, насилие, мародерство. Экстремисты не гнушались носильными вещами убитых, грабили, ища деньги и драгоценности, забирали продукты питания, угоняли скот...

Корреспондент «Советской России», полковник П. Студенкин побывал на военном полигоне – в «лагере ненависти и скорби», где нашли убежище десятки тысяч беженцев. Он записал вопросы месхов в свой блокнот:

«Нас окружила плотная толпа женщин, стариков, детей:

– Почему не хоронят погибших?

– Я вас умоляю, найдите моих детей...

– Моего мальчика, моего сыночка бандиты подняли на вилы...

– Почему вы, журналисты, не пишете о том, как насиловали наших девочек?

– Головы насаживали на колья!..

– Когда же нас отправят из этого ада?..

П. Рустамов (все потерял в ту страшную ночь):

«Мне было десять лет, когда нас выслали из Грузии. И вот – снова трагедия. Где нам теперь голову приклонить?..» («Советская Россия» от 13 июля 1989 г.).

Побывал на полигоне и другой журналист – корреспондент «Социалистической индустрии» В. Михайлов, который говорил с теми, кто вынужден был покинуть землю, ставшую родной:

57-летний Наим Музаффаров:

«Я жил в Кувасае с матерью. Когда началась кровавая резня, нам удалось спрятаться у соседей. Лишь после того, как прибыли на помощь солдаты, мы смогли выйти из укрытия. Отвез маму в лагерь беженцев, там же нашел и сестру. Затем попытался разыскать других родственников. И выяснилось – мужа сестры, их сына, брата ее мужа с женой поймали, когда они пытались выбраться из города Маргелан. Мужчин избили и связали, над женщиной надругались на их глазах. Потом по телам мужчин стали ездить на мотоциклах, камнем разбили женщине голову. Облили бензином и сожгли.

Рассказать об этой трагедии матери я просто не смог. Ей 80 лет: она потеряла на фронте мужа и такого удара не выдержит» («Социалистическая индустрия» от 18 июня 1989 г.).

П. Студенкин в своей статье пишет: «Передо мной копия коллективного письма месхов из Ферганы, адресованного президиуму Съезда народных депутатов.

«События в Узбекистане, – говорится в нем, – назревали давно. Просто нелепо говорить о какой-то клубнике на рынке, ставшей, якобы, яблоком раздора. Да эту глупую базарную историю знает весь Узбекистан. Власти ничего не сделали для

нашего спасения: бездеятельность милиции, нейтралитет властей, ненаказуемость за преступления и дикие зверства окрылили бандитов. Из города в город покатилась страшная лавина погромов. Теперь уже не сотни, а тысячи черносотенцев безбоязненно разгуливали по улицам городов и поселков. Ночь и день полыхали над Ферганой пожарища. И со всех сторон слышались крики о помощи, город стонал от боли и ужаса, а власти молчали. Только 6 июня дали распоряжение вывезти за город полураздетых, голодных, перепуганных женщин и детей.

Кто же виноват в этих бесчинствах? Кому это выгодно? Для чего это делается? Кто ответит? Когда народ узнает истину? Кто остановит мафию? Есть ли в нашей стране сила, которая сможет справиться с ней – всесильной, неуловимой, грозной, кровавой и сказочно богатой? Кто может остановить ее? Неужели наше государство бессильно перед ней?..»

Я уверен, что если у экстремистов не было бы тех трех дней, когда они совершенно безнаказанно творили свои черные дела, то не было бы столько жертв, потому что парни из первых военных подразделений не прибыли бы сюда безоружными (не только без автоматов, но даже без защитных щитов и резиновых палок) и не оказались бы бессильными против бесчинствующих банд...» («Советская Россия», 13 июля 1989 г.).

12 июня были обнаружены останки еще трех жертв бесчинств первых дней. От полученных 5 июня ран в больнице скончался Нурлан Б.

В этот же день в Ташкент прибыли Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков, Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р. Нишанов, секретарь ЦК КПСС В. Чебриков и Министр внутренних дел СССР В. Бакатин. Из сообщений ТАСС: «13 июня в 9 часов утра по местному времени они посетили лагерь турок-месхетинцев под Ферганой. Выступая перед членами местного комитета, Н.И. Рыжков подчеркнул, что руководство партии и страны, М.С. Горбачев явно обеспокоены развитием событий в Ферганской области. Они выражают глубокое сочувствие семьям погибших от рук бан-

дитов и всех пострадавшим. Будет изучена возможность удовлетворения пожеланий турок – месхетинского населения о возвращении их на историческую Родину, откуда этот небольшой народ был выселен без всяких на то оснований в годы произвола и беззакония». (*Как и всегда это были одни слова – Х.У.-Г.*)

«Было заявлено, что для рассмотрения этого вопроса предполагается создать специальную Комиссию в Совете Национальностей Верховного Совета СССР, в работе которой должны принять участие представители всех заинтересованных сторон. Турки-месхетинцы вручили Н.И. Рыжкову обращение.

Затем в лагере состоялся многочисленный митинг, на котором выступили Н.И. Рыжков, председатель местного комитета турок-месхетинцев Алиев и член комитета Фазаилова, участники митинга проводили четкую грань между преступными группами погромщиков и узбекским народом».

«Н.И. Рыжков от имени правительства заверил, что будут приняты все меры для ликвидации последствий ферганских событий, что виновные в злодеяниях непременно будут выявлены и наказаны по всей строгости советских законов».

«Р. Нишанов, выступая перед временным комитетом лагеря беженцев, принес туркам-месхетинцам от имени узбекского народа и руководства республики извинения за трагические события в Ферганской области». («Известия» от 14 июня 1989 г.).

14 июня в Ташкенте состоялся республиканский партийно-хозяйственный актив, обсудивший трагические события в Ферганской области. С докладом выступили Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р. Нишанов, председатель Совета Министров республики Г. Кадыров, которые дали «принципиальную оценку трагических событий» и говорили о «конкретных мерах, направленных на стабилизацию обстановки».

«Не дать разгореться страстям и эмоциям, подробно разобраться в случившемся, строго наказать виновных – такую задачу ставят коммунисты, трудящиеся Узбекистана. Это под-

черкивалось на собрании актива партийной организации республики, на котором выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков» (Сообщение ТАСС).

В выступлении Рыжкова, полном общих фраз о том, что «Советский Узбекистан занимает достойное и почетное место в интернациональной семье союзных республик», трагических восклицаний: «Как же могло случиться, что в Узбекистане сотворилось преступление, потрясшее всю страну?», заверений, что «это не рука народа, а рука преступной нечисти, которая лишила себя права принадлежать к этому народу, носить его историческое и уважаемое имя», проявилась лишь видимость разрешения проблем месхов. Рыжков, выражая сочувствие месхам, сказал:

«45 лет назад народ, пострадавший от сталинского произвола, вы приютили. Его мужчины были в то время на фронте, они храбро сражались за Родину, многие не вернулись домой. У вас были братские отношения, вы делали общее дело. Как же произошло то, чему нет ни оправдания, ни объяснения с позиций здравого смысла?»

Но о виновниках бесчинств он произнес лишь общие фразы, называя их экстремистами. Рыжков признал:

«Нельзя сказать, что ферганские события упали, что называется, как снег на голову партийных и советских органов. Известно, что начиная с апреля нынешнего года, в эти органы поступали сигналы о намечаемых акциях в отношении турок-месхетинцев. На предприятиях стали появляться письменные угрозы туркам, которым предлагалось покинуть республику. В этот же период участились случаи отказов в приеме на работу. Установлен ряд фактов проведения целенаправленных действий по выявлению конкретных мест проживания турок-месхетинцев. В этих целях использовались последние данные переписи населения. В отдельных случаях адреса уточнялись сотрудниками милиции.

Должны были возвысить свой голос против этой опасности наиболее авторитетные деятели культуры, прежде всего

творческая интеллигенция, страстное слово которых может в такие минуты зажигать огонь добра и сострадания в сердцах людей...» («Известия», 16 июня 1989 г.).

Но среди этих общих фраз прозвучала главная, решившая судьбу месхов: было решено их всех выселить из Узбекистана и, по словам Рыжкова: «гражданам турецкой национальности, их семьям, находящимся в лагере беженцев под Ферганой, предоставлена возможность по желанию (!) выехать в районы Российского Нечерноземья. Это, конечно, временная мера, вызванная чрезвычайной ситуацией, сложившейся в этом лагере...»

Рыжков сообщил также, что в «Совете Национальностей создается депутатская комиссия, в том числе по национальной политике и межнациональным отношениям. Обозначена необходимость первоочередного решения национальных проблем ранее незаконно репрессированных народов...»

Действительно, 13 августа 1989 года на съезде в соответствии с постановлением Съезда народных депутатов была создана депутатская комиссия по проблемам месхского населения. Председателем этой комиссии был назначен депутат СССР Л. Горшков. Главное, чем занималась эта комиссия – не решением проблем о полной реабилитации незаконно выселенных месхов, а расселением их в областях РСФСР, определенных для их «временного размещения».

Рыжков говорил о «политических шагах, которые будут содействовать разрешению непростого (!) вопроса турок-месхетинцев». Этот бесправный народ не мог, подобно всем другим народам, наконец-то получить полную реабилитацию. Именно нерешительность и робость (а может быть, и нежелание) властей, ответственных лиц предоставить всем народам полные права, их боязнь пойти навстречу чаяниям и желаниям народов получить свободу, самоопределение, забота о том, чтобы положение оставалось «стабильным» (читай – прежним), привели к межнациональным конфликтам. Более всего власти беспокоило не само решение национальных конфликтов, а то, останутся ли они у власти. Отсюда все эти набившие оскомину формулы и фразы: «Республиканская партийная организа-

ция даст принципиальную оценку...», «восстановить доброе имя республики...» и т.д. Именно эта показуха, покрывательство друг друга, ложь как раз и привели к вспышке национальных страстей. События в Фергане ясно показали, что государство не в состоянии защитить своих граждан от массовых погромов.

Но месхи все же и тогда надеялись на свое государство и на встрече, состоявшейся после актива, от имени своего народа вручили Н.И. Рыжкову Обращение.

Это Обращение от имени месхов-мусульман к высшим руководящим органам Советского государства о немедленном создании Комиссии при Верховном Совете СССР по расследованию событий в Ферганской области и решению наших проблем было зачитано также в Доме научно-технической пропаганды в Москве, где состоялась пресс-конференция, посвященная проблеме месхов в связи с трагическими событиями в Фергане. Под Обращением поставили подписи многочисленные представители месхской общественности.

13 июня в пресс-центре оперативной группы внутренних войск МВД СССР в Ферганской области состоялся брифинг, на котором местными силами в открытую выражалось недовольство тем, что войсками МВД было применено оружие против «мирно настроенных людей»(!!!). В ответ на это начальник Главного управления внутренних войск МВД СССР, генерал-полковник Ю. Шаталин, присутствовавший на брифинге, сообщил: прокуратура Узбекской ССР признала применение внутренними войсками оружия и специальных средств в ходе событий в Ферганской области во всех случаях оправданным. А в общем и целом – недостаточным. Так, огнестрельное оружие против вооруженных бесчинствующих экстремистов (и уж никак не против «мирно настроенных граждан») применялось четыре раза, слезоточивое средство – трижды. И это – когда в области творились самые разнузданные бесчинства, совершались акты подлинного вандализма. Экстремисты занялись чуть ли не массовым террором... Цель предельно ясная: поддерживать напряженность, разжигать страсти, внушать людям

страх и недоверие. Только вот как быть тогда с почти сотней жертв террора, убитых и замученных самым бесчеловечным образом – изрубленных на куски, распятых, сожженных заживо? Как быть с изнасилованными, со всеми теми, кого хоронят в эти дни в узбекских кишлаках и городах, и в турко-месхетинских лагерях беженцев? Как быть с правдой – трудной, страшной, жестокой?..» («Известия», 15 июня 1989 г.).

Лишь безнаказанностью можно объяснить провозглашенную на брифинге «гуманность» к преступникам. Корреспондент журнала «Советская милиция», капитан милиции Т. Колганова в связи с этим писала: «Гуманность нужна по отношению к человеку, к личности. Но какая же это гуманность, когда на глазах у стражей порядка убивают или готовятся убить человека?! В Ферганской долине такую гуманность преступники «по достоинству» оценили!

Вот что рассказал командир подразделения Новосибирского высшего командного училища внутренних войск МВД СССР старший лейтенант внутренней службы Владимир Погорельцев.

– В ущелье мы перегородили дорогу экстремистам. «Стой, назад!» – крикнул я им. Никакой реакции. – «Стой, стрелять буду!» Толпа молча движется на нас. Стреляю в воздух и слышу... хохот... Я, лично, против такой гуманности, чрезмерной заботы о правах преступников.

... Помню тревожные лица на улицах поселков, кишлаков, городов Ферганской области:

– Скажите, как долго пробудут еще здесь внутренние войска?

Люди считали, только их присутствие может гарантировать безопасность представителям других национальностей (в адрес которых звучали угрозы) и тех узбеков, кто «посмел» помогать туркам...» (журнал «Советская милиция», № 9, 1989 г., с. 6).

Темные силы, чувствуя свою безнаказанность, продолжали провокации, бесчинства, диверсии и террор. Так, в Кувасее в результате поджога сгорел вагон с имуществом эвакуируемых

месхов и с детскими вещами, собранными местным населением в дорогу своим друзьям и соседям – месхам.

Экстремисты после отъезда месхов из Узбекистана от открытых массовых действий перешли к террору, диверсиям, распусканию слухов. Не последнюю роль в этом играли члены организации «Бирлик», которые свои угрозы направили в первую очередь против тех, кто оказывал помощь месхам. В них стреляли, угрожали расправой, принуждая выехать из республики. Безнаказанность продолжалась...

Всего в ферганских событиях погибли 110 человек, более полутора тысяч человек получили огнестрельные, ножевые, другие телесные повреждения, в том числе 137 военнослужащих внутренних войск и 57 сотрудников милиции, 41 человек госпитализированы. Разгромлено и сожжено более 1050 объектов, 753 жилых дома, 27 государственных объектов, административных зданий, 275 единиц транспортных средств. Десятки тысяч людей остались без крова. Изъято 7718 единиц оружия. Более 600 человек привлечены к уголовной ответственности. Было возбуждено более 60 уголовных дел, 20 из них – за наиболее тяжкие преступления, связанные с садистскими убийствами людей. Нанесен громадный материальный ущерб, который, по самым приблизительным подсчетам, составил более 300 миллионов рублей... А моральный? И кто же были те, кто совершал эти страшные преступления? Многие, и не без основания, считали, что задержаны лишь случайные люди из бесчинствующей толпы. Что зачинщики беспорядков находятся на свободе. Следствием было установлено, что в погромах, поджогах участвовали не только бандиты-уголовники и мафия. Позже сотрудники МВД Узбекистана провели выборочное региональное изучение одной из групп: 18 процентов – интеллигенция, 27 – жители села (среди которых 97 процентов – члены одного колхоза), 13 – водители (в том числе более половины работают на одном автопредприятии). И только 20-25 процентов – ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности лица!

Но, в противоречие с этими сведениями следственных органов, первый секретарь Ферганскобо обкома партии Ш.

Юлдашев в интервью корреспонденту «Правды» А. Каипбергеновым сказал: «События показали, что мы столкнулись с тщательно спланированной и подготовленной акцией. Сейчас у нас имеется около 40 перехватов оперативной радиосвязи между бандитскими группами, которые координировали свои действия. Костяком формирований были люди с уголовным прошлым, а за ними стоят ярые националисты, поддержанные поборниками создания «панисламского государства». Таким образом, состоялась смычка реакционных сил, готовивших дестабилизацию обстановки не только в Ферганской области, но и в целом обширном регионе. Межнациональный конфликт был лишь ширмой. Турки-месхетинцы оказались жертвами провокаций с политическими целями...

Наибольший разгул беззакония пришелся на те дни, когда народные депутаты, руководители областей и республики были в Москве...» («Правда» от 24 июня 1989 г.).

Кроме сотрудников органов внутренних дел в рядах погромщиков оказалось немало руководителей предприятий, организаций, школ. Среди наиболее активных участников, увы, было немало представителей интеллигенции, членов неформального объединения «Бирлик»... Погромы совершались после митингов с экстремистскими лозунгами. В руках погромщиков были зеленые знамена ислама, с которыми они шли на погромы и поджоги. Они разбрасывали листовки с религиозной символикой за подписью ранее неизвестной организации «Священные узбеки».

«Как рассказал начальник Главного управления уголовного розыска МВД, генерал-лейтенант В. Панкин, есть оперативные сведения о том, что молодежи, участвовавшей в погромах, вручались деньги: по 50, 100 и больше рублей. Существовали даже расценки за убийство, избиение, поджог дома или машины. Отправляясь на поджоги и разбой, большое число завербованных молодчиков употребляли наркотики и алкоголь, а это тоже стоит немало денег» (спец. корр. В. Ардаев. «Известия» от 18 июня 1989 г.).

Многие из тех, кто анализировал события в Ферганской

области, отмечали, что несмотря на кажущуюся на первый взгляд стихийность, действия групп подвыпивших и одурманенных наркотиками молодчиков носили организованный характер. «Тактика действий была продумана, и режиссерская рука в ее реализации чувствовалась во всем, – пишет капитан милиции Т. Колганова, спец. корреспондент журнала «Советская милиция». – В то время как одни группы блокировали партийные комитеты и отделы внутренних дел, другие «действовали» в местах проживания турок-месхетинцев. Их дома поджигались, причем бандиты ни разу не ошиблись: разгрому подвергались только дома турок. Издевались и убивали только их.

Мне пришлось своими глазами увидеть сожженный дом моей бывшей учительницы, русской по национальности. Ее покойный муж был турком.

И еще. По внешности, манере одеваться и даже языку турка трудно отличить от узбека. Более того, дом турка поджигался только в том случае, если его стена не соприкасалась со стеной соседа, человека другой национальности.

При стихийном характере толпы возмущенных людей так не поступают. В Ташлаке многосотенная толпа пошла на штурм райотдела внутренних дел. Работники милиции защищались. Но вот раздались возгласы: «Кого вы боитесь? У них есть приказ – в нас не стрелять!» Это было правдой. И воодушевлял толпу на бесчинства тот, кто об этом знал, кто готовил акцию и подстрекал к участию в ней других».

Но это все были рядовые исполнители. Но кто же были подстрекатели, истинные вдохновители, организаторы и руководители этих погромов, этого черного дела в Фергане? Их имена так и остались неизвестными...

Выступая 14 июня перед активом Андижанской области, Н.И. Рыжков прямо сказал: «Теперь стало известно об участии в погромах отдельных партийных и советских работников. Я хотел бы привести их, снабжавших бандитов бензином и транспортом, поивших юнцов водкой, в лагерь беженцев под Ферганой. Хотел бы заставить их дать ответ ни в чем не по-

винным людям». Но эти «руководители» так и не были названы.

Одна из читательниц газеты «Известия» (от 21 августа 1989 года) писала:

«Вызывают недоумение сообщения, что везде, где появляется напряженность, доходит до открытых столкновений, орудуют преступные элементы, хулиганы в состоянии алкогольного опьянения, одурманенные наркотиками, которых используют какие-то неведомые никому организаторы, к тому же еще неуловимые. Сколько же их в стране, что они смогли лишить покоя целые города, регионы, республики, и не только покоя, но и жизни многих людей, тысячи людей оставить без крова?.. Нет, пора наверное, дать людям полную информацию об истинных причинах, породивших эту ситуацию, об истинных организаторах беспорядков...»

Э. Дидоренко в своем июньском интервью так и сказал: «Полагаю, что будут предприниматься все возможные меры для искажения истины и сокрытия корней, породивших уродливые проявления варварства». Так оно и вышло. Жизнь показала, что все его пророчества сбылись. И если бы к ним вовремя прислушались...

Следственные органы с полной уверенностью утверждали, что в событиях в Ферганской долине закономерно сплелись в неразрывный узел силы и интересы националистических и экстремистских элементов, взяточников всех мастей и оттенков, организованной преступности. Они привели также к заключению о четкой организации массовых преступлений и наличия направляющего центра. Было доказано, что массовый террор был организован широко разветвленным теневым штабом.

По словам руководителя пресс-группы КГБ Узбекистана подполковника А. Благородова, в Ферганской области начали действовать «следственно-оперативные группы из сотрудников Прокуратуры СССР, МВД, в их состав включено было около 50 опытнейших сотрудников органов госбезопасности. Ими было выявлено и передано в органы прокуратуры большое ко-

личество дел в отношении конкретных лиц, обоснованно подозреваемых в участии в погромах, поджогах, убийствах, актах вандализма, а также на тех, кто участвовал в изготовлении самодельного оружия, бутылок с зажигательной смесью. Установлено было немало автомашин, водители которых добровольно или под угрозой перевозили погромщиков по территории области» («Красная Звезда», 24 июня 1989 года).

Но где же были главные виновники?

О том, что они не были выявлены и наказаны, свидетельствуют последующие факты. Прошло восемь месяцев после того, как в Ферганской области заживо сжигали людей в собственных домах, совершали погромы и поджоги. Казалось бы, власти должны были принять все меры, чтобы такого больше не повторялось... Но в Узбекистане еще оставались месхи. И вот 21 февраля 1990 года вандализм повторился снова. Об этом сообщает соб. корр. «Известий» Андрей Орлов:

«На дорогах в Букинском районе Ташкентской области часто встречаются посты милиции, они придирчиво осматривают проезжающие машины.

В четверг здесь стало спокойнее, а еще вчера горели дома. Бесчинствующие молодчики подожгли более тридцати домов и надворных построек турок-месхетинцев.

Опасаясь за свою жизнь, взяв самое необходимое, 2600 турок выехали, еще 1954 человека местные власти разместили в домах отдыха, санаториях, турбазах и в других районах области...

Напряженность возрастает в соседнем Аккурганском районе. Там, как и в Буке, выдвинуто требование выселить турок-месхетинцев.

В связи с создавшимся положением в районах Ташкентской области на внеочередном заседании бюро Ташкентского обкома партии, первый секретарь Букинского райкома партии Х. Пирнапасов освобожден от занимаемой должности. Освобождены также начальник Букинского РОВД А. Худайбергенов и прокурор района Н. Эргашев. Наказаны другие ответственные работники» («Известия», 23 февраля 1990 года).

Но на этом бесчинства не прекратились. А. Орлов передает из Ташкента:

«Несколько дней назад «Известия» сообщили об инциденте в Букинском районе Ташкентской области, откуда были вывезены и выехали более четырех тысяч турок-месхетинцев. Тогда, к счастью, обошлось без жертв, сгорело лишь более тридцати домов и надворных построек. Свыше 600 человек разместили в санатории «Кумышкан» Паркентского района. Дальше события стали развиваться словно по известному сценарию.

Вначале появились листовки с требованием выселить турок-месхетинцев. Руководители Ташкентской области и правоохранительные органы пытались снять напряженность, вели беседы с местными жителями, но это, как видно теперь, не дало результатов. И 3 марта группы людей с утра начали собираться в центре Паркента.

Около десяти часов здесь открылся несанкционированный митинг, в котором участвовали от 4 до 5 тысяч человек. Затем толпа предприняла попытку захватить райком партии, ворвалась в здание РОВД. Бесчинствующие молодчики разгромили и подожгли его.

Прибывшие на место Председатель Совета Министров Узбекской ССР М. Миркасымов, первый секретарь Ташкентского обкома партии С. Мамарасулов в течение нескольких часов пытались остановить погромщиков. Работникам правоохранительных органов, прикрывавшимся щитами, удалось прорваться к зданию РОВД, деблокировать его и вывести осажденных милиционеров.

Одновременно в санаторий «Кумишкан» стали поступать угрозы по телефону. Пришлось и сюда подтянуть дополнительные силы и на десяти автобусах вывезти всех турок в другой район.

В результате паркентских событий, где правоохранительные органы вынуждены были применить оружие, по данным областного УВД, пострадали 17 гражданских лиц, двое погибли. Телесные повреждения и ранения получили 12 сотрудников милиции, 44 служащих внутренних войск. Один милиционер

погиб. Его, старшего лейтенанта А. Хумсанбаева, толпа избила и затоптала насмерть. Сиротами остались шестеро детей милиционера.

Республиканская и военная прокуратура начали расследование». («Известия от 5 марта 1990 г.).

Еще одно сообщение Андрея Орлова из Ташкента:

«Президиум Верховного Совета Узбекской ССР образовал комиссию по расследованию обстоятельств и последствий массовых беспорядков происшедших в Паркентском районе 3 марта.

... Секретарь ЦК Компартии Узбекистана Э. Хамидов заверил, что комиссия досконально во всем разберется. Он отметил схожесть событий в Фергане с нынешними. Есть силы, которые разжигают межнациональные конфликты. К сожалению, до сих пор не выявлены организаторы погромов в Ферганской области, хотя уже осуждены десятки рядовых участников» («Известия» от 8 марта 1990 г.).

Этот же вопрос: «... Почему мы до сих пор не знаем поименно тех, кто организовал погромы и убийства, сеял ненависть и вражду между народами?» – задает в своей книге «Запах гари и горя. Фергана. Тревожный июнь 1989-го» Л. Студенкин. Он здесь же пишет о месхах и их судьбе: «Этот народ, сполна хлебнувший из чаши сталинской национальной политики, вновь оказался жертвой кровавого террора в Фергане... После трагических событий, считают, что их народ – «без роду и племени» – как нельзя лучше подходил для экстремистской акции из-за своей беззащитности, малочисленности и распыленности...» (с. 31). Приведем еще несколько цитат из этой книги:

«Сейчас по прошествии многих лет каждый из нас вправе спросить: по чьей прихоти свершилось это страшное беззаконие? Нет ли связи между этими событиями, отстающими друг от друга на десятилетия? Почему такое стало возможным в нашей стране? В состоянии ли государство защитить своих граждан от массовых погромов? Кто ответит за все это?

... Десятки тысяч людей не верят партии, Советской власти, и чем может обернуться это для нашего государства?» (с. 101).

«Несомненно и то, что бывший первый секретарь ЦК КП Узбекистана Р. Нишанов повинен в неконтролируемом развитии событий. Назначение этого человека на должность Председателя Совета Национальностей, увод Съезда от принятия решения по Фергане – это такой же парадокс, как непринятие законов по поджигателям, мародерам, убийцам и насильникам при огромной мощи органов, сконцентрированных в области, как и разгром группы прокуратуры по расследованию коррупции» (с. 102).

После ферганских событий многие жители Узбекистана не коренной национальности решили как можно быстрее покинуть эту республику, зная на примере турок-месхетинцев, что власти их не смогут защитить. Кому хочется умереть страшной смертью в собственном доме?

С болью и горечью, но надо признать: цели своей экстремистские силы – все те, кто заварил эту крупную кашу, – достигли. Месхи, лишившись крова, имущества, а многие потеряв родных и близких, вынуждены были окончательно покинуть Узбекистан.

В редакцию «Правды» пишет ветеран войны и труда Василий Иванович Воронов: «Почему же правительство Узбекистана не смогло решить этот вопрос, ведь судя по сообщениям печати, положение в Фергане нормализуется, а раз так, зачем же эвакуировать турок?»

Эвакуация беженцев из Ферганы, из всего Узбекистана... В лагерь беженцев на военном полигоне под Ферганой ехали многие в поисках близких, друзей и добрых сосоедей, чтобы попрощаться с ними.

Вот один из них:

«Я – русский, зовут меня Николай. В Фергане родился и вырос, обзавелся семьей. Жена узбечка. Так что нам, казалось бы, опасаться нечего. Но это лишь на первый взгляд. Дело в том, что у меня много друзей среди турок-месхетинцев. О назревавших событиях мы знали заранее. Я предложил орга-

низовать отряды самообороны, но ни партком, ни милиция меня не поддержали. «Живите спокойно, – говорили они. – Ничего не случится. А если хулиганы и попытаюся напасть – мы вас защитим». Но не защитили. В дни кровавых погромов я помогал своим соседям спастись от озверелой, накачанной наркотиками толпы. И вот теперь не проходит дня, чтобы мне не звонили, не угрожали расправой. Сейчас приехал, чтобы попрощаться с друзьями, хотя убежден, что их эвакуация из Ферганы – не самое правильное решение. Если местные власти будут добросовестно выполнять свои обязанности по охране граждан, а мы, жители города, окажемся едины, как это всегда было в прошлые годы, мы способны дать отпор бандитам» («Социалистическая индустрия» от 18 июня 1989 года).

Месхи помнят много случаев, когда русские, татары, армяне, узбеки помогали им, прятали их в своих домах, защищали. Они вспоминали, как под топором бандитов пал милиционер-узбек, прикрывавший отход молоденькой месхетинки... Нет, не простой узбекский народ устроил эту дикую расправу над несчастными, вечно гонимыми месхами...

21 августа в «Известиях» под рубрикой «Читатели о межнациональных отношениях» было помещено следующее письмо:

«Пишет вам с огорчением, на глазах слезы, житель Ташкента. Пишу после того, что произошло в Фергане. Да будут прокляты эти дни. Не верю, что события нельзя было предотвратить. От нас уезжают турки-месхетинцы. Оставляют свои дома. С ними уезжают мои близкие друзья. Я часто бываю у них, успокаиваю. Но они никому не верят. Слухи и паника все разъедают. Почему же молчат местные власти, партийные работники? И где гарантия, что дальше все будет мирно? Сам читал листовку с угрозами. Я – узбек. Мне стыдно, мне – позор. К. Азимов. Ташкент».

Анатолий Головков свою статью «Затмение», напечатанную в «Огоньке» (1989, № 29), посвященную событиям в Фергане, начинает так:

«Пишу: а вслух слова не выговариваются, застревают в

горле. Неужели такое – в Узбекистане, который стал домом для многих народностей, который всегда славился добротой и гостеприимством? Нет, я не о «дастарханной дипломатии», когда местные сиятельные вельможи потчуют московских в тени чинар. Я о том, что сам многократно видел и испытал: если в семье узбекского дехканина осталась всего одна лепешка, он разломит ее на половинки, поделится с гостем... Я не о тех, что за годы приписок и тотального воровства нахапал миллионы и теперь не знает, как их «отмыть», кто по-прежнему норовит сунуть сверток с банкнотами первому же инспектору угрозыска... Я о тех, кто оказался в положении безгласности, беззащитности. У кого одно право – гнуть спину на хлопковых плантациях по 14-16 часов в сутки, право влачить существование на выжженной земле, на дне убитого Арала; о тех, кого десятилетиями воспитывали в духе преданности, покорности мелкому и крупному начальству... О женщинах, которые попав в невыносимые условия жизни, обливают себя бензином и подносят горящую спичку к одежде... Я – о диковинной разновидности жизни под красными знаменами».

После событий в Фергане А. Головков взял интервью у Гайрата Кадырова, премьер-министра республики, который «рассчитывал на то, что можно будет съездить в Россию, еще раз извиниться перед турками-месхетинцами (это, наверное, выглядело бы так: «Извините, что вас, турок, немножко поубивали, а потом заставили второй раз на протяжении полувека перебираться на новое место!»). На вопрос, как же решить вопрос с местожительством месхов, Кадыров ответил: «Решить потребности лиц, которые были вселены в Узбекистан во время войны – турок-месхетинцев, крымских татар, немцев Поволжья – безусловно, надо». Но как? «Надо, – говорит Кадыров, – сначала проработать эти вопросы, потом вынести предложения на Съезд народных депутатов...» («Огонек», № 29, 1989 г.).

Корреспондент «Социалистической индустрии» В. Михайлов в лагере беженцев под Ферганой говорил с разными людьми. Вот их высказывания:

«Я – Рашид, узбек, мне двадцать девять лет. Я с друзьями помогал соседям месхетинцам спасти их семьи, спрятаться. Ведь ни для кого не были секретом не только предстоящие погромы, но и время, на которое они были назначены. Все попытки заручиться помощью властей наталкивались на успокоительные ответы».

Говорит Мугришах Анваров, 42 года:

«Те, кто устроил этот кошмар, могут торжествовать. Они вынудили наш народ вторично стать изгнанниками...» («Социалистическая индустрия» от 18 июня 1989 г.).

Уже 15 июня шли репортажи из Ферганской области о том, что происходит массовый выезд турок-месхетинцев из Узбекистана, в том числе из Ташкентской области в центральные области России («Известия», 15 июня 1989 г.).

И вот так заканчивает свою статью Анатолий Головков:

«... Когда самолет лег на обратный курс, всем казалось, что запах гари, йода, сожженной человеческой кожи еще витает над головой. Солдаты спали на тюках одеял, на скатках шинелей в обнимку, как дети. Не спал лишь юноша, турок-месхетинец, которого когда-то нарекли по имени могучей религии его народа – Исламом.

Солдаты летели домой, Ислам – от дома. Он глядел в одну точку и думал...

Он вернулся в Фергану, тоже отслужив в армии, с «дембельским» чемоданом, в котором вез гостинцы родне и соседям по махалле, где родился и вырос. Он увидел вместо дома обугленные развалины. Тогда Ислам заплакал. Потом пришли соседи-узбеки, а также соседи-евреи, татары и, пряча глаза, сказали, что его семья теперь живет где-то под Смоленском.

От имени правительства ему выдали деньги и помогли пристроиться в военный транспортный самолет. Это все, что республика могла для него сделать, а он и не просил большего» («Огонек», № 29, 1989 г.).

До начала вандализма в Узбекистане проживало примерно 27 330 семей или же 191 850 человек. К концу июня 1989 года число беженцев отсюда достигло 100 тысяч человек. По-

чти все месхи, жившие в Узбекистане, в экстренном порядке были вынуждены покинуть пределы всегда славившегося своим гостеприимством Узбекистана, бросив свои дома, нажитое годами добро... Эвакуировали месхов, многие из которых трудились в Узбекистане на самых тяжелых работах – обрабатывали хлопок, укладывали асфальт...

Ждать отправки в Россию им пришлось в лагере беженцев на территории учебного центра одной из воинских частей под Ферганой. Условий для проживания людей здесь практически не было – обустраивались, кто как мог, но с точки зрения безопасности лучшего места, чем это, тогда не было. Помогали им, естественно, по мере сил и возможностей: солдаты, несущие службу на полигоне, уступили им свои казармы, сюда были доставлены палатки, налажено снабжение пищей и водой, развернут полевой госпиталь на 200 мест. Сюда были вывезены месхи со всего Узбекистана. Ввиду невозможности дальнейшего пребывания большой массы людей, особенно детей, стариков и женщин, в лагере, где отсутствовали самые элементарные социально-бытовые условия, было принято решение срочно эвакуировать их в ряд областей Центральной России. К 13 июня уже было вывезено 2 948 человек! А на 20 июня в РСФСР было эвакуировано 16 тысяч месхов. Их везли в Курскую, Смоленскую, Воронежскую, Белгородскую, Орловскую, Брянскую, Ярославскую, Волгоградскую области. 18 июня поздно ночью улетел последний ИЛ-76 с месхами из Узбекистана. За сутки в центральные районы России вывозили 2300 человек. Таким образом, в кратчайшие сроки авиаторы эвакуировали 16 282 человека.

Прямо на аэродромах российских городов беженцев ждали полевые кухни, врачи, колонны автобусов с эскортом ГАИ. Затем их везли в затерянные в степях опустевшие зоны, в колхозы, совхозы...

Один только вид прибывших людей, отчаявшихся, измученных, многие из которых потеряли близких и родных, не мог не вызвать сострадания и участия в их многострадальной судьбе. У большинства с собой не было никаких вещей, докумен-

тов. Многие – в рваной одежде, дети – босиком. Встречавшие при виде их не могли сдержать слезы.

Прибывшим были немедленно выданы бесплатно новые вещи, одежда, обувь, был организован сбор вещей у населения: люди несли кто что мог. Всем нуждающимся была оказана необходимая медицинская помощь.

Почти две тысячи человек приняла Смоленская область.

«Многострадальные люди... Слезы выступают на глазах, когда видишь, как выбираются они из темных зевов транспортных «Илов». С детишками на руках, поддерживая стариков, с немудрящим скарбом на плечах. В Смоленской области, куда 13 июня 1989 года прибыли первые беженцы, стараются сразу окружить их заботой, вниманием. Обстановка там, в Фергане, была такая, что многие пострадавшие прибыли на самолетах в чем смогли выбежать из дома, без скарба. Какой там скарб?! Скорбь, сожженные дома, убитые родственники остались там, позади, в прошлом... Нелегко будет перевернуть эту трагическую страницу. Но надо!» («Правда», 19 июня 1989 г.).

Председатель Смоленского облисполкома А. Орлов в интервью сказал, что пустующих домов в области много. Есть возможность принимать людей, но условия жизни – трудные. На Орловщине 20 процентов прибывших разместили в новых домах, 35 – в домах жителей, переехавших в город, 20 – в спортзалах, остальных – в приспособленных под временное жилье помещениях. В других районах также под временное размещение были выделены клубы, школы-интернаты, спортзалы, свободные частные дома и новые квартиры. Дети беженцев были отправлены в пионерские лагеря. На местах поселения для беженцев было организовано бесплатное питание.

К 18 июня в Смоленской области находилось 2 200 человек, Воронежской – 2 374, Курской – 2 618, Орловской – 7 986, Белгородской – 3 870, столько же на Брянской земле.

Месхам было сказано, что это временное место их поселения. Но желающим остаться на постоянное жительство предлагались долговременные ссуды на жилищное строительство. Например, директор совхоза «Красная Поляна» Хиславичес-

кого района Смоленщины В. Левитин пригласил в свой совхоз 42 человека, дал им дома. «Это одна большая семья во главе с Алладином Башалаевым. В ней шоферы, сварщики, электрики, строители... Словом, работники. А они нашему обезлюдевшему хозяйству нужны...» («Правда», 14 июня 1989 года).

Также радушно встретили беженцев и в старинном русском городке Дорогобуж, где поселилось 160 человек. Всем предоставили жилье, кому временное, а кому постоянное. В магазинах без денег отпускали одежду, обувь, продукты, сахар.

В области был создан специальный штаб по оказанию помощи беженцам. Их окружали всеобщей заботой, делали все, чтобы люди поскорее вернулись к нормальной жизни, многие сразу же начали успешно работать на фермах, в колхозах, совхозах.

Тепло приняли месхов в Орловской области. В селе Студеновка этого района поселилось 300 месхов. В колхозе «Победа Октября» Хотинецкого района, в котором работали жители Студеновки, не хватало рабочих рук. Острой была проблема жилья. Но скоро здесь выросли 37 домов, которые строили всем миром, в них получили жилье, вместе с очередниками колхоза, и месхи. Женщины сразу пошли работать доярками, некоторые мужчины сели за тракторы, хотя до этого никто из них не имел сельских специальностей. Создали строительную бригаду во главе с прорабом Нуреддином Фоиковым.

«Приезжие старательно трудятся, отвечают добром на добро. Колхоз заметно поправил дела. Если в 1988 году было получено 200 тысяч рублей прибыли, то в 1989 – не менее 1 миллиона. Досрочно перевыполнили план по продаже государству и мяса, и зерна, и молока. Очень хорошо работали по уборке зерна турецкие женщины. Трудно сейчас сказать, как сложится дальнейшая судьба переселенцев. Мнения многих из них выразила учительница Гульсахар Башатова: «Наши родственники живут сейчас в Орловской, Белгородской, Курской, Смоленской... областях. Мы очень благодарны всем, кто нам помогал. Но нация наша, наш маленький народ должен жить на

одной автономной территории, иначе мы потеряем его» («Кабардино-Балкарская правда» от 23 января 1990 г.).

Свою статью на тему о «турках-месхетинцах» в русской деревне Смоленщины спец. корр. «Недели» Светлана Булашова назвала «Не хочу так жить...». Она рассказывает о том, как устроились в Смоленской области беженцы-месхи, о том, как русская деревня, в числе немногих, показала пример того, что значит помочь беженцам пережить беду, помочь достойно, по-человечески, по-братски. «Сама не купаясь в богатстве, делилась она с несчастными людьми немногим, что было у нее. Делилась, вопреки пустым магазинам, бездорожью, мычащим от голода коровам...». Она посетила семью Сулеймана Гаджиева, отца шестерых детей, шофера, поселившегося в одном из сел Смоленщины, в новом трехэтажном доме, рядом с правлением. Большая семья занимала целый подъезд. «На лестничных клетках рассыпаны башмаки и сандалии – мал мала меньше... В доме ходят босиком. В квартирах чисто и голо. Только в главной комнате на полу в центре фанерный некрашеный столик на коротких ножках, вокруг него – цветные подушки и дешевые половики. На почетном месте совхозный телевизор из красного уголка. Есть холодильник – тоже казенный, на две семьи. В доме незримо витает дух неустроенности!

Глава семьи рассказывает: «Что говорить – там у нас все было... Сорок лет добро наживали. Но дом наш сожгли, вещи украли. Двух племянников и зятя убили. Из родных в Коканде теперь никто не живет. Тут нам все дали, спасибо совхозу. Трудно тут люди живут. Мы со многими беженцами общаемся. Они говорят, что мы устроились лучше других. Погода плохая, урожая нет. Мяса не купишь. Бедно. Мы ждем, что нам разрешат вернуться на нашу историческую Родину, в Месхети. Но видно про нас правительство забыло. За что только моя нация так страдает?

– Жить не хочется, – добавляет его жена Памбух. – Сама болею, дети болеют. Холодно нам тут...

Глядя в ее глаза, подернутые тоской, я понимала – эти люди привыкли жить иначе, чем мы. У них своя культура, свои

обычаи. Им нужны школы, где дети учились бы на родном языке. Им не на ком женить своих сыновей. В российской глубинке они оказались оторванными друг от друга бездорожьем, непогодой.

Они южные люди. Любят щедрое, жгучее солнце. Они привыкли к другой пище, другой культуре земледелия. На Руси им холодно, чуждо. Оттого страдают, часто болеют».

Но были среди месхов и те, кто привыкал, приспосабливался к новой обстановке. В совхоз «Красная поляна» Хиславичского района Смоленщины приехали беженцы-месхи из Коканда. Некоторые из них перезимовали и уехали, а тем, кто остался предложили создавать внутрихозяйственный кооператив на арендной основе. Переселенцам из Узбекистана разрешили здесь даже строить свою деревеньку, чтобы дома были под стать их привычкам и обычаям. Мамае Тутиев, эвакуировавшийся из-под Ташкента, стал работать трактористом, был избран в поссовет. Он решил стать здесь первым арендатором.

Он сказал: «После Ферганских событий нас стали выживать. Одному машину сожгли, другого побили... Твердили нам: уходите отсюда – это наша земля. Уехал. Там – одна жизнь, здесь – другая. А так: работай хорошо – и жить будешь хорошо, привыкаю».

Только вот не каждый согласен привыкать. Бывший учитель, нынче разнорабочий, Тельман Халилов не скрывает: ему такая жизнь не по душе.

– Нам дали статус переселенцев, – говорит он. – А какие мы переселенцы? Мы беженцы. Кто возместит нам ущерб? Следствие по ферганскому делу, я слышал, закрыто. Погромщиков и насильников отпустили...

В новом доме у Тельмана пусто: две кровати да телевизор. Да еще двое его маленьких детей без конца болеют ангиной».

«... Передо мной плакал 75-летний старик Мехради Алиев. Инвалид войны. На Смоленщине он воевал. Был контужен. Вылечился. Дошел до Праги. Вернулся в Месхетию, в родное

село – а там ни души. Своих разыскал уже в Узбекистане в Ферганской области. 50 лет проработал в тамошнем колхозе. Отстроил дом. Нажил большое хозяйство. У него 9 детей, 4 внука, 4 правнука, казалось бы выстрадал себе покой... Ничего у него не осталось. Тоненьким казенным одеялом прикрыты его ноги. Он парализован, ходить не может. Выбросили его из родного дома, сожгли его инвалидный «Запорожец». А те люди, что жгли и выбрасывали, живут себе, как ни в чем не бывало. И совесть их не мучает».

Свою статью Светлана Булашова заканчивает следующими словами: «Трагедия месхетинцев страшна. Этот народ убивали и изгоняли самым садистским образом. Людей находили распятыми на заборе, им выкалывали глаза, женщин живьем сжигали в домах... В назидание другим убили 75-летнего старика, отрезали ему голову и вложили в распоротый живот. Этот обезображенный труп привязали на веревке к трактору, возили по деревням. И теперь, когда кто-то винит беженцев, что не могут прижиться на русской земле, мне становится больно. Винить надо других. Есть законы, они должны выполняться. Безнаказанность рождает новые преступления... (Смоленская область. – «Неделя» № 33 от 13-19 августа 1990 года).

Кое-кто из беженцев, действительно, приспособился, приступил к работе, начал строить дома.

Но большинство беженцев желали жить компактно. Не могли приспособиться к холодному суровому климату... Они стремились поближе к своим родственникам, к собратьям, поближе к своей южной родине. Поэтому многие двинулись на Кавказ, на Кубань. Тех месхов, которые приехали на Кубань к своим близким и родственникам – 170 человек – не захотели принимать.

«Тем временем поступила новая информация: 20 человек прибыли «самоходом» в город Белореченск... Без сомнения, так работать служба отправки не должна. В гостеприимстве людям, разумеется, никто не откажет. Однако приютить – это значит стабильно устроить жизнь, дать работу. Все это возможно только в тех регионах, в которых к этому готовятся». А. Колесников.

Эта публикация в газете послужила сигналом не принимать семьи беженцев, спасавшихся от узбекского погрома, временно едущих к своим родственникам, проживающим на Северном Кавказе.

Так, несколько семей приехали в Краснодарский край. Они купили дома крымских татар, которые уезжали в Крым. Как только об этом узнал работник участковой милиции старший лейтенант Аракелян, он сделал все, чтобы выдворить месхов из края. Воспользовавшись тем, что месхи плохо знали русский язык, он обманным путем, говоря, что это нужно для получения ими топлива, сахара, мыла и т.д., собрал с них подписи под особыми листками, где они значились как нарушители паспортного режима. Через десять дней всех, кто подписал эти листки, вызвали в район. Председатель райисполкома П. Хабаров решительно заявил: «Как нарушители паспортного режима вы должны или вернуться в Фергану, откуда приехали, или же поехать в Смоленскую область. Здесь мы вас оставить не можем, так как в Краснодарском крае высокая плотность населения...».

Руководство края также объясняло выселение всех месхов, прибывших в Краснодарский край тем, что боится межнациональных столкновений между месхами-мусульманами и армянами, которых в крае проживало около 300 тысяч (См. «Беженцы», Баку, 1990, с. 219, на азербайдж. яз.).

Рассказывает месх, агроном Илимдар Нуриев:

«После той ферганской беды все мы заговорили о нашей Кавказской родине. О ней мы никогда не забывали. Все высланные Сталиным народы вернулись на свои земли из ссылок, кроме нашего народа.

В Грузию поехали сначала несколько наших представителей. Мы-то знали, что там нас не очень ждут. Так и вышло. Им сказали, что размещать месхов негде, что работы для них нет, а с жильем вообще состояние кризисное.

Тогда некоторые из нас попытались осесть по соседству с родными горами. Я, например, купил себе за 13 тысяч рублей дом в станице Кубанская Краснодарского края. И что же получилось?

Мне отказывают в прописке, а хозяйку дома Р. Ведерникову народный суд Апшеронского района заставил вернуть мне деньги, лишь бы не допустить нашего вселения. Вот так и пришлось убираться подальше» (газ. «Союз» № 34, август 1990 г.), Позже И. Нуриев остановился на станции Славянск Донецкой области, где был принят на работу в овощеводческий совхоз «Червонный молочар». Вскоре в этом совхозе поселилось около тысячи месхов, и благодаря их труду совхоз из отсталого превратился в один из передовых. Корреспондент «Известий» Николай Лисовенко, побывавший в этом совхозе, пишет:

«Месхи – участник Великой Отечественной войны Казим Мамедов и Афраил Мамедов – во время нашей беседы сердечно благодарили всех украинцев за то, что они приютили месхетинцев в тяжелые для них дни. 70-летний Афраил еще является и муллой в переселенческой общине. Да, людям очень трудно. И к тому они не устают повторять:

– Мы люди Кавказа. Там наша Родина. Пока мы живы, пока живы наши дети и внуки, мы будем стремиться туда, откуда нас 15 ноября 1944 года вероломно вывезли в ссылку сталинские палачи. Ведь теперь время возвращения справедливости. Мы ее тоже хотим дождаться» («Союз», № 34, август 1990 г.).

Надежды на справедливость только и грели сердца месхов, а пока этот несчастный народ гоняли с места на место.

Газета «Кабардино-Балкарская Правда» (1 ноября 1989 г.) про беженцев писала так:

«... В селе Нартан живет большая группа турок-месхетинцев, которые обосновались здесь полтора десятка лет тому назад. Газета наша неоднократно писала о том, как они живут и трудятся. Турки-месхетинцы стали добрыми соседями и преданными друзьями.

Но нынешним летом эта дружба подверглась серьезной опасности, чреватой большими неприятностями...» Все происходило в трагические дни событий в Ферганской долине. Гонимые горем в Нартан, к своим родственникам приехали более 50 месхов. По селу поползли слухи, что по разрешению республиканских, районных и сельских властей в село приедут на постоянное жительство еще сотни семей месхов, что им передадут выделенные для молодых семей села приусадебные участки.

Народ был взбудоражен. Молодежь, особенно те, кто годами стоял в очереди за получением небольших земельных участков для строительства дома, была готова на любые непредвиденные действия. В село приехало руководство района. На вечер был назначен сход жителей села, но обстановка была так накалена, что до вечера мог произойти взрыв. Поэтому первый секретарь райкома и другие стали объезжать каждый двор, говорить с людьми.

Месхам было объяснено, что село перенаселено, и поэтому не может принять на постоянное жительство приезжих. Что задерживаться им здесь опасно и необходимо выехать «в определенные им правительством места». «Поняв обстановку, гости мирно уехали из села. И это во многом предотвратило возможную беду. Коренные жители успокоились...»

В те дни Н.И. Рыжкову было передано следующее заявление беженцев:

«Николай Иванович! Мы, представители этого народа, вынуждены Вам сообщить, что после погромов против нашего народа на Ферганской земле, обстановка в других областях Узбекистана резко обострилась. Для нагнетания обстановки против нашего народа была включена секретная провокационная машина средств массовой информации. Вслед за ними – открытые выступления и митинги, разные угрожающие листовки, враждебные слухи, отказ руководителей дать гарантии сохранения жизни нашему народу. Нас принудили покинуть годами обжитые места и бежать кто куда ради спасения жизни. Свидетельством желания избавиться от нашего народа явилось то, что руководство Узбекистана «пошло нам навстречу»: быстро находились запасные контейнеры, выдавались дополнительные вагоны, как пассажирские, так и товарные, без задержки нас снимали с паспортного учета, оформляли трудовые книжки и т.д., то есть создавали все условия, чтобы толь-

ко как можно скорее мы покинули территорию Узбекистана.

Таким образом, сложившаяся обстановка принудила в течение пяти дней покинуть пределы республики следующее количество семей: из Самаркандской области – 1 310; из Сырдарьинской – 960; Ташкентской – 567; Ферганской – 2 705; Андижанской – 290; Наманганской – 150; Бухарской – 100; Кашкадарьинской – 50. Всего: 6 122 семей или же 36 732 человека.

В данный момент наши люди ютятся у родственников и знакомых по 10-15 семей в каждом доме в Краснодарском, Ставропольском крае, Азербайджанской ССР, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областях, в Грузинской ССР.

Однако большое количество людей находится без жилья, без прописки, в жалком состоянии. Обеспечение жильем и снабжение продуктами питания вызывает обеспокоенность и закономерную тревогу у руководителей вышеуказанных краев и республик. С целью предотвращения непредвиденных негативных явлений, руководство вышеуказанных краев и республик предложило им в течение считанных дней покинуть их территорию.

Николай Иванович! Обращаемся к Вам с просьбой помочь нам в нашем безвыходном положении, так как деваться нам некуда. В Узбекистан возвращаться – это значит поставить в опасность жизнь своих детей и нас самих.

Исходя из вышеизложенного, убедительно просим Вас:

1. До выяснения нашего главного вопроса о возвращении нашего народа на историческую Родину, дать указание Совмину Азербайджанской ССР и исполнительным комитетам Краснодарского, Ставропольского краев и Совмину Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской автономных областей, а также Совмину Грузии не выгонять беженцев с их территории. Фонды продовольствия перебросить из Узбекской ССР в указанные регионы.

2. Обязать Совмин Узбекской ССР в кратчайшие сроки принять наши дома на баланс коммунального хозяйства и расчет произвести из средств жилстроительства и благоустройства территории, так как без присмотра оставлять дома в данной ситуации опасно.

15 июня 1989 года. Председатель беженцев, член ВОК Мамедов Расул».

Но ни на это, ни на другие заявления и Обращения на имя Председателя Совета министров СССР Н.И. Рыжкова о положении беженцев никакой реакции не было.

И всех беженцев, прибывших в Кабардино-Балкарию, как из села Нартан, так же и из Шитхала, Черная Речка, Нарткала, Псыкод и т.д., сначала собрали в совхозе «Опутни» Терского района, а оттуда с железнодорожного вокзала Прохладный отправили в сторону Баку.

Так же поступали с беженцами по всей территории Северного Кавказа и Грузии, кроме Чечено-Ингушской АССР.

Все беженцы, гонимые горем с моря и суши, собирались в Азербайджане. В июле 1989 г. число их достигло здесь 70 тысяч человек. Правительство и народ Азербайджана, руководствуясь принципом интернационализма, не стали прогонять месхов со своей территории. Только предупредили, что в республике находятся еще 200 тысяч беженцев из Армении, поэтому она не имеет возможности помочь месхам с жильем и оказать им экономическую помощь.

Таким образом, если до ферганской трагедии в Азербайджане проживало 40 тысяч месхов, то к середине июля число их достигло уже 100 тысяч.

И всего лишь 10 тысяч беженцев-месхов нашли себе убежища на территории РСФСР.

Говорит месх Камалов Максуд.

«Я из селения Цнисси Ахалцихского района Грузинской ССР. Мы жили в городе Фергане, ул. Шакирова, 34. Во время трагических событий в Фергане многих убили, мы чудом остались живы.

Из лагеря беженцев нас самолетом привезли в Тульскую область и там распределили по колхозам и совхозам. Повели нас в дома с заколоченными окнами, провалившейся крышей, с запущенными, заросшими сорняками дворами. Бездорожье

– 20 км от райцентра. Бедный колхоз. Привезли и сказали: «Живите в этих заброшенных, покинутых домах». Мы кое-как пожили там месяц, а потом оттуда уехали к своим родственникам. Сейчас живем в совхозе «Ак-Койнак» Казахского района Азербайджанской ССР.

Большое спасибо азербайджанскому народу за то что он, в отличие от других народов, не выгнал нас со своей земли. Нас – 4 хозяйства, живем в одном доме. Но... с большой надеждой ждем справедливого решения нашего вопроса...»

Когда-то месхи при нашествии турок на Грузию, закрыли собой всю страну, взяли «удар на себя», остановили их поход в глубь страны, были подвергнуты насильственному омусульманиванию, но благодаря их страданиям остальная Грузия могла существовать, развиваться и процветать. И на этот раз в Фергане месхи «взяли удар на себя» не стали «союзниками» погромщиков в Узбекистане, спасли остальные народы от насилия и стали жертвами мести убийц, палачей и насильников в Фергане.

Темные силы в Узбекистане хорошо знали, что месхи, как «турки» являются самым незащищенным народом в СССР, который не только не пользовался всеми правами, как другие народы, но даже не удостоился того, чтобы его правильно называли. Поэтому так безнаказанно действовали убийцы и палачи и, уничтожая наш народ, они сеяли страх в других некоренных народах Узбекистана, вынуждая их, бросая все, бежать из республики. Мой народ принял на себя всю тяжесть, весь ужас последствий националистического удара узбекских экстремистов.

Месхи на три дня 3, 4 и 5 июня – были отданы во власть вандалов XX века. В эти дни убивали детей, сжигали стариков, насиловали девочек и молодых женщин, затем истязали их, отрубали руки, ноги, головы насаживали на колья... А после этих трех дней от вандализма нас защищали безоружные солдаты.

И все это за то, что мы являлись «турками».

110 человек были убиты, более полутора тысяч ранены.

Никто не может назвать точную цифру наших братьев и сестер, пропавших без вести в этой нечеловеческой бойне. А затем вандализм продолжился в других областях Узбекистана.

Мы преклоняемся перед вашим подвигом, мы склоняемся перед вашими могилами, мои земляки, месхи, оставшиеся один на один с озверевшей ослепленной толпой преступников и подонков, не получившие защиту ни от властей, ни от войска, ни от жителей, с которыми они 45 лет прожили в дружбе и согласии...

Кто несет ответственность за это злодеяние? Кто истинный виновник этих неслыханных в мире погромов? Не те ли, кто знал о готовящихся актах насилия и не остановил погромщиков, а сидел в кабинетах обкомов, горкомов, райкомов и наблюдал как истребляют безвинных и беззащитных людей?! Мы не раз выдвигали требования объективного расследования наказания истинных виновных в погромах, не только тех, ослепленных национализмом, лживой пропагандой и провокациями, доведенных до отчаяния нищетой невежественных людей, или преступные элементы, которых нетрудно было отыскать и посадить на скамью подсудимых. Этим все и удовольствовались... Но до сих пор мало кто верит, что главные виновники погромов будут названы и по сраведливости наказаны. Ведь недаром именно в тот момент, когда в Фергане убивали и жгли месхов, в Москве Председателем Совета Национальностей СССР был избран первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р. Нишанов, тот, кто больше других нес ответственность за события в республике, за неудовлетворительное, нет, нечеловеческое положение в республике с межнациональными отношениями. И от него должна была зависеть теперь судьба народа, подвергшегося насилию в республике, возглавляемой им, от него зависело выявление причин и истинных виновников погромов! Подобный парадокс явился продолжением того же насилия и несправедливости к нам, которые начались с времен нашей высылки в сталинские времена.

Бесчеловечность, жестокость погромщиков в Фергане привела к тому, что более 100 тысяч беженцев из Узбекистана

превратились в бездомных кочевников. В поисках убежища и пристанища они скитались по «чужим дворам» всей территории бывшего Советского Союза. Везде их встречали с презреньем и ненавистью. Так же встретили их тогда и в Грузии, правительство которой через телевидение, радио, печать стало вести антимесхскую кампанию, проводить «обработку мозгов» простого народа с тем, чтобы не допустить месхов-мусульман на свою исконную родину – в Месхети.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
МЕСХИ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ В ФЕРГАНЕ

Естественно, что после кровавых событий в Фергане, гонимые и обездоленные месхи-мусульмане обратили взоры на свою исконную родину – Грузию, в Месхети всей душой рвались туда, откуда в 1944 году их выслал Сталин. Но Грузия крепко закрыла перед ними двери. Многие неформальные организации республики вполне определенно заявили: «турок» в Месхети не пустим – это наши земли. Пусть едут в Турцию.

15 июля 1989 года радиостанция «Немецкая волна» сообщила: «Турция готова принять несколько тысяч узбекских жителей турецкой национальности». Сказано это было со ссылкой на государственного секретаря Конукмана, ведающего делами беженцев. Но все дело было в том, что Турция месхов не признавала «турками».

Основная масса месхов не смогла прижиться в суровых условиях центральной России и стремилась вернуться в Грузию. После Ферганских событий мы обратились в ЦК КП Грузии со следующим Обращение:

«Первому секретарю ЦК КП Грузии тов. Гумбаридзе Г.Г.

От группы представителей грузин-месхов.

Сегодня мы обращаемся к Вам с целью еще раз напомнить о нашей кричащей, безотлагательной проблеме, которая в руководящих кругах Грузии до сих пор не находит позитивного решения. Отдавая себе отчет о сложной ситуации в Грузии,

мы считаем, что проблема месхов, тем не менее, является самой актуальной, так как месхи – неотъемлемая часть грузинского народа – находятся в ужаснейшем положении, в особенности после ферганских событий. Тысячи беженцев-месхов в преддверии наступающей зимы обречены на жизнь без крыши над головой. Любое позитивное решение в отношении возвращения в родные места оказало бы огромную моральную поддержку нашему народу. Кроме того, мы крайне возмущены по поводу антимесхской кампании, поднятой средствами массовой информации. Эта кампания, основанная на примитивной лжи и клевете, не делает чести никому. Клевета и ложь по отношению к месхам в полной мере относится и ко всему грузинскому народу, так как, кроме наших врагов, никто не отделяет нас друг от друга.

Возвращаясь к цели нашего Обращения, мы просим Вас отнестись к нашей проблеме объективно и ответственно, учитывая будущее нашей с вами Грузии. Унижение, бедствие грузин-месхов не только боль самих месхов, но и всех честных людей Грузии.

Мы ждем от Вас окончательного решения нашего вопроса и просим вернуть наш народ на свою родину.

С уважением:

1. Халил Умаров-Гозалишвили.
2. К.Б. Двалидзе.
3. Таксим Кочалиев-Рамишвили
4. М. Байтаров-Мазниашвили
5. Фатум Дурснов-Минадзе.

8.09. 89 г., г. Тбилиси».

Но, к сожалению, как всегда, наше Обращение было передано чиновникам, а ответ мы получили от Управления делами Совета Министров Грузинской ССР 21 сентября 1989 г. – письмо за № 7416 следующего содержания:

«Халилу Умарову-Гозалишвили.

Сообщаем, что Ваше заявление переслано на рассмотрение в Госкомитет ГССР по труду и соцвопросам с просьбой сообщить Вам о результатах.

Заведующий группой писем А. Гурджиашвили».

А трудресурсы, грубо говоря, «концы пускают в воду»... А далее все было глухо.

В 1989 году в Грузии проходила перепись населения, согласно которой выяснилось, что грузины не являются большим народом. Численность населения Грузии составила 5 миллионов 443 тысячи человек. В том числе в Грузии компактно проживали: 437 тысяч армян, 308 тысяч азербайджанцев, 164 тысяч осетин, 100 тысяч греков, 95 тысяч абхазов, 33 тысячи курдов, 6 тысяч ассирийцев, а также 341 тысяча русских и т.д. Численность же грузинского населения составляла 3 миллиона 787,4 тысяч человек, на их долю в общей численности населения республики приходилось 70,1 процента. А всего по СССР численность грузин составляла 3 миллиона 981 тысяча человек (газ. «Вестник Грузии», № 32 от 14 марта 1991 года).

Эти сведения должны были заставить серьезно задуматься многих грузин. Ведь в Грузии еще в XIII веке было 5 млн. человек (См. История Грузии, ч. 1, с древнейших времен до начала XIX века. Тбилиси, 1950, с. 261)

Но и этот аргумент не был принят во внимание.

В 1989 году 2-я сессия Верховного Совета СССР приняла декларацию Верховного Совета ССР о признании незаконным и преступными все репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению, и безусловном восстановлении их прав. Декларация должна была стать юридическим актом, дающим гарантии, что подобные действия никогда не повторятся.

А 31 января 1990 года, как бы выполняя задание свыше, на очередном пленуме ЦК Компартии Грузии была принята «Концепция национального развития Грузинской ССР», в которой в разделе «межнациональные отношения» было сказано о месхах следующее:

«... Большой несправедливостью явилась принудительная высылка в 1944 году из Самцхе-Джавахети всего мусульманского населения. Но вместе с тем при решении этой проблемы нельзя не считаться с общественным мнением, отношением к

ней многонационального населения республики.

Следует принимать во внимание и тяжелую демографическую ситуацию, необходимость срочного переселения тысяч семей из районов Сванети и Аджарии, пострадавших от стихийных бедствий, а что самое главное – реальную опасность резкого обострения межнациональных отношений. Исходя из этих объективных реальностей, в перспективе возможно поэтапное возвращение и расселение по всей территории республики тех лиц, которые не утратили грузинского национального самосознания» (газ. «Заря Востока», № 46 от 21 февраля 1990 г.).

Подобное обтекаемое, половинчатое решение означало опять-таки очередной отказ в решении нашей проблемы. В своем Обращении в Верховный Совет в 1990 году месхи писали:

«Как известно, в прошлом году Верховный Совет СССР принял Декларацию о признании незаконными и преступными всех репрессивных актов в отношении выселенных со своей родной земли народов.

С большой радостью был встречен этот документ у нас. Он воспринят, как акт глубоко нравственный и гуманный.

Мы ожидали, что вскоре появятся законы и указы, практически восстанавливающие историческую правду и справедливость... Но увы, мы, как были в высылке, так и остались. Ведь мы 46 лет назад, честно и добросовестно выполняя свой долг перед Родиной, с победой возвращались с войны домой и попали под репрессию.

В течение этого времени многие «бывшие враги народа» помилованы, но мы все еще числимся преступниками. За что и почему? Разве это не является ярким доказательством того, что советские законы не защищают нас? Эти беззакония и произвол еще более усилились в смутные времена затянувшейся перестройки».

До ферганских событий проблема месхов-мусульман всячески замаливалась и извращалась. Фергана выявила эту жгучую, больную проблему, заставила всех услышать, узнать о

ней, всех включиться в ее разрешение.

В журнале «Огонек» (№ 50 за 1989 г.) в связи с ферганскими событиями была опубликована подборка писем под заглавием: «Где сын твой, земля?» Вот некоторые из них:

Майра Салыкова, Семен Яновский:

«Еще год назад их не всегда называли, перечисляя народы, подвергшиеся депортации в период культа личности и до сих пор не вернувшиеся на места своего исторического проживания. Но сегодня, после печально известных ферганских событий, потрясших всю страну, достоянием широких кругов общественности стало еще одно, не разрешенное до сего дня последствие сталинской национальной политики. Вот уже сорок пятый год кочует по огромной стране маленький народ, который называет себя месхетинскими турками...».

Тейфур Абузар:

«Мне было 10 лет, когда нас изгнали. Сам я из Аспиндзского района Месхети, село Хертвеси. Нас выгнали в 12 часов ночи на улицу и держали до 4 часов утра, а потом сказали: «Мы временно вас увозим». Мне мать сказала: «Иди к бабушке», – а бабушка наша жила в другом селе. Я должен был сообщить ей, что нас куда-то увозят. Но как только я вышел на дорогу, меня схватили и бросили в первый попавшийся студебеккер. Отлученный от родителей и родственников, я был привезен в Алма-Атинскую область. Еле выжил в дороге. Рассказывать, что творилось по дороге в товарняках для скота, в которых нас везли, просто нет никаких душевных сил... Я не видел родственников с 1944 по 1948 год. Потом случайно на базаре меня увидела моя тетка, вскоре приехали отец, брат. А позже вернулся из армии дядя. Его вызвали в комендатуру и говорят: «Снимай ордена, погоны». Все это и документы впридачу у него забрали. После этого он сник, проболел год и умер.

Я юрист по образованию, окончил Московскую академию, не хочу никаких должностей, поеду и буду работать на ферме, в колхозе, скотником, кем угодно – только бы вернуться на Родину. Мне больше ничего не надо!»

Кошали Алиев:

«Я лично выселял своего родного отца... Я служил тогда в армии и оказался среди тех солдат, которые занимались выселением турок. И я сам выселял собственного отца из родного дома. Отец мой погиб в дороге, и я даже не знаю, где его могила. Мать умерла от горя. Остались четыре брата и две сестры. Два года я искал их, писал в Москву и нашел их в Казахстане. Так это было.

Вы понимаете, я сам грузил свою семью на студебеккер, четыре семьи на одну машину...»

Вахпи Ахметов:

«В 18 лет меня мобилизовали в Советскую Армию, 23 июня 1942 года. Наша 77-я стрелковая дивизия формировалась в Дербенте. После демобилизации всех солдат встречали с музыкой, а нас кто встретил? Приехали в родное село – никого нет. Правда, через полчаса появились два милиционера, говорят: «Тебе здесь делать нечего. Давай, езжай отсюда...». «Куда?» – спрашиваю. «А они – в Средней Азии». Мол, вся семья твоя там находится. Я четыре месяца искал свою семью, голодный, холодный... Когда нашел, уже почти никого не было в живых, только один брат-инвалид и сноха. Остальные все умерли. За что мы воевали? Неужели даже теперь мы не имеем права жить на родной земле? Ведь ветеранов становится год от года все меньше. Не дали нам жить на родине, так хоть умереть там...»

«В воспоминаниях месхетинцев всех: и тех, кто считает себя грузинами, и тех, кто считает себя турками – это была Земля счастья. Счастья жизни на Родине...

По дороге в Месхети, в селе Хашури живет возвратившийся в Грузию из Средней Азии Бахадыр Матанов. Ему было 11 лет в 1944 г., жил он в Аспиндзском районе, в селе Ошора. Помнит весь этот ужас от начала и до конца. Потом, после снятия комендантского режима, отслужил в армии, окончил институт, работал...

Много лет прошло с тех пор. Он познакомился с грузинской семьей, которая сейчас живет в их бывшем доме. Они стали почти родными людьми. И не оставляло его с тех пор жгучее

желание вернуться. И он вернулся. Правда, живет не в Месхети, но все-таки на родине, в Грузии. Считает, что они, месхи, – грузинского происхождения. Учит грузинский язык. Хотел записаться грузином в паспорте, вернуть себе грузинскую фамилию. И как мы узнали недавно, ему это удалось. Сейчас в его паспорте записано новое имя – Бадри Метонидзе».

«С чего начиналась Месхети для тех, кто решил посетить этот древний грузинский край? С пограничного шлагбаума... Совсем недавно шлагбаум при въезде на территорию Месхети снят. Но проблема, созданная в далеких сороковых годах, еще не решена.

Мы спросили: «Сколько месхетинцев-мусульман сейчас живет в самой Месхети?» В гораде Ахалцихе только один Марат Бараташвили. Сын Латифшаха Бараташвили, посвятившего всю свою жизнь делу возвращения на Родину. Считает себя месхом.

Марат работает в местном каеведческом музее. Он единственный смог вернуться на Родину...

Наш разговор с Маратом был долгим.

«Профессионалы головы ломают, кто мы – грузины или турки? А простому крестьянину что надо? Ему земля нужна, ему семья нужна, ему работать надо, детей растить. Зачем ему политика? Дайте землю, где родился, откуда родом, где предки похоронены...»

Марат Бараташвили говорит об этом, как о самом важном аспекте вопроса.

Пока материал готовился к печати, нам сообщили из Тбилиси, что Марат Бараташвили, поселившийся недавно на родине, там уже не живет. Ему пришлось покинуть край его предков – Месхети».

В том же 1989 году в Москве состоялась неофициальная встреча граждан грузинской национальности с представителями месхов. Вот, как пишет о ней журналист «Огонька»: «Не по всем вопросам было достигнуто согласие. Но главное, к чему пришли и те, и другие – нужно наводить мосты между людьми. И обязательно учитывать сложную ситуацию, которая сложилась в Грузии.

Представители грузинской национальности заявили, что «теперешнее общественное мнение в республике складывается не в пользу возвращения месхетинских турок в Месхети... Грузинскому народу надо дать время разобраться в самом себе».

«Ясно одно – вопросы эти должны решаться спокойно. Нельзя не учитывать реалии сегодняшнего дня. И положение народа, который 45 лет лишен родного очага. Учитывать, что после печально известных ферганских событий десятки тысяч месхетинцев стали беженцами. Нельзя жить без надежды на справедливое разрешение этого вопроса. Но одной надежды мало. Время идет. Подрастают новые поколения. Что ответим на их вопросы завтра? Как посмотрим в их глаза?» («Огонек», № 50, 1989 г.).

Противники возвращения месхов выдвигали ряд причин своего отказа:

1. Трудно отличить курдов, турков, таракама-азербайджанцев от месхов.
2. Где мы их заселим, когда нам самим не хватает земли,
3. Подставим под удар местное, заселенное на их место население.
4. Мы не кончили заселение сванов и аджарцев после происшедших в Грузии стихийных бедствий, у нас нет средств для заселения месхов...

Представителями месхов было доказано, что ни одно из возражений противников переселения месхов критики не выдерживает. Они призывали прекратить бесплодные дискуссии и не делать ошибочные прогнозы.

К сожалению, в тот период ситуация в Грузии не способствовала решению нашего вопроса. Начатый с июня 1989 года вопрос о нашем возвращении на родную землю перешел из рук партийных чиновников в руки бешеной толпы, закон которой гласит: кто громче кричит, тот прав. К этому времени отношение к нам в Грузии изменилось в худшую сторону. Озверевшая толпа объявила многих истинных патриотов Грузии ее врага-

ми, в том числе и нас. Еще в 1988 году испортились наши отношения со Звиадом Гамсахурдиа, который с самого начала поддерживал нашу борьбу за возвращение на родину вместе с другими членами Инициативной группы по защите прав человека в Грузии. 10 июня 1988 года во время нашей встречи, происходившей в Тбилиси в гостинице «Иверия» З. Гамсахурдиа заявил, что если мы, месхи-мусульмане, хотим вернуться в Грузию, то должны принять христианскую веру. По этому поводу мы долго спорили. В конце я сказал ему: «Во-первых, 50 процентов веры составляет совесть, если у человека нет совести, то у него нет и веры. Во-вторых, вера – добровольное дело каждого человека, нельзя посягать на человеческую совесть». На этом спор закончился. Но, начиная с этого времени, отношение Звиада Гамсахурдиа к нам резко изменилось.

Вскоре он возглавил политическую жизнь Грузии, а после выборов 28 октября 1990 года на многопартийной демократической основе победил блок «Круглый стол – Свободная Грузия» и Председателем Верховного Совета республики Грузия стал господин Звиад Гамсахурдиа, а после выборов 26 мая 1991 года он стал Президентом Грузии.

И все это время под его руководством происходило наше шельмование и травля. Решение нашего вопроса не только откладывалось на неопределенный срок, но и явно отвергалось.

Звиад Гамсахурдиа организовал в Грузии против нас антимесхскую кампанию, в результате которой месхи-мусульмане, проживавшие в различных районах Грузии, были вновь насильственно изгнаны с территории республики. А именно: из села Ахалшени Хонского района было изгнано 35 хозяйств, из села Лесичине Чхороцкуйского района – 51 хозяйство, из совхоза Бандза Гегечкорского района – 12 хозяйств, из совхозов Зугдидского района – 50 хозяйств, из села Цроми Хашурского района – 5 хозяйств, из совхоза Брети Карельского района – 10 хозяйств и т.д.

Выселение сопровождалось дезинформацией населения, клеветнической кампанией по телевидению и в прессе. По телевидению с передачей против поселения месхов-мусульман в

Грузии выступил член «Общества св. Ильи-Праведного» Ратишвили. С подобным же заявлением выступил и подчиненный Звиаду Гамсахурдиа Хельсинкский союз. После ферганских событий, благодаря помощи Мераба Костава, в сентябре 1989 года 10 семей грузин-месхов (мусульман) Двалидзе были приняты на постоянное жительство в селе Брети Карельского района Грузии. Но после изгнания отказавшихся принять христианскую веру месхов в Зугдидском, Чхороцкуйском и других районах, воспользовавшись трагической смертью национального героя Грузии Мераба Костава, власти начали притеснение месхов и в Карельском районе. Эта семья всегда носила родовую фамилию Двалидзе и не меняла свою грузинскую национальность. Им запретили жить в родной Месхети, но они были счастливы, что их поселили в Карельском районе, в Грузии. В результате провокаций, направленных против них, местные жители стали относиться к ним с недоверием и враждебностью. Вскоре власти стали принуждать семью Двалидзе принять христианскую веру, отказали дать место покойнику из их семьи на кладбище. Потом Ратишвили организовал провокационный митинг в совхозе Брети с требованием выселить месхскую семью Двалидзе. Затем последовал митинг, организованный 24 июня 1990 года в Руиси З. Гамсахурдиа с участием членов Комиссии координационного центра национального движения Грузии, «Общества святого Ильи Праведного», представителей интеллигенции. Прямо с митинга возбужденная толпа двинулась к дому Двалидзе. Гремели выстрелы, свистели пули. Была попытка убить членов семьи. Их избили, обстреляли дом, полный детей, от ударов камней трещали двери, разлетались стекла из окон. Переломали мебель, разбили и разорили все в доме. Крик, шум, рыдания испуганных детей, – все это превратилось в адское зрелище. Карельский райком партии проявил завидную расторопность, и на следующее же утро, 25 июля, были пригнаны грузовики, и семью с 13 детьми выселили из района, объявив их подосланными Интерфронтом турками. Узнав, что они собираются ехать в Дманиси, припугнули местное население и приказали не впускать туда семью

Двалидзе. Измученная, униженная, находящаяся под страхом террора семья, все члены которой прекрасно говорят по-грузински, вынуждена была бежать из Грузии, чтобы сохранить жизнь. Так вторично они были изгнаны со своей родной земли только за то, что они мусульмане. Теперь они живут в России, в Ростовской области.

В эти дни в Месхети бесчинствующие молодчики пошли на то, что оскверняли наши могилы, уничтожали мечети. Эти факты не могли не вызвать протест людей доброй воли.

С целью решения проблемы переселения, с просьбой об оказании помощи месхам-мусульманам, вновь изгоняемым с родной земли, я лично обратился к Звиаду Гамсахурдиа, с которым мы двадцать лет были соратниками по освободительной борьбе месхов. принял он меня высокомерно, говорил очень холодно, фактически повернулся ко мне спиной и, даже хорошенько не выслушав, через десять минут выпроводил меня.

Тогда я передал Звиаду Гамсахурдиа письмо следующего содержания: «Мы знаем, что Вы – Звиад Гамсахурдиа – являетесь председателем Всегрузинкого «Общества Святого Ильи Праведного».

Вам известно, что боевики «Общества Святого Ильи Праведного» жестоким образом изгнали из Карельского района 10 семей грузин Двалидзе за то, что они месхи-мусульмане и отказались принять христианскую веру.

Настало время говорить правду, освещать все объективно, тогда появится мир и спокойствие. Решатся все проблемы. Нужно покончить с фабрикацией голословных обвинений нас – месхов, как «турок». Нужно практическими делами подтверждать те слова, которые вы говорили перед избирателями. Иначе окажется, что ваши слова ставили целью обман избирателей. Когда на словах говорят одно, а делают другое, появляется вражда.

Здесь я не собираюсь доказывать кто лучше, а кто хуже, но анализируя все прошлое и настоящее, прихожу к выводу – в нашей истории ни один завоеватель, который топтал наши земли, не принес столько горя и страдания нашему народу, сколько

наши единокровные грузинские партийные диктаторы. Они осуществили ничем не оправданные акты насилия, которые продолжаются по сей день».

Многие прогрессивно мыслящие люди Грузии были возмущены тем, что месхи-мусульмане, ни в чем не повинные люди наконец-то принятые на своей родине, вновь были выселены, изгнаны и подвергнуты несправедливым гонениям. До этого, 7 июня 1989 года газета «Заря Востока» в сообщении Груз-ИНФОРМа под заголовком «Восстанавливая историческую и гражданскую справедливость» писала:

«В последнее время в Министерство юстиции, в другие государственные органы республики поступают многочисленные заявления от граждан Грузинской ССР, которые отмечают, что являются по происхождению грузинами и по сегодняшний день составляют неотъемлемую часть грузинской нации, однако в результате исторической несправедливости, объективных и субъективных причин потеряли первоначальные свои фамилии и в настоящее время причисляются к негрузинским национальностям.

В связи с этим они настоятельно требуют восстановления подлинного своего происхождения и фамилий, внесения соответствующих поправок в акты гражданского состояния. Во время Всесоюзной переписи населения 1989 г. многие из них записали себя грузинами.

Общественность республики высказывает свои соображения по данному вопросу и просит путем соответствующих доказательств решить эту проблему в соответствии с законом...

Министерство юстиции Грузии создало специальную комиссию по работе над вопросом об установлении грузинского происхождения и соответствующих фамилий, проживающих в республике граждан.

На основании полученных материалов были установлены причины, исторические условия потери грузинской национальности и соответствующих фамилий проживающих на территории Грузинской ССР различных конфессиональных групп – гру-

зин, григорианцев и католиков, мусульман (месхов и йнгилойцев) и других. Так как в течение десятков и сотен лет национальность граждан определялась по религиозным признакам, на сегодняшний день большая группа людей утратила грузинские фамилии своих предков и приписывалась к негрузинским национальностям.

В современных условиях, когда религия потеряла свое влияние на этническое самосознание, граждане грузинского происхождения, искусственно относимые к негрузинским национальностям, справедливо требуют восстановления своей национальности и фамилий.

Учитывая настоятельное требование всех этих граждан, а также то, что они по языку, традициям, быту, культуре и самосознанию тесно связаны с Грузией и многие из них во время последней переписи населения записались грузинами, комиссия признала целесообразным исправить допущенную в этой сфере взаимоотношений историческую несправедливость и восстановить грузинскую национальность и фамилии проживающим на территории республики гражданам грузинского происхождения...

На днях члены комиссии Министерства юстиции побывали у месхов, проживающих в Махарадзевском, Цулукидзевском (Хонском) районах, и вручили 26 гражданам в торжественной обстановке свидетельства о рождении и паспорта с фамилиями и национальностью их предков».

Не удивительно то, что к этим людям, которые восстановили грузинские фамили и национальность, как например: Читадзе Чахо, Кочалидзе Меликшах, Гозалашвили Машо и к другим, проживающим в Хонском районе Грузии, спасаясь от узбекского погрома, 25 июня 1989 г. приехали родственники. Всего 22 семьи или же 96 человек. Как только об этом узнали члены Народного фронта, «Общество Шота Руставели» и другие, находившиеся под влиянием идей Звиада Гамсахурдиа, они приехали в село Ахалшени и потребовали от местных властей, чтобы месхов немедленно выслали за пределы республики. Исполняя поручение активистов, общество во главе с секретарем райкома партии Хонского района, созвало совещание актива района для обсуждения вопроса беженцев. После долгих споров пришли к выводу, что их надо выслать из республики. Так и сделали. 3 июля 1989 г. работники милиции в 5 часов утра двумя автобусами вывезли беженцев за пределы республики. А что касается Читадзе Чахо и других, секретарь райкома партии, выполняя указания З. Гамсахурдиа, настаивал на том, что они должны принять христианскую веру.

После этих событий в районной газете «Комунизмис гзит» от 13 июля 1989 г. появилась большая статья «Проблема... позиция» Католикоса и патриарха всея Грузии Ильи II, в которой говорилось, что нельзя насильно заставлять людей менять религию, что месхи-мусульмане такие же грузины, как аджарцы, имеретинцы, сваны и другие. Их необходимо вернуть на родину и помочь им восстановить потерянные фамилии и национальность.

Но власти действовали иначе. После изгнания беженцев были закрыты все дороги усиленными нарядами из числа работников ГАИ и Народного фронта, с целью не пустить беженцев на территорию Грузии.

Население Грузии специально пугали вторжением «турок», распространяли дезинформацию и начали настоящую антимесхскую кампанию. Следует сказать, что 13 декабря 1989 года в Верховном Совете СССР был создан документ, устанавливающий, что без воли республики невозможно осуществить вселение в Грузию депортированных в 1944 году месхов-мусульман. Существование этого документа тщательно скрывалось от народа, а вместо этого, сея ложь и провокации, народ пугали вторжением турок, вследствие чего раздували антимесхский психоз, ненависть к месхам-мусульманам.

Особенно обострилась обтановка на «Красном мосту» – на грузино-азербайджанской границе. Здесь наряды работников ГАИ и Народного фронта останавливали автобусы и проверяли у всех паспорта. Если обнаруживали людей из числа беженцев, то высаживали их из автобусов и говорили им: «Если поедете в Грузию, то вас там убьют! Вернитесь обратно!» Так

же поступали с беженцами в аэропортах Грузии, заставляя их лететь обратно в Узбекистан.

На вопросы беженцев о том, что делать с контейнерами, посланными по адресам в Грузию, им отвечали: «Идите найдите человека с пропиской Азербайджана, дайте ему доверенность, пусть он идет и переадресует ваши контейнеры куда вам нужно!»

Так по вине Звиада Гамсахурдиа и его окружения та часть месхов-мусульман, которые наконец-то обрели родину, была выселена из Грузии, а условием их проживания здесь ставилась необходимость принятия христианства.

Но в Грузии всегда были силы, которые поддерживали нас. В ответ на незаконные действия Звиада Гамсахурдиа и его окружения, выселивших из различных районов Грузии вернувшихся на родину месхов-мусульман, в Тбилиси в 1989 году была создана «Лига защиты прав грузин-мусульман». Преседателем Лиги стал Зураб Мамаладзе. Лига как внутри республики, так и за ее пределами вела активную борьбу за восстановление исторической справедливости в отношении месхов. Целью Лиги с самого начала была провозглашена защита человеческих и гражданских прав депортированных в 1944 году месхов как прогрузинской, так и протурецкой ориентации, оказания им помощи в возвращении на родину, в их трудоустройстве и решении социальных проблем, востонавления у них грузинского самосознания, объединение в единый и прочный организм как грузин-мусульмна, так и грузин-христиан. Одной из своих главных задач Лига ставила необхдимость дать проблеме депортированных месхов-мусульман точную национально-политическую оценку с учетом правовых и исторических требований.

Лига призывала к демократическим и правовым методам в решении вопроса месхов-мусульман, к тому, чтобы разрешение вопроса о выселенном из Месхети в 1944 году населении стало юридической прерогативой Грузии. По мнению Лиги, рассмотрение вопроса депортированного

населения (как грузинской, так и турецкой ориентации) должно произойти как в юридическом, так и историко-политическом аспектах. Исходя из этого, предлагалось создать комиссию, которая была бы укомплектована юристами, историками, этнографами и в работе которой приняли бы участие все заинтересованные, компетентные и доброжелательно настроенные лица и организации, а также сами грузины-мусульмане как прогрузинской, так и протурецкой ориентации без каких-либо ограничений. Обращаясь к правительству, Лига призывала принять закон, который обеспечил бы поселение месхов в Грузии, предоставил им работу и помог удовлетворить их социальные нужды. Лига предлагала создать фонд помощи месхам-мусульманам и дать возможность использовать им информационные средства, выступать по телевидению совместно с учеными, компетентными в вопросах истории Южной Грузии.

С целью добиться справедливого решения вопроса о месхах Зураб Мамаладзе несколько раз побывал в Ленинграде, Риге, Краснодаре и других городах, участвовал в совещаниях по данной проблеме, выступал и на научной основе доказывал, что высланный в 1944 году из Грузии народ – не турки, а месхи (грузины-мусульмане), неотъемлемая часть грузинского этноса. Стремясь привлечь общественность к этим вопросам, он обращался к прогрессивным силам как внутри страны, так и к международным общественным силам.

От имени «Лиги защиты прав грузин-мусульман» он обращался с заявлениями к Католикосу-патриарху Всея Грузии, Святейшему и Блаженнейшему Илье Второму, Венскому Союзу защиты прав человека, ко всем политическим, общественным организациям и творческим союзам Грузии. В этих заявлениях и обращениях выражался протест против варварских акций в отношении месхов-мусульман, совершаемых З. Гамсахурдиа и его окружением. Эти акции З. Мамаладзе назвал варварским, жестоким и бесчеловечным «бескровным геноцидом». В одном из своих

«Заявлений», обращаясь к грузинскому народу, он писал:

«Дорогие грузины, братья и сестры! За что на нас пал гнев Божий, неужели мы настолько отравлены и так переродились, что все, достигнутое нами на протяжении веков, мы теряем и под прикрытием национального движения растаптываем права и достоинство человека? Так какое же правовое государство мы хотим создать? То, что мы делаем, это – путь к рабству, а не к свободе. Кого мы обманываем – самих себя или приглашенных из-за рубежа гостей? Ведь то, что у нас происходит – это бездарно поставленный фарс, фальшь, безнравственность, бесчеловечность, которые скоро будут увидены миром и получат соответствующую оценку. Где же наша прославленная справедливость и человеколюбие, как мы оправдаемся перед потомками, как объясним совершенную нами беспрецедентную жестокость, когда выгоняем со своей родной земли, из собственного дома кровного своего брата только за то, что он мусульманин! Ведь мы всегда восхваляли себя за свой гуманизм и веротерпимость. Неужели этот факт не заставит нас задуматься – куда мы идем, куда держим направление? До каких пор мы будем такими инертными и равнодушными, до каких пор будем терпеть ложь, клевету, преступления? Неужели вы не видите, что будущее нации в опасности? Неужели до такой степени вас придавил страх ожидаемой диктатуры, что никто из вас не может подать голоса протеста? Почему вы не возмущаетесь, когда на ваших глазах совершается беззаконие, насилие, несправедливость?

Мы окажемся перед неизбежной катастрофой, если общество в самом себе не обнаружит духовной и физической энерии, чтобы противостоять позорной и гибельной для грузинского народа необольшевистской силе, которая с помощью дезинформации, насилия и клеветы поднимает общество к терроризму и объявляет это достижением национального движения.

Мы призываем вас помочь нашему делу, чтобы наши

требования, направленные на восстановление прав человека и соблюдение справедливости, не остались «Гласом вопиющего в пустыне».

З. Мамаладзе осуждал дискриминацию месхов-мусульман и антимусульманскую пропаганду, объявление их врагами народа, притеснение тех организаций и лиц, которые защищали права депортированного населения. Он обвинял З. Гамсахурдиа и преданный ему «Круглый стол» в том, что те блокировали положительное решение проблемы месхов-мусульман и, вместо того, чтобы уделить равное внимание как месхам протурецкой ориентации, так и месхам прогрузинской ориентации, устраивали международные встречи только с дезинформатором протурецкой ориентации Ю. Сарваровым. Таким образом, путем искажения истории и фальсификации фактов они стремились ввести людей в заблуждение. Они поощряли лидеров протурецкого общества «Ватан», которые распространяли множество лживых слухов, притесняли и объявляли изменниками тех месхов, кто признавал себя грузинами, и угрожали им физической расправой. На основе этого З. Мамаладзе делал вывод, что З. Гамсахурдия и «Круглый стол» являлись верными продолжателями имперской политики гонений и подавления свободных устремлений грузин-мусульман.

Каким лицемерием на этом фоне выглядит статья Эки Кутателадзе в газете «Ахалгазрда иверiели» от 29 мая 1990 года под заголовком «Турки-месхетинцы: договоренность достигнута»:

«История этноса, представители которого были в свое время депортированы из Месхети, оставшегося без крова после ферганских и ташкентских событий, не может не вызвать искреннего сострадания. Каждый человек, тем более – целая нация, имеют право на самоопределение, самосохранение, и вполне можно понять тех 74 тысячи беженцев из числа турок, которые разбросаны по всему Союзу и стоят на грани исчезновения как нация. Вспомним, как «реша-

лась» их судьба? Как заявляли представители «турок-месхетинцев», участвующие в работе комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям, в своем обращении к Президенту СССР М. Горбачеву, Председатель палаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР тов. Нишанов Р.Н. 28 марта 1990 г. на заседании обещал, что решение вопроса турок-месхтинцев будет рассматриваться на сессии в палате Совета Национальностей Верховного Совета СССР 16 апреля 1990 года в 16 часов. Однако вопрос был передан в комиссию по национальной политике и межнациональным отношениям, заседание которой состоялось 18-20 апреля. Комиссия пришла к выводу – передать решение комиссии в палату Национальностей Верховного Совета СССР...».

Позднее «турки-месхетинци» принимают единодушное решение «мирным походом, с хлебом и солью, массово идти к грузинскому народу». Мы все были свидетелями встреч представителей партий и организаций, объединенных в «Круглый стол» национально-освободительного движения Грузии, с делегатами «турко-месхетинского» народа (они транслировались по грузинскому телевидению). Следствием вторых переговоров стало «Заявление центрального Совета общества «Ватан»: «Руководство общества «Ватан» принимает обращение национально-освободительного движения Грузии «Круглого стола» к лицам, депортированным в 1944 году из Месхети, и разделяет мнение, что решение вопроса о турках-месхетинцах подлежит исключительно компетенции парламента независимой демократической Грузии. Председатель центрального совета общества «Ватан» Ю. Сарваров».

Благодаря поддержке «Круглого стола», Сарваров и его единомышленники развернули активную деятельность. 18 мая 1991 года Конфедерация турок в Москве одобрила деятельность ВОК и приняла решение вместо этой организации образовать общество «Ватан» («Родина») и его печатный орган-газету «Ватан Акши» («Любовь к роди-

не»). «Круглый стол» и «Ватан» стали совместно вести противоправную и ущемляющую права человека деятельность.

З. Гамсахурдиа и преданные ему силы стали вести против смело выступившей в защиту месхов-мусульман Лиги настоящую войну. Стремясь дискредитировать Лигу они, объявили ее Интерфронтом в Грузии, обливали грязью ее лидера и клеветали на него, стали преследовать его, заставляя замолчать. Деятельность Лиги и ее председателя З. Мамаладзе до предела разгневала темные силы Грузии. Они дважды окружали его дом, угрожали физической расправой, сломали в его квартире окна, двери. Но ни запугивания, ни физическая расправа не возымели своего действия – З. Мамаладзе продолжал свою справедливую борьбу за возвращение месхов-мусульман на родину. Желая привлечь внимание мировой общественности к фактам вопиющей несправедливости, осуществляемым правительством З. Гамсахурдиа по отношению к месхам, Зураб Мамаладзе дважды объявлял голодовку. И в дальнейшем он вел активную борьбу за восстановление исторической справедливости в отношении месхов.

Распоясавшиеся темные силы в то время, мстя за сочувственное отношение к месхам-мусульманам, совершали также хулиганские и насильственные действия и по отношению к известному кинорежиссеру Резо Чхеидзе, доктору исторических наук Шота Ломсадзе, писательнице Наире Гелашвили, к правозащитнику и историку Гураму Мамулиа и к другим за то, что они защищали интересы месхов и вели борьбу за их возвращение на родину.

На фоне этих событий особенно болезненно было воспринято выступление в 1989 годы на I съезде народных депутатов СССР А. Лукьянова, который назвал месхов турками. В адрес Президиума съезда на имя А. Лукьянова, а также в Комитет по телевидению и радиовещанию Грузинской ССР и в редакцию республиканской газеты «Комунисти» 12 июня 1989 года Бадри Метонидзе, проживавший в Хашурском районе Грузии, от имени месхов-мусульман

послал телеграмму следующего содержания:

«Мы, месхи, выражаем всеобщее недовольство и возмущение по поводу Вашего выступления со столь высокой трибуны относительно оценки национальной принадлежности месхов. Мы никогда не были турками. Мы - сыновья древнейшей грузинской земли. Прошу дать поправку».

Но ответа на телеграмму не последовало, хотя вторично по этому же вопросу Бадри Метонидзе от имени месхов обратился с письмом к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Верховного Совета СССР М. Горбачеву.

Именно в результате подобного отношения к нам и произошли ферганские события.

Имперские чиновники как в Грузии, так и в Москве, ведя политику «Разделяй и властвуй!», руками грузинских националистов, под начальством КГБ стремились превратить нас, месхов-мусульман в людей без роду и племени, в бессловесных животных забывших о своих корнях, о своей родине.

Темные силы действовали не только в Грузии, но и в союзном масштабе, используя вопрос месхов-меусульман для разжигания межнациональной вражды и дестабилизации обстановки в Грузии. На страницах союзной прессы наемные провокаторы и фальсификаторы нашей истории, помещали свои лживые измышления о нас. Например, в августе 1988 года из Ленинграда в Кабардино-Балкарию приехали сотрудники Института этнографии Ермолов Леонид Борисович и Панеш Эмма Хасановна. Здесь они встетились с Юсуфом Сарваровым и его единомышленниками. После длительных бесед с ними вывели "научное" заключение, что «месхи – это турки-османы».

Нам также пришлось встретиться с ними. Разговор наш состоялся в г. Нальчике в гостинице «Россия». На основании многочисленных исторических и юридических документов мы старались убедить наших оппонентов, что месхи по происхождению – грузины. Но наемные фальси-

фикаторы нашей истории так и не вняли нашим объяснениям. На наш вопрос, на каких документах они будут основываться, объявляя наш народ турками, Леонид Борисович ответил так:

"Во-первых, месхи сами говорят, что они турки, во-вторых, можно по форме рук доказать, что месхи и турки – один и тот же антропологический тип..."

После возвращения в Ленинград эти так называемые «ученые» стали помещать на страницах различных газет и журналов свои статьи, утверждающие, что мы являемся «турками-османами».

А в декабрьском номере журнала «Новое время» за 1989 год Вадим Тютюник – эксперт правления Советского фонда культуры – под рубрикой «Турки-месхетинцы» писал:

«О древней истории турок-месхетинцев сохранилось очень мало документов. Результаты каких-либо исследований на эту тему вообще никогда не публиковались. Это привело, с одной стороны, к отсутствию объективных научных данных, а с другой – к нескончаемым научным спорам.

Одни считают предками турок-месхетинцев азербайджанцев, другие, называя их просто месхами, активно отстаивают теорию грузинского происхождения, третьи (в том числе и большинство самих месхетинских турок) считают, что этот народ не «отуреченные грузины», а все же турки..."

Еще более вопиющую ложь опубликовал в газете «Труд» от 29 августа 1990 года В. Перевалов в статье «Чужая земля не нужна!» Он писал:

«... По разным причинам еще в начале века почти полмиллиона турок оказалось в России. Сначала их расселили по северному побережью Черного моря. После того, как они в 30-е годы перебрались поближе к Турции, их насильно перевезли в Среднюю Азию. Чем это все кончилось – известно... 200 тысяч османских турок – выходцев из Ана-

толийской части Турции – ждут закон о свободном выезде».

Прошло много времени, прежде чем тайное стало явным, и стало известно: над тем, чтобы иметь удобный повод выслать и не возвращать обратно простых малограмотных, бесправных сельских тружеников месхов-мусульман, специально работали ученые – профессора Института Востоковедения Академии наук Грузинской ССР. Разрабатывая этот вопрос, они писали и доказывали, что высылка месхов-мусульман являлась исторической необходимостью, целью которой было спасение грузинского и армянского народов от физического истребления со стороны турок. Вот что писал в историческом очерке о месхах и Месхети покойный профессор-тюрколог Института Востоковедения АН Грузии Отар Гигинейшвили:

«...Выселение мусульманского населения из Месхети явилось большим ударом по пантюркским планам Турции. Грузино-армянский клин вместо сужения расширился. Поэтому беспокойство турок по данному вопросу граничило чуть ли не с паникой...».

И тут же он пишет: «...В целом в этом приграничном с Турцией районе в настоящее время наблюдается отрицательное сальдо миграции из-за скудности природных, в основном, сельскохозяйственных ресурсов. Люди, живущие в крайне стесненных условиях, вынуждены уйти с насиженных мест.

Доходы от сельского хозяйства невелики. Из этого региона на сезонные работы в РСФСР (Северный Кавказ) ежегодно выезжают около 5000 человек.

Вопросы хозяйственного развития и территориальной организации населения были изучены грузинскими экономистами и географами, которые пришли к выводу, что освоение территории Месхети с целью заселения практически невозможно».

В какое же немыслимое противоречие впадает здесь уважаемый профессор! Эти земли оказались оставленными не из-за трудности их освоения, а потому, что жители с этих мест были высланы, а земли эти так и остались опустошенными.

Для подтверждения того, что земли, на которых жили месхи, действительно почти пустуют, достаточно посмотреть грузинский фильм «Твой сын, земля!», который снят о наших опустошенных районах. В фильме рассказывается о том, что район этот разорен, так как жители этих местностей,якобы, подались в город, хотя на самом деле их выслали и не хотят пускать обратно.

И на какую только ложь не пускались для этого темные силы, в какие непримиримые противоречия только не впадали!

Если раньше они откровенно и открыто отказывались принимать нас, то теперь изыскивали более культурные и «гуманные», а вернее сказать, более "дипломатические" пути, чтобы мы раз и навсегда перестали требовать свои законные права – возвращения на родину, из которой мы были незаконно выдворены. Один из таких дипломатических шагов представляет собой статья корреспондентов «Известий» Б. Резника и Т. Чантуриа «Придти с надеждой, принять с добром (О давних и нынешних проблемах небольшой народности)», напечатанная в этой газете 30 января 1989 года, в которой они писали:

«Три тяжелых ранения получил на фронте пулеметчик пехотного взвода Чахо Читадзе. Четвертую рану, которая саднит, не дает покоя и поныне, нанесли ему уже в родном селе Вале Ахалцихского района через три месяца после возвращения с войны. Чахо не знал тогда, что той ноябрьской ночью 1944 года подразделения НКВД окружили не только его селение, а 220 населенных пунктов Месхети, и по приказу вождя, с чьим именем он шел в бой, загасили очаги, лишили родной земли и крова свыше ста десяти тысяч человек «мусульманской веры». Поддерживая больного отца – старого большевика революционера, Чахо карабкался по сыпучей насыпи в «телячий» вагон и терзал

такого же как он молоденького солдата из конвоя обжигающим душу вопросом: «за что?»

Два месяца в холоде, без горячей пищи везли в Среднюю Азию на спецпоселение. В дороге умер отец. Многих тогда схоронили на коротких стоянках в стылых полях.

Людей и теперь, четыре с половиной десятилетия спустя, называющих себя месхетинцами, раскидали по южному Казахстану и северной полосе Средней Азии. 12 лет они были вынуждены выполнять унизительную обязанность: два раза в месяц отмечаться в спецкомендатурах, чувствовать себя виноватыми, совершенно не понимая – в чем? Солдатские вдовы, дети, родители, да и сами вчерашние защитники Родины стали жертвами маниакального бреда – ну как, Турция вступит в войну, и они перейдут в стан ее пособников! Творцы произвола оптом, походя, на всякий случай зачислили в «предатели» целые народы.

– Мы верили, что вернемся в родную Грузию! Верили в самые тяжкие времена и готовились к этому, – говорит Чахо...

До насильственного выселения в ту военную годину в Месхети жили 169,7 тысячи человек. На их место столь же насильственно согнали крестьян из малоземельных и труднодоступных горных районов Грузии. За послевоенные годы население здесь, естественно, приросло – около 191 тысячи человек уже живет в пяти районах Месхети, на каждого едва набирается по 0,13 гектара пашни. Отсюда и возникает трудноразрешимая проблема: где селиться, чем кормиться, где работать десяткам тысяч месхов, стремящихся вернуться на родину предков?

... Есть у месхетинцев и другие проблемы, которые могут решить только они сами, в иных случаях нужна быстрая конкретная помощь. При встречах во многих селениях нам высказывали, например, возмущение средствами массовой информации, в том числе и нашей газетой, которые называли выходцев из Месхети «турками-месхетинцами», «советскими» или «кавказскими турками».

– Мы – грузины-месхи, наши предки были вынуждены принять мусульманство в XVI-XVII веках, когда Месхети подвергалась набегам и захвату турками, – втолковывал нам научный сотрудник Самцхе-Джавахетского исторического музея Марат Бараташвили, сам из числа возвратившихся месхов, и ссылался на весьма авторитетные научные источники, настаивая, чтобы мы их непременно опубликовали.

В ряду национальных проблем, которые нарастали, накапливались и не находили решения, есть и эта проблема месхетинцев, насильственно выселенных со своей земли. Сейчас они с доверием и надеждой ждут восстановления справедливости».

Хотя авторы этой статьи, на первый взгляд, как бы по-доброму хотели решить вопрос месхов, помочь им, но в действительности целью ее было не пустить месхов в Грузию.

17 февраля 1989 года в редакцию газеты «Известия» было послано следующее опровержение от месхов, проживавших в Кабардино-Балкарской АССР: «Больно и горько писать о том, что мы, ветераны войны, честно выполнившие свой долг перед Родиной, сегодня незаслуженно терпим душевные обиды.

Трудная наша судьба. Мы с гордостью уходили на фронт, чтобы защищать Родину, свой дом, родных и близких. Из 30 тысяч лучших сыновей нашего народа 16 тысяч отдали жизнь на полях сражений. А те, которым повезло выжить, после тяжелых ранений вернуться домой, по приказу «отца народов» Сталина арестованы как «изменники и предатели» родины и под конвоем высланы из родной земли Месхети, которая находится на юге Грузии.

С тех пор прошло 45 лет, как мы изломанные судьбою во всех отношениях, с расшатанными нервами, обиженные на всех, живем в изгнании.

Б. Резник и Т. Чантуриа про наш народ пишут: «До насильственного выселения в ту военную годину в Месхети жили 169,7 тысячи человек. За послевоенные годы насе-

ление здесь, естественно, прирасло – около 191 тысячи человек уже живет в пяти районах Месхети, на каждого едва набирается 0,13 гектара пашни».

Есть поговорка: «Кто хочет помочь, тот ищет повод, кто нет – причины». Насколько можно понять из этой публикации, даже сегодня в политике перестройки некоторые бюрократы Грузии как раньше, так и сегодня находят причины, чтобы не пустить нас на родную землю.

Уважаемая редакция! Из Богдановского района выслали 2 села жители которых были народностью тараканма, а из Ахалкалакского 10 сел курдов, таракама и месхов. Зачем же эти районы причислять нам, месхам? Нас выслали из Адигенского, Ахалцихского и Аспиндзского районов. Сегодня в этих районах реальная обстановка такова: около 60 сел ныне не существуют, а в оставшихся селах проживает около 30 процентов населения бывшего до нашей высылки. Производство же сельского хозяйства составляет всево 20 процентов производимого до 1944 года.

Наши районы – ныне обезлюдевшие и разоренные, пустует около 80 процентов земли. Кому нужен подобный обман? Бюрократам не нужна правда и справедливость, у них свой закон: власть в моих руках, я так хочу! Они не признают нас и наши права, и все вопросы решают без нас. А мы в течение 45 лет не находим поддержки, помощи от руководителей партии и правительства СССР.

Ждем справедливого решения по месхетинскому вопросу.

От имени ветеранов войны Халил Умаров-Гозалишвили».

В том же, 1989 году, в газете «Заря Востока» от 11 июля под рубрикой «Трагическое прошлое и горькая действительность», подробно излагая вопрос о турках из Месхети, заведующий отделом Византологии Института Востоковедения им. Г. Церетели Академии наук Грузинской ССР, профессор Нодар Ломоури писал:

«... Если принять во внимание все вышеизложенное,

вывод напрашивается только один: Грузия на данном этапе не в состоянии принять переселенцев, кто бы они ни были».

Так некоторые ученые Грузии решали вопрос о месхах-мусульманах, руководствуясь политикой насилия и несправедливости.

В 1990 году события в Грузии еще более обострились, правящие силы создали в нашем лице образ врага, против которого бешеная толпа кипела «праведным» гневом, «разоблачая» и преследуя нас. Обидно и больно было, что эту травлю месхов возглавлял Звиад Гамсахурдия, человек, входивший в число тех, кто одним из первых развернул борьбу за наше возвращение на родину.

Новых гонителей месхов не беспокоил тот факт, что если подобная антимесхская политика продолжится и в будущем, то наш народ ждет полное исчезновение. Не боялись они и того, что в один прекрасный день, возможно, те, кто месхов выселял, вновь возвратят их в Грузию, но уже так, что никого об этом не спросят. Но тогда озлобленные всей ведущейся против них антимесхской пропагандой, месхи могут действительно превратиться в настоящих врагов Грузии... Не беспокоила их и собственная совесть, ответственность за чужое горе и страдание, не пугала их и Божья Кара.

1 марта 1990 года в газете «Заря Востока» (№ 53) под заглавием «Месхетинские турки: острая проблема» было опубликовано следующее сообщение ГрузИНФОРМа:

«27 февраля в Тбилиси, на площади Руставели, состоялся многолюдный митинг, посвященный проблеме месхетинских турок.

В нем наряду с тбилисцами приняли участие приехавшие сюда жители Месхети. Митинг открыл Звиад Гамсахурдиа. Он еще раз убедительно обосновал невозможность переселения месхетинских турок в Грузию, выразил резкий протест по поводу усилий, предпринимаемых в этом направлении за спиной грузинского народа.

Выступившие после него представители населения древней Месхети – одного из главных очагов формирования грузинского национального самосознания (*неужели у истоков этого самосознания стояли турки, появившиеся на исторической арене много веков спустя? – Х.У.-Г*) рассказали о произволе, чинимом месхетинскими турками в этом регионе. (*Слыханное ли дело, чтобы человек разорял собственную Родину? – Х.У.-Г.*)

В связи с этим участники митинга потребовали показать по грузинскому телевидению документальный фильм, рассказывающий о том, как в свое время месхетинские турки расправлялись со своими соседями грузинской национальности. Этот фильм, как сообщили на митинге, был снят много лет назад и, к счастью, дошел до наших дней.

Митинг, участники которого переместились к зданию Гостелерадио Грузинской ССР, продолжался до позднего вечера».

Через день, 3 марта, в этой же газете «Заря Востока» (№ 54) было опубликовано интервью корреспондента Эки Ахалкаци с поэтом Джансугом Чарквиани, директором издательства «Сабчота Сакартвело», членом правления Народного фронта Грузии, в котором были высказаны те же мысли, что и на недавнем митинге:

«... Сегодня Грузия должна быть единой, потому что цель ведь у нас одна – независимость Грузии... Грузины не стремятся к изоляции – грузины требуют вернуть своей Грузии то, что у нее было отнято насильственным путем – свободу. В конце концов, надеюсь, вопрос будет рассмотрен на сессии и будет признан и тот факт, что мы – покоренная страна, что Советская власть здесь была установлена против нашей воли.

– Батоно Джансуг, вот вы совершенно верно отметили, что грузины не стремятся «изолироваться» от представителей других национальностей, живущих на грузинской земле. Это никогда не характеризовало нашу нацию. И тем не менее от наших «негрузинских соотечественников» то и

дело приходится выслушивать граничащие с паникой разговоры о том, что им нужно уезжать отсюда. Что вы на это скажете?

– Нужно было разъяснить, что в независимой Грузии люди всех, без исключения, национальностей на грузинской земле будут пользоваться равными правами, и мы будет так же дружны с русскими, армянами, азербайджанцами, евреями, осетинами, абхазами, греками, как и раньше...

Да, мы стремимся к независимости, к свободе, но контакты с друзьями нам нужны – и в сфере экологии, и политики, и культуры...

Надо же – твою же нацию уничтожают и тебя же называют экстремистами! С тем же «успехом» можно назвать экстремистом прогрессивно мыслящего главу правительства. Но разве можно так назвать человека только потому, что он мыслит не так, как Нишанов, который утверждает, что причиной конфликта в Средней Азии стала клубника.

Теперь о турках-месхетинцах: такой нации не существует, так же, как нет и не может быть грузинских азербайджанцев, грузинских немцев... И только человек очень ограниченный может не понимать того, что турки хотят поселиться в Грузии с тем, чтобы создать свою автономию. Нет, не бывать этому!..»

В журнале «Новое время» (№ 15, 1990 год) была помещена публикация «Тбилисский календарь. Хроника политической жизни Грузии», в которой среди прочих сообщений, перепечатанных из республиканских газет, была и информация о митинге в Тбилиси, посвященном проблеме месхов-мусульман. Сообщалось, что митингующие выступили против возвращения турок-месхетинцев в республику, потребовали показать по телевидению документальный фильм, рассказывающий о том, как в свое время «месхетинские турки расправлялись со своими соседями-грузинами»...

Месхи, к тому времени еще проживавшие в Ташкенте, прислали в журнал телеграмму с протестом, потребовали опровержения.

Корреспондент журнала Марина Шакина в своей статье «Второе изгнание» в связи с этим писала: «Что нам следует опровергнуть? Что состоялся митинг? Но он действительно состоялся. Что собравшиеся были против переселения турок? Но они, – Бог им судья, – действительно были против.

У наших читателей из Ташкента, видимо, создалось впечатление, будто наша редакция солидаризируется с митингующими в утверждениях о «расправе». Это не так. На самом деле мы очень обеспокоены судьбой турок-месхетинцев и тем, как из них лепят «образ врага».

До кровавых ферганских событий о судьбе турок-месхетинцев беспокоились по большей части лишь ученые-этнографы. Пожарища Ферганы напомнили нам об участи народа, в 1944 году депортированного из Грузии, но ненадолго. Под охраной армии турок вывезли из Узбекистана, распылили по российским селам и... в таком подвешенном состоянии оставили. Но нет ничего долговечнее, чем временное, – стара эта грустная истина. Турки ждут решения своей судьбы – от кого? – почти год. Они опять на положении бедных родственников – на этот раз в русском Нечерноземье. Часть турок принял к себе Азербайджан. Низкий поклон тем людям, которые в не самую легкую для страны минуту нашли возможность помочь беженцам, и все же разве это решение проблемы?

Трое гостей – турок из Грузии принесли в редакцию пухлый том «История Месхети», написанный чуть ли не от руки, принадлежащий перу их соотечественника – ученого-историка. Он доказывает, что турки-месхетинцы – это грузины-мусульмане...

Печально, что именно этот вопрос стал ключевым в подходе к решению проблемы... Из чисто научного спора наше «демократическое» общество способно сделать далеко идущие выводы, из которых, глядишь, окажется, что туркам вообще нет места на земле. Грузия не признает их грузинами. Турция – турками, а наше государство, похоже, забывает, что они прежде всего – советские люди. Едва лишь двинулся поток русских беженцев из Баку, были открыты сразу несколько фондов помощи. И это прекрасно, это естественно, так и должно быть, но у турок до сих пор нет никакого фонда. Как могут они рассматривать такое избирательное сочувствие со стороны государства? Как равнодушие к их судьбе?

Мы описываем ужасы Ферганы. Постоянно взываем к состраданию. Но ведь речь идет не только об этом. Речь о том, что продолжают грубо попираться права народа и права человека, гарантированные Конституцией и международными пактами, под которыми стоит подпись и нашей страны. Народ насильственно лишили Родины, бросили на произвол судьбы, и сегодня человек, у которого в паспорте записано «турок-месхетинец», не может пересечь границу Грузинской ССР.

Как объяснить,что права человека – это всеобщее достояние человечества, универсальная демократическая ценность и для грузин, и для турок, и для русских. Желание вернуться на Родину – к родным могилам и святыням – издревле уважалось и почиталось всеми народами, когда еще не существовало Декларации прав человека. Права личности должны быть выше прав нации и выше любой политической обстановки – вот один из зароков демократии...

В Грузии мысль о возвращении турок отвергается с порога... Грузия только для грузин... нога турка больше не ступит на землю Месхети – исключение будет сделано лишь для тех депортированных, кто имеет «грузинскую ориентацию» и все остальное тоже грузинское.

Надо вести работу среди турок, «разъяснять им их национальную сущность».

Работает комиссия Верховного Совета СССР по про-

блеме турок-месхетинцев. Ее задача неимоверно трудна. Но, может быть, она сможет предложить какое-то нестандартное решение вопроса? По сути дела, эта комиссия – единственная надежда для беженцев...» (журнал «Новое время», № 18, 1990 г., с. 30-31).

Но и эта надежда, как и все остальные, не оправдалась, не было найдено никакого решения. Время смело все комиссии, а проблема осталась... А в Грузии продолжались митинги протеста против возвращения месхов в Грузию.

В начале августа 1990г. газеты Грузии сообщали:

«Тревожная весть о том, что в соседний Адлерский район съехались несколько сот так называемых турок-месхетинцев, задумавших идти в Грузию массовым шествием через Абхазскую автономную республику, всколыхнула в зоне города Гагра все население. Чтобы предотвратить эту, чреватую непредсказуемыми последствиями акцию, осудить действия движения месхетинских турок, в селе Леселидзе на площади у самой границы с РСФСР, к полудню 8 августа собралось несколько тысяч жителей городов и сел Абхазии».

Состоялся митинг, названный его участниками «митингом протеста». Под таким заголовком поместил свою информацию в «Заре Востока» 8 августа 1990 года корреспондент ГрузИНФОРМа Тенгиз Джибути:

«Этот многолюдный стихийно возникший митинг открыл председатель Гагрской организации Общества Руставели Нодар Кешелава.

Тепло встретили собравшиеся на митинге выстпление митрополита сухумско-абхазской церкви отца Давида, призвавшего всех к любви к Отечеству, к вере в Божью справедливость.

Митинг принял Обращение ко всем жителям многонационального региона перекрыть путь непрошенным гостям и телеграмму в адрес Горбачева, Ельцина и Гумбаридзе. В ней говорится, что если правительство не примет срочные меры и допустит вторжение в республику массового

шествия турок-месхетинцев, то в зоне города Гагра будут блокированы и железнодорожная, и автомагистраль.

В соответствии с решением правительства автономной республики в селе Леселидзе при сельском Совете народных депутатов создан штаб по обеспечению спокойствия на территории этого крупного населенного пункта.

Накануне, 7 августа, под председательством второго секретаря Абхазского обкома КП Грузии Л. Хабурзания состоялось заседание республиканского координационного совета, образованного в связи с намеченным массовым шествием турок-месхетинцев через территорию автономной республики с целью заселения в ряде районов Грузинской ССР. Анализируя сложившуюся обстановку, члены совета сосредоточили внимание на принятии всех требуемых мер по недопущению эскалации напряженности в Абхазии.

Выступавшие первые секретари горкомов партии: Гагрского – В. Пилия, Сухумского – З. Эрквания, Ткварчельского – Д. Пилия, Очамчирского РК КП Грузии – К. Салия, директор Сухумского физико-технического института имени И.Н. Векуа, народный депутат СССР Р. Салуквадзе и другие рассказали о принимаемых мерах по пресечению действий, ведущих к дестабилизации обстановки в Абхазской АССР...

Было отмечено, что правоохранительными органами принимаются меры по охране общественного порядка, изыскиваются пути к дополнительному диалогу с лидерами месхетинских турок. Члены совета во главе с С.Л. Хабурзания встретились в городе Сочи с местным руководством, которое информировало их о том, что в городе и его окрестностях туркам-месхетинцам не разрешено проведение митингов и массового шествия. Достигнута договоренность о координации совместных мероприятий по предотвращению массовых беспорядков».

А 11 августа 1990 года «Заря Востока» поместила следующую информацию под заглавием «Поход в Грузию пока

отложен».

«Сочи. (Краснодарский край). 10 августа (ТАСС).

Поход, задуманный турками-месхетинцами в Грузию, пока отложен. Такое соглашение достигнуто прошедшей ночью на трехстороннем совещании представителей турок-месхетинцев, руководства Абхазии и Сочи. В центр и правительству Грузии отправлена телеграмма с просьбой назвать сроки, в которые проблемы турок-месхетинцев будут рассмотрены.

Сейчас турки-месхетинцы живут на стадионе в Адлере. Сегодня утром их насчитывалось более восьмисот человек, в ближайшее время ожидается увеличение до 15 000. Адлер – самая южная точка Российской Федерации, в восьми колометрах по реке Псоу проходит граница с Грузией.

Сочинский городской Совет народных депутатов с пониманием отнесся к происходящему. На стадионе работают буфеты, организовано горячее питание, для поддержания порядка выделены дополнительные наряды милиции. Сами депутаты, прервав работу сессии, заслушали информацию о складывающейся ситуации. Они направили обращение к М.С. Горбачеву, А.И. Лукьянову, Б.Н. Ельцину, Г.Г. Гумбаридзе с просьбой в ближайшее время рассмотреть проблему беженцев в стране и проблему возвращения турок-месхетинцев на исконные земли».

В Грузии все средства массовой информации продолжали нагнетать обстановку и восстанавливать все население страны против месхов-«турок», запугивая «нашествием» их на Грузию. Эта антимесхская кампания проводилась под идейным руководством главы правительства Звиада Гамсахурдиа. И каким лицемерием в этой связи звучала статья в газете «Советская Грузия» от 17 мая 1991 года (№85) под заглавием «Слова, которых ждали»: «...В актовом зале производственного объединения «Мион» при встрече с трудовым коллективом Звиад Гамсахурдиа сказал: «Грузия всегда была по-настоящему интернациональной, и она останется таковой всегда... Нельзя разделять людей по национальному признаку, все отвечают перед законом... К нам часто обращаются с просьбой разрешить изменить фамилии на грузинские. Это конечно, выбор каждого, и мы не будем чинить никаких препятствий».

Вероятно, он подразумевал, что такое право имеют все, кроме месхов-мусульман, если они не согласятся принять христианскую веру.

Но следует особо подчеркнуть, что и в тот страшный и неблагоприятный для нас период, как и всегда, среди пргрессивных людей Грузии было много сторонников нашего возвращения в Грузию, которые, несмотря на все угрозы, не боялись выступать в нашу защиту. Одним из таких наших истинных друзей явился в тот период юрист Джамбакур Бакрадзе – заместитель председателя правления республиканского научного объединения юристов «Плодовитость и бесплодие». 24 мая 1991 года в газете «Кабардино-Балкарская Правда» было помещено его письмо следующего содержания:

«Уважаемая редакция! Разрешите со страниц вашей газеты обратиться к Председателю Верховного Совета КБ ССР Валерию Мухамедовичу Кокову, первому секретарю рескома КП РСФСР Борису Мустафаевичу Зумакулову, секретарю рескома Руслану Мухамедовичу Жанимову и первому секретарю Урванского райкома партии Борису Гелгфову.

Хочу от имени правления республиканского научного общества «Плодовитость и бесплодие» выразить сердечную благодарность за приют на земле Кабардино-Балкарии наших сестер и братьев-месхов, за помощь им в трудные минуты истории Грузии. К великому сожалению, есть еще черные силы, которые мешают восстановлению справедливости, искоренению всех проблем, связанных с выселением из родного края моих земляков.

Кабардинцы и балкарцы всегда были нашими истин-

ными братьями, что не раз доказано той же историей. Наша к Вам любовь обусловлена и тем, что родительница нашей прекрасной матери царицы Тамары была кабардинкой. А когда грузинам было очень трудно, ваши предки помогли царю Давиду Строителю и направили на поле битвы 50 000 воинов еще в первой половине двенадцатого века. Такая помощь, историческая дружба никогда не забываются.

Ваше теплое отношение к месхам вызывают ответное чувство, ведь мы – сыны и дочери одного обшего дома – прекрасного Кавказа.

Желаю счастья и процветания вашей земле, живущим на ней народам.

С глубоким уважением – Заместитель председателя общества Джамбакур Бакрадзе. г. Тбилиси».

К этому времени в Грузии резко обострилась политическая борьба. Решение нашей проблемы вновь отошло на задний план.

После ферганских событий мы, представители кружка грузин-месхов со всех районов Средней Азии, Северного Кавказа, Азербайджана и Грузии собрались 27 декабря 1990 года в колхозе «Адигени» Саатлинского района Азербайджана. На собрании всех представителей было решено переименовать наш кружок «грузин-месхов» в общество месхов (грузин-мусульман) «Спасение» (по-грузински «Хсна»).

1 июля 1991 года мы обратились в Министерство юстиции Республики Грузия с просьбой зарегистрировать устав нашего общества. Но в министерстве, где происходила регистрация различных общественных организаций, отказались даже принять наши документы. Это вынудило нас обратиться 7 июля 1991 года в Верховный Совет республики Грузия с просьбой помочь нам зарегистрировать устав нашего общества. По этому вопросу нас приняла комиссия по межнациональным отношениям во главе с ее председателем Темуром Гванцеладзе. В нашей просьбе

было официально отказано. Нам сказали: «Так как вы не являетесь гражданами Грузии, мы не имеем права вмешиваться в ваши дела, регистрируйте ваш устав по месту вашего жительства».

Таким образом, нам вновь прямо было указано, что мы чужеземцы, и никакого отношения к Грузии не имеем.

После того, как власти Грузии отказались зарегистрировать устав нашего общества, мы вручили копии этого устава и наше заявление обществу «Илья Чавчавадзе», конгрессу, представителю общества юристов «Плодовитость и бесплодие» господину Джамбакуру Бакрадзе, а также председателю Христианско-демократической партии господину Ираклию Шенгелая, и вернулись обратно в Кабардино-Балкарию.

К этому времени в обществе «Ватан» произошел раскол. Близкие когда-то соратники Юсуфа Сарварова: его заместитель Иса Ашрафов, секретарь общества Эюб Абасов, председатель общества беженцев Расул Мамедов, Ясин Хасанов (Варскнелидзе) и другие ушли из «Ватана» и присоединились к нашему обществу прогрузинской ориентации. Произошло это вследствие состоявшегося между нами длительного серьезного разгавора, во время которого им была подробно объяснена цель нашей борьбы. Они выразили свое сочувствие нашим целям и приняли программу нашего общества. После этого вышеуказанные лица были приняты в члены общества месхов (грузин-мусульман) «Спасение» ("Хсна"). При этом они так и остались руководителями регионов, как и до поступления в наше общество. Так «Спасение» стало еще более многочисленной и сильной организацией.

После того, как в Грузии отказались зарегистрировать наше общество, мы вынуждены были обратиться за регистрацией в Министерство юстиции Кабардино-Балкарии, где наше общество «Спасение» («Хсна») было зарегистрировано 26 декабря 1991 года. Получив свидетельство о реги-

страции, мы приехали в Тбилиси и представили его заместителю председателя Государственного Совета Республики Грузия Джабе Иоселиани. Ознакомившись с нашими документами, он прямо заявил, что наше общество необходимо зарегистрировать в Грузии. И он действительно добился этого. 26 марта 1992 года Государственным Советом Республики Грузия было принято постановление № 07/178 «Поручить Министерству юстиции Республики Грузия зарегистрировать общество месхов (грузин-мусульман) «Спасение». Постановление это подписали заместитель председателя Гос. Совета Республики Грузия Джаба Иоселиани и секретарь Гос. Совета Вахтанг Гогуадзе. В тот же день – 26 апреля 1992 года – на Коллегии Министерства юстиции Республики наше общество «Спасение» («Хсна») было официально заригистрировано.

При регистрации общества выступил Гурам Мамулиа, который остановился на причинах трагедии месхов. К чести Г. Мамулиа следует сказать, что более 25 лет он вместе с нами активно боролся за возвращение месхов-мусульман на родину.

Но, несмотря на все непредвиденные трудности и преграды, мы не прекращали свою борьбу.

В том же, 1992 году 12 ноября на имя Председателя Комитета по правам человека и межнациональным отношениям при Правительстве Грузии господину А. Кавсадзе нами было вручено следующее письмо: «Общество грузин-мусульман «Спасение» («Хсна») считает высылку грузин-мусульнан из Месхети в 1944 году, повлекшую за собой тысячи человеческих жертв, моральный, материальный ущерб, совершенно преступной и аморальной.

Мы за собой не чувствуем никаких грехов и вины, если не считать наше мусульманское вероисповедание. По правовому отношению мы равноправны с грузинами-христианами и имеем полное право жить на своей родине.

Исходя из вышеизложенного и из общепризнанных человеческих норм, мы от имени репрессированных месхов настоятельно требуем вашего ходатайства перед Парламентом Республики Грузия о безотлагательной реабилитации и параллельно создания механизма репатриации нас на нашу родину – Грузию.

Председатель общества (грузин-мусульман) «Спасение»

Халил Умаров-Гозалишвили».

Начало разрешения этой сложной проблемы нашло в распоряжении № 106 главы государства Республики Грузия Э. Шеварднадзе от 18 мая 1993 года «Об урегулировании проблем депортированных месхов», во втором пункте которого указывается:

«Поручить Кабинету Министров Республики Грузия (А. Маргиани) в трехмесячный срок разработать и осуществить соответствующие мероприятия по возвращению в Грузию тех семей месхов, которые были незаконно и насильственно выселены из Грузии в 1989-1991 гг. и находятся в тяжелом положении, проживая в бывших республиках Советского Союза».

В пункте 8 этого распоряжения говорится:

«Поручить Корпорации по полиграфии и издательскому делу Республики Грузия (В. Рцхиладзе) всячески содействовать Обществу депортированных месхов «Хсна» в издании периодической газеты, провести соответствующие мероприятия, чтобы научные учреждения и издательства расширяли издание научной и научно-популярной литературы на грузинском и иностранных языках по вопросам истории Грузии и, в частности, по истории Месхети».

Это была наша большая победа, и она свидетельствовала о наступлении новых времен.

Но по прошествии почти целого года никаких реальных шагов по решению наших проблем сделано не было. Поэтому 15 апреля 1994 года нами было передано следующее Обращение главе Республики Грузия господину Ше-

варднадзе Э.А. от имени общества «Хсна» грузин, высланных в 1944 году из Самцхе-Джавахети, и их потомков, общее собрание которых состоялось в Кабардино-Балкарской республике 20 марта 1994 года:

«От имени 8260 семей членов нашего общества или же 50 тысяч человек доводим до Вашего сведения, что полвека тому назад большевистская империя руками грузинских коммунистов и под руководством Госбезопасности СССР 15 ноября 1944 года выслала нас – месхов, как «турок».

После разоблачения культа личности в 1956 году все высланные народы были реабилитированы и возвращены на родину. А темные силы в Грузии категорически отказались принять нас. Эти темные силы 11 (одиннадцать) раз повторили акты высылки по отношению к некоторым переселившимся в Грузию месхам. Например, последние из них были совершены в 1989-1991 годах, когда с территории Грузии за то, что отказались принять христианскую веру, были высланы месхи, проживавшие в нижеследующих населенных пунктах:

из селения Ахалшени Хонского района – 35 хозяйств;

из селения Лесичине Чхороцкуйского района – 51 хозяйство;

из совхоза Бандза Гегечкорского района – 12 хозяйств;

из совхоза Нарзани и Хецири Зугдидского района – 50 хозяйств;

из селения Цроми Хашурского района – 5 хозяйств;

из совхоза Брети Карельского района – 10 хозяйств и т.д.

Можно ли говорить После всего этого о реабилитации и можно ли верить властям и переселяться в другие районы Грузии? Следует наконец-то принять во внимание тот факт, что без месхов месхский вопрос никогда не решится. Как не решался в течение полувека, хотя имелся ряд постановлений и указов...

Как мы убедились на приемах у властей, даже сегодня грузинское правительство не намерено справедливо решать месхский вопрос. Поэтому общее собрание общества «Хсна» грузин от 20 марта 1994 года решило довести до Вашего сведения нижеследующее:

Общество «Хсна» грузин считает нашу высылку в 1944 году совершенно преступной и аморальной, мы за собой никакого греха и вины не чувствуем, если не считать нашего мусульманского вероисповедания.

В правовом отношении мы равноправны с грузинами-христианами и имеем полное право жить на своей родной земле так же, как кахетинцы, карталинцы, имеретинцы и др.

Исходя из вышеизложенного, просим Вас, как Главу государства Республика Грузия, вынести наш месхский вопрос на рассмотрение парламента Грузии.

Просим безотлагательной политической, экономической и территориальной реабилитации (учитывая возможности возвращения для проживания в тех местностях и населенных пунктах, где мы проживали до репрессии, а также как свободные граждане – по всей территории Грузии). Одновременно просим создания механизма репатриации месхов. Этот акт явится в глазах всего мирового сообщества подтверждением приверженности нашей страны принципам демократии. Совет общества «Хсна» грузин гарантирует проведение безболезненного поэтапного возвращения месхов на родину.

Месхский вопрос должен решаться только на основании представленных документов общества «Хсна», а в Грузии – на основе консультаций специалиста месхской истории, доктора исторических наук, профессора Шота Ломсадзе, а не с политиками, которые преднамеренно создают из месхов образ врага с той целью, чтобы не допустить нас на родную землю.

Председатель общего собрания, руководитель обще-

ства «Хсна» грузин Халил Умаров-Гозалишвили.

Секретарь Садри Халидов-Хозреванидзе».

К заявлению были приложены документы со списками родовых фамилий месхов, проживавших в селах Ахалцихского района:

СЕЛО АЦКУРИ

Бараташвили, Орджоникидзе, Бакрадзе, Мухранский, Ломашвили, Ломидзе, Назадзе, Чхеидзе, Месхидзе, Барбакадзе, Маградзе, Капанадзе, Папидзе, Джанашвили, Магалашвили, Самсонидзе, Хмаладзе, Мамукадзе, Гургенидзе, Азнаурашвили, Купириашвили, Хмаладзе, Маринашвили.

СЕЛО ТКЕМЛАНА

Гварамадзе, Чокадзе, Хмаладзе, Коркотадзе.

СЕЛО ЦРИОХИ

Гургенидзе, Маградзе, Махиадзе.

СЕЛО САКУНЕТИ

Джавахашвили, Кавидзе, Перханидзе, Путуридзе, Иорданидзе, Мамадзе, Патаридзе, Джавахидзе, Табатадзе, Саралидзе, Окропиридзе, Хахутадзе, Поцхверадзе, Аделадзе, Ботадзе, Бозадзе, Капанадзе, Чонкадзе, Потрикашвили, Гагнидзе, Мчедлишвили, Аркишвили, Брекашвили, Талахидзе.

СЕЛО ОРПОЛА

Беридзе, Жужунадзе, Бакакадзе, Мутишвили, Кониашвили, Путуридзе.

СЕЛО КОПАДЗЕ

Чубинидзе, Кипиани, Лоладзе, Алхазишвили, Копадзе, Мамукадзе, Самсонидзе, Сагинашвили, Тикадзе.

СЕЛО ЗИКИЛИА

Гоголадзе, Айтадзе, Бибинадзе, Гварамадзе, Капазишвили, Хахутадзе, Аспанидзе, Надирадзе, Сирадзе, Хеорадзе, Мамаладзе, Мародзе, Чичинадзе, Даврешвили, Зилодзе, Копадзе, Тутадзе, Капанадзе, Мучиадзе, Читадзе, Самсонидзе, Элиадзе, Кукуадзе, Тамарадзе, Гочадзе, Татиашидзе.

СЕЛО ЦИНУБАНИ

Кукуадзе, Зилодзе, Чолокидзе, Торадзе, Тосадзе, Торадзе, Учнадзе, Гочадзе, Мамукадзе, Джапаридзе, Челидзе, Тосадзе, Тополадзе.

СЕЛО ГУРКЕЛИ

Папаладзе, Шаушидзе, Джанадзе, Пантадзе, Чохадзе, Элиадзе, Лоладзе, Торадзе, Лапидзе, Таитадзе.

СЕЛО АГАРА

Тумушадзе, Перадзе, Хейрадзе, Гоголадзе, Бехунадзе, Айтадзе, Копадзе, Хахутадзе, Гварамадзе, Надирадзе, Кочорадзе, Зиладзе, Читадзе.

СЕЛО ПЕРСА

Чачалидзе, Шашвиашвили, Бекорадзе, Мурадели, Заспиадзе, Лоловлидзе, Чакидзе, Чиладзе, Сапарашвили, Ревазишвили, Окруадзе, Курдадзе, Мецхвирадзе, Геладзе, Беридзе, Коркотадзе, Магаладзе, Мехборишвили.

СЕЛО МУГАРЕТИ

Тамарадзе, Мирдзвели, Индуселидзе, Мамукадзе, Беридзе, Бешодзе, Беберадзе, Дошадзе, Таташидзе, Копадзе, Кенчодзе, Тамарашвили, Мамукашвили, Калакуладзе, Сванидзе, Мецхваридзе, Тосидзе, Мчедлишвили, Кочорашвили.

СЕЛО ЧОХТА

Куладзе, Ченчошвили, Латукадзе, Иармалашвили, Коркотадзе.

СЕЛО ЦОХТЕВИ

Церетели, Папаладзе, Таташидзе, Капанадзе, Тенадзе, Чхеидзе, Ломидзе.

СЕЛО ШУРДО

Шубладзе, Катунадзе, Мутиашвили, Бориашвили, Мхаладзе, Гучелашвили, Карунидзе.

СЕЛО ГИОРГИЦМИНДА

Мазниашвили, Инасаридзе, Эксолидзе, Мехборашвили, Ибиашвили, Перадзе, Мамуладзе, Наскидашвили, Го-

голадзе, Мехриашвили, Беридзе, Бабуладзе, Коркотадзе.

СЕЛО КЛДЕ

Бидзинашвили, Годзиашвили, Татадзе, Татидзе, Блиадзе, Гварамадзе, Гагнидзе, Карелишвили, Бракунашвили, Джибладзе, Тхолашвили.

СЕЛО ЦНИСИ

Копадзе, Басилашвили, Бекадзе, Павлиашвили, Квертиашвили, Церишвили.

СЕЛО ЗЕУБАНИ

Гунашвили, Путуридзе.

СЕЛО БОГА

Саралидзе, Заутадзе, Чомахидзе, Мецхваридзе, Чихладзе, Цеквадзе, Ломадзе, Кочиашвили, Торуладзе.

СЕЛО СВИРИ

Вардиашвили, Хизанишвили, Майсурадзе, Хуродзе, Какунашвили, Гоголадзе, Коркотадзе, Паплошвили, Папиашвили, Котунашвили, Зетиашвили, Чилашвили, Кориашвили, Кергерашвили, Подолашвили, Цухатадзе, Папалашвили, Бердзенишвили.

СЕЛО ТАТАНИСИ

Цулукидзе, Блиадзе, Чутадзе, Мепурнишвили, Урбанидзе, Дамчипадзе.

СЕЛО АНИ

Орджоникидзе, Майсурадзе, Гвилиашвили, Тетрадзе, Джапаридзе, Мохелишвили.

СЕЛО КУРАТУБАНИ

Убедуридзе, Зауташвили, Путуридзе, Лорткипанидзе.

СЕЛО ДЗИРИ

Шебидзе, Гелхуадзе, Мурашвили.

СЕЛО ЭЛИАЦМИНДА

Усиашвили, Калтахчишвили, Гишерашвили, Сулиашвили.

СЕЛО ЧВИНТА

Тетриадзе, Гишерашвили, Муграшвили, Сулиашвили, Сагарадзе, Калтахчишвили.

СЕЛО СХВИЛИСИ

Занзалашвили, Джакели, Чатаридзе, Махарадзе, Абашидзе, Адодидзе.

СЕЛО ВАЛЕ

Беридзе, Мгеладзе, Читадзе, Амилахвари, Надирадзе, Лезгишвили, Курдадзе, Гозалишвили, Чилашвили, Кахидзе, Какабадзе, Девадзе, Канападзе, Шавадзе, Тиралишвили, Кочалидзе.

СЕЛО ДЖАКИСМАНИ

Гиоргадзе, Бебнадзе, Айтадзе.

СЕЛО АРДЖАНА

Джакели.

СЕЛО АБИ

Табатадзе, Айтадзе

СЕЛО ОРАЛИ

Миквладзе, Хмаладзе.

СЕЛО ХАКИ

Диасамидзе.

СЕЛО ТОБА

Тамарадзе, Варскнелидзе.

СЕЛО КВАЛТАХЕВИ

Тетрадзе, Коридзе, Гулиашвили.

СЕЛО КИСАТИБИ

Чахмахишвили, Сараджишвили.

СЕЛО АРДЖУЛИ

Чиркадзе.

СЕЛО АНДА

Ломидзе, Мапидзе, Копадзе, Гордзелидзе, Молидзе.

СЕЛО УРАВЕЛИ

Мачабели, Херхеулидзе, Гургенидзе.

СЕЛО ОРЦЕПИ

Мамулишвили

СЕЛО ЦКОРДЗА

Махарадзе, Сабашвили.

СЕЛО ИЕНГИКЕВИ

Чакидзе, Чохрадзе.

СЕЛО ХЕОТИ
Мамулашвили, Гоголадзе.
СЕЛО ГИОРГИЦМИНДА
Вачнадзе, Чачанидзе.
СЕЛО КАНТИЕТИ
Башошвили.
СЕЛО ПАТАРА АГАРА
Мачабели
и т.д.

(см. журнал «Сабчота Самартали» № 7, Тбилиси, 1989 г., с. 56-61, на груз. языке).

На основе этого Обращения было принято следующее «Распоряжение № 71 Главы Государства Грузия от 30.04.1994 г., г. Тбилиси «Об образовании правительственной комиссии по изучению и урегулированию проблем депортированных месхов», в котором говорится:

«С целью изучения и урегулирования проблем депортированных в 1944 году из Самцхе-Джавахети месхов:

1. Преобразовать Правительственную комиссию по урегулированию некоторых проблем, связанных с бытовыми вопросами депортированных месхов, в Комиссию по изучению и урегулированию проблем депортированных месхов.

2. Председателем комиссии назначить заместителя премьер-министра республики Грузия Ираклия Менагаришвили.

3. Кабинету Министров Республики Грузия обеспечить комиссию надлежащими условиями (штатными единицами, рабочей площадью, транспортом, коммуникационными средствами и др.).

4. Поручить председателю комиссии И. Менагаришвили раз в три месяца представлять информацию о проделанной комиссией работе.

Э. Шеварднадзе».

Месхский народ и сегодня терпеливо ждет решения своей судьбы. Мы, месхи – грузины-мусульмане, в течение 50 лет находившиеся под гусеницами бюрократичес-

кого танка, не могли поднять головы, чтобы стать на ноги. Мы призываем правительство Грузии, всех честных и добрых людей нашей прекрасной страны, мы призываем людей всего цивилизованного мира оказать нам помощь, помочь окончательно избавиться от тирании, самоуправства бездушных чиновников, от беззакония и произвола узких националистов, просим помочь нам наконец-то избавиться от вечного бесправия и стать полноправными гражданами нашей исконной, исторической родины – Грузии!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Месхский народ надеется, что наконец-то дело сдвинулось с места, и вопрос о его возвращении будет решен положительно.

Сегодня в Грузии строится демократическое государство, основой которого должны стать подлинная законность и справедливость. Месхи возлагают большие надежды на законное правительство республики, на его парламент, на то, что их деятельность явится подтверждением в глазах мирового сообщества приверженности принципам демократии, принципам международных пактов о правах народа и правах человека. Что они наконец-то объявят полную реабилитацию месхов-мусульман и наделят их всех теми гражданскими, человеческими правами, какими пользуются другие народы в Грузии.

Ведь до сегодняшнего времени месхи – грузины-мусульмане, выселенные Сталиным в 1944 году из Грузии, так и не были полностью реабилитированы. Как пишет Александр Болонкин, член координационного комитета Международной ассоциации советских политзаключенных (г. Нью-Йорк, США): «При реабилитации коммунисты обычно отделываются клочком бумаги – справкой о реабилитации. Однако все государства выплачивают жертвам репрессий или их родственникам компенсацию за исковерканную или уничтоженную жизнь. В цивилизованных государствах это деляется даже в случае смены режима. Так, ФРГ до сих пор выплачивает компенсацию жертвам нацизма... Жертвы коммунизма вправе требовать не только возврата квартир, прописки, работы, имущества, но и компенсации за годы нечеловеческого, тяжелого труда в концлагерях, за пытки и страдания в тюрьмах и психбольницах...» (газ. «Советская молодежь» № 132 от 7 августа 1990 года). Таковы международные законы справедливости. И если они существуют в отношении отдельных людей, то разве они не распространяются на целые репрессированные народы?

Нет, мы не требуем никаких компенсаций. Мы через 50 лет после нашей многолетней безуспешной борьбы за свои гражданские, человеческие права просим лишь признать, что мы были незаконно репрессированы и разрешить нам вернуться на родину, откуда мы были несправедливо выселены!

Наши требования не противоречат ни международным, ни человеческим нормам и законам справедливости! Ведь если в срочном порядке этот вопрос не решится, то наш народ ждет полное исчезновение. Сегодня месхи разбросаны в 13-ти бывших союзных и автономных республиках, 24-х областях Российской Федерации, 5-ти областях Украины и т.д. Возникла реальная угроза ассимиляции, исчезновения нашего народа. Но если верна заповедь, что жизнь каждого человека – священна, то также священно право каждой нации, каждого народа на существование, какого бы вероисповедания он ни был.

К глубокому сожалению, следует признать, что с приходом нового времени, новых ценностей, коренные народы республик, освободившиеся от пут ложного интернационализма, попали в новые сети ложного национализма. Во многих людях не выработалось еще столь высокого сознания, чтобы, преодолев националистические идеи исключительности своей нации, понять, что все народы достойны одинаковых прав, будь они узбеки, русские, грузины или турки. Еще с давних времен в бывшем Советском Союзе слово «турок» звучало как чужеземец, оккупант, поработитель... – так это слово укоренилось на грузинской, армянской да и русской земле. Так создавался образ врага, на которого выплескивались все негативные чувства нации. Еще с тех времен, когда веками продолжались кровопролитные войны между царской Россией и султанской Турцией, слово «турок» на русском языке превратилось в синоним слов «дикий», «бесчеловечный», «несознательный». Два эти государства давно перестали воевать друг с другом, давно между ними поддерживаются дружеские отно-

шения, но ненависть к туркам, как к жестоким поработителям, продолжает культивироваться как в русском, так и в грузинском и армянском народах. Недаром, например, в центре Москвы, на улице Ногина, у входа в парк красуется воздвигнутый более 100 лет назад памятник в честь победы русских войск в русско-турецкой войне. На нем изображено, как турок вырывает из рук русской женщины грудного ребенка, и угрожает ему отрезать ножом голову. Этот страшный памятник 100 лет воспитывал в русском человеке ненависть ко всем туркам, как к «жестоким насильникам». Может быть, в какой-то степени, благодаря подобному воспитанию палачи в Фергане так жестоко и уничтожали наш народ, наших детей и женщин, как представителей ненавистных «турок».

На месте этого памятника сегодня следовало бы воздвигнуть памятник истинной дружбы народов, где все народы мира – и турки, и русские, и немцы, и евреи и.т.д. – приветствовали бы друг друга цветами. Ведь мы стоим на пороге новой эпохи, новой эры, когда люди всех национальностей, всех рас и религий должны будут, развивая и сохраняя свои национальные особенности, ощутить себя как единое человечество, когда всеми будет признано, что мир и любовь – это благо, а ненависть, вражда – это гибель, угрожающая своими последствиями не одному человеку, народу, а всему человечеству.

События в Фергане всколыхнули весь мир. У многих открылись глаза, люди поняли, что опасна и постыдна привычка последнего времени читать сводки из очередных «горячих точек» страны, где люди давно породнились друг с другом, позорно для всех терпеливо и покорно воспринимать гибель своих сограждан, какой бы национальности они ни были. Не менее позорно и дико, когда люди одной национальности, но разного вероисповедания противостоят друг другу, вследствие подчас выгодно раздуваемой вражды, то втихомолку, из-за угла – предательски и подло – то открыто.

Настало время забыть то зло, которое веками разделяло между собой народы, то зло, которое они причиняли друг другу, простить и с любовью, по-доброму жить всем людям вместе, независимо от того, какой они национальности или вероисповедания. Настало время мирными путями, путем компромиссов решать все разногласия, все споры...

Сегодня, когда человеческий разум достиг высочайшего уровня развития, когда наука властвует над религиозным фанатизмом, история не простит нам, если мы, христиане и мусульмане, не будем объединяться, как единая грузинская нация. Ведь в сущности бесспорно, что мы исторические грузины – единая нация.

Грузинский историк Гурам Мамулиа писал в журнале «Огонек» (№ 50, 1989 год):

«Та группа людей, о которой говорится как о турках, на самом деле месхи, так как издавна население этого края было исключительно грузинским. Турки, как таковые, я имею в виду османских, там никогда не проживали. Даже в официальной статистике прошлого не было такого понятия – «турки». В результате экспансии Турецкой империи процесс мусульманизации месхов протекал в тех местах почти три столетия. В связи с этим произошла потеря языка со всеми вытекающими последствиями... Часть месхов перешла, в результате гонений, в католическую веру. Самосознание месхов в результате этого распалось на три части: часть были тайными православными, которые относили себя к грузинам, часть католиками, которых называли «французами», и часть – омусульманизированное население, которое называли «татарами», но не «турками».

Я могу сказать, оглядываясь на историю этого края и историю месхов, что эта часть грузинского населения веками была жертвой большой политики государства. Они жили на границе и постоянно испытывали давление со стороны государства. Даже в советский период их записывали и азербайджанцами, и грузинами, а в 1944 году они были

высланы, как турки. И так называемая турецко-месхетинская нация была образована на почве религиозного, а не национального самосознания...»

Для примера того, как записывали месхам национальность, мы хотим поместить здесь образцы справок, которые выдавали нам после освобождения от комендантского надзора для получения паспорта. В этих справках коменданты сами определяли нашу национальность. Сначалч освобождали участников Великой Отечественной войны и выдавали справки следующего содержания:

«Видом на жительство не служит.

СПРАВКА

С гр. Умарова Халила Алладиновича, 1925 года рождения, уроженца села Вале Ахалцихского района Грузинской ССР, по национальности – азербайджанец, ограничение по спецпоселению снято вовсе.

Справка выдана для представления в паспортный стол милиции на право получения нового паспорта, на общих основаниях.

Начальник отдела УМВД Самаркандской обл.

Подпись: подполковник Коконбаев.

21 января 1956 г.

Печать УМВД г. Самарканд Узбек. ССР

Паспорт выдан, серия XIV–VIII № 638388.

09 февраля 1956 г. Иштиханский райМВД Самаркандской обл.».

Такие же справки, через четыре месяца выдавали всем, в том числе и моему отцу:

«Видом на жительство не служит.

СПРАВКА

С гр. Умар-оглы Алладина, 1876 года рождения, уроженца села Вале Ахалцихского района Грузинской ССР, по национальности – турок, ограничение по спецпоселению снято вовсе.

Справка выдана для представления в паспортный стол милиции на право получения нового паспорта, на общих ос-

нованиях.

Начальник отдела УМВД. Подпись: подполковник Коконбаев.

24 апреля 1956 года.

Печать УМВД г. Самарканд Узбек. СССР».

Таким образом, меня записали «азербайджанцем», а отца моего – «турком». Хотя оба мы были грузинами. Но грузинами не записывали никого, объясняя это тем, что грузин в 1944 году не выселяли из Грузии.

С исторических времен часть месхов была выселена в Турцию, в данное время там насчитывается около 3 миллионов месхов. Их в Турции называют «гюрджи оглы», что значит «сын грузина». Некоторые из месхов до сих пор сохраняют родной грузинский язык. В Турции они имеют право занимать любые государственные должности в соответствии со своими способностями и заслугами. Например: во время второй мировой войны премьер-министром Турции был месх Шукри Сарадж-оглы. А сколько грузин проживает в Иране – Ферейдане? Во Франции живет около трехсот смешанных и чисто грузинских семей (газ. «Свободная Грузия», № 95, 29 мая 1991 г. и т.д.).

В Грузии и по всему бывшему Советскому Союзу месхов-мусульман называли «турками» и «турками-месхетинцами», здесь они до сих пор подвергаются гонениям. Несмотря на все унижения и оскорбления, многие месхи до сих пор сохраняют грузинские фамилии и язык.

В данное время численность высланных месхов составляет около 250 тысяч человек.

Стремление превратить месхов в турок просматривается с давних пор. Согласно «Большой Советской Энциклопедии» (М., 1983, с. 1533), во время переписи населения СССР в 1959 году среди 150 тысяч месхов было 35 тысяч турок; во время переписи 1970 года их число увеличилось до 79 тысяч, а во время переписи населения 1979 года число турок уже достигало 93 тысяч. Таким образом, постепенно всех месхов превращали в «турок».

Во время переписи населения 1989 года Юсуф Сарваров и его единомышленники ездили по всем республикам, где проживали месхи, и агитировали их записываться турками. Только в этом случае, говорили они, как турки мы сможем вернуться на родную землю. Вследствие подобной политики и тому, что грузинская ориентация не имела поддержки у правительства и казалась многим месхам бесперспективной, в 1989 году турок с 93 тысяч, по данным Госкомстата СССР, стало 208 тысяч!

В подобной подтасовке фактов большую роль сыграло руководство Грузии, которое целенаправленно вело политику по превращению месхов – грузин-мусульман в турок-иноземцев, чтобы не допустить их в Грузию. Только фальсификацией, специальным искажением фактов можно объяснить то, что в то время в Госкомтруда Грузинской ССР лежало более 12 тысяч заявлений (что составляло около 100 тысяч человек), которые желали возвращения на родину как грузины-мусульмане, а не как турки. Но их число не нашло отражения в переписи.

Если сами власти занимались фальсификацией нашей истории и не только безразлично, но и враждебно относились к нам, то чего можно было ожидать от неуправляемой толпы?!

Но политика «разделяй и властвуй», которая применялась в отношении Грузии как Российской империей, так и руководителями СССР, сегодня не в интересах Грузии и грузинского народа.

Грузия только тогда сможет называться истинно демократической страной, в которой действуют законы справедливости, когда она согласится принять часть своего народа, незаконно выселенного с ее территории, когда в ней будет действовать закон о правах человека.

Истинная демократия тем и привлекательна и желанна для народов, что она возвращает всем людям и народам их человеческие права, и первое из этих прав – жить человеку на своей родине, свобода его передвижения.

Месхети для месхов – родина и колыбель. У них другой родины нет и не может быть.

Это хорошо понимали великие духовные отцы грузинской нации Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели.

Еще в 1877 г. Илья Чавчавадзе писал: «Каждый народ живет своей историей. Это – сокровищница, где он обретает силу своей души, достигает высот в своей нравственности и разуме, познает свое «я», свои свойства и качества.

Заслуживает уважения вклад «османской Грузии» в историю нашего народа, они проделали большую работу, понесли большие жертвы, много крови пролили вместе с нами во имя существования народа Грузии. Мы не только одни по крови и плоти, не только говорим на одном языке, у нас и история одна.

Почетнейшие отцы наши, создатели духовных и светских сочинений, были сыновьями и жителями нынешней «османской Грузии».

Наш прославленный сказитель «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели был из того края. Поселок Рустави, о котором Руставели вспоминает, как о своей родине, находится в Самцхе-Саатабаго (Месхети). Там родилась и расцвела вся наша жизнь, там был родник нашей жизни, там подняла вверх свой знаменитый флаг мощь нашего духа, там же колыбель возвышения нашего духа и там же могила нашей бывшей человечности. Учение, образование, самопожертвование, любовь к родине – все это в одно время шло оттуда и охватывало всю нашу страну.

Вот так, сила, вероломство, измена, одевшие в траур судьбу Грузии, разъединили нас, братьев, вместе кровь проливавших, вместе служивших одному делу, вместе страдавших и вместе радовавшихся.

Различие вероисповеданий нас не пугает. Грузин, распятый за свою веру, умеет уважать и чужую веру. Именно потому в нашей истории нет такого примера, чтобы грузин стремился к угнетению и преследованию чужой веры. Армяне, евреи и сами мусульмане, живущие среди нас, ни в

чем таком не могут упрекнуть нас.

Преследуемые и гонимые за свою веру в чужой стране, здесь, среди нас, находили обитель мира, покоя и свободу совести. Не пугает нас, я повторяю, то обстоятельство, что наши братья, живущие в «османской Грузии» (Месхети) сегодня исповедуют ислам, лишь бы настал тот счастливый день, когда мы вновь соединимся, станем братьями, и грузин, к нашей чести и гордости, снова докажет миру, что он не посягает на человеческую совесть, и с надолго разлученным братом сольется как брат, и со слезами радости на глазах по-братски прижмет брата к своей честной и доброй груди, и если для этого, для слез радости, потребуется пролить нашу кровь, то неужели грузин отступит назад и не пожертвует собой ради того, за что две тысячи лет не щадили жизней своих наши славные отцы и деды...» (Илья Чавчавадзе (1877 г.) Соч. Б-ка мировой литературы, т. 63, с. 547-552).

А вот что писал о месхах Акакий Церетели:

«Братья-сородичи, соплеменники наши! Немного времени прошло с тех пор, как превратности судьбы лишили нас нашего многовекового единства, разобщили, разъединили нас из-за различия вероисповедания и оторвали друг от друга. Но мы, как и прежде, – люди одного рода-племени, та же кровь течет в нас и сегодня – кровь, которую вместе самоотверженно проливали мы во имя нашего единства, во имя того сердца, которое встарь полнилось любовью, стремясь к единству нашей страны, та же гордая и честная душа вселяет в нас уверенность – душа, которую мы вместе восхваляли тогда.

У нас одна история, и заслуга ваша, месхов – людей, живущих на границе, гораздо больше – этого не забыть во веки веков, пока будет существовать наша Грузия и пока не исчезнет наш родной язык. Кем бы мы ни были, как бы далеко ни находились друг от друга, как бы ни различались внешне, мы всегда должны быть вместе.

Наша разобщенность, наше раздвоение – это раздвоение нашей силы, нашей судьбы, как сегодня, так и раньше. Горе наше удваивается без вас, а радость нам не в радость. Если будем считать, что вы в плохом состоянии, то и нам не нужно благоденствия. Если же мы видим в вас тех, кто сочувствует нам и вместе с нами несет бремя нашей судьбы, тогда нам ничего не страшно. Не дай Бог нам быть без вас, а вам – без нас. Две половинки в отдельности всегда останутся незавершенными частями. Соединившись же, они образуют одно целое. Да, плоть от плоти и кровь от крови мы едины, и судьба у нас всегда должна быть одна». (Акакий Церетели, 1880 г. Соч. Тбилиси, «Ганатлеба», 1988, с. 490-491).

Замечательный грузинский писатель Михаил Джавахишвили также писал:

«Ведь Месхети призрела тысячи беженцев из сегодняшней Грузии, наделяла их землей, скотом... Так почему же не помочь месхам в эти тяжелые дни, почему не отплатить им благодарностью за все прошлые их благодеяния?» («Арсен из Марабды», М., 1936, с. 344)

Почему бы всем грузинским патриотам сегодня не прислушаться к этим замечательным словам наших классиков, не поучиться у них справедливости, здравому взгляду на свою историю, а главное – человечности, любви к своему несправедливо обиженному судьбой брату – месху-мусульманину. Ведь невозможно свое счастье построить на несчастье других. Не может благоденствовать народ, зная, что его кровные братья находятся в изгнании, притесняемы, лишены возможности жить на своей коренной родине.

И, наконец, я хочу закончить свой скромный труд обращением к грузинскому народу:

Наши кровные братья, неотъемлемая часть нашей души, дорогой грузинский народ!

Мы не знаем, за какие грехи судьба послала нам такие муки. Сегодня мы рассеяны по всему бывшему Советскому Союзу и живем, как кочевники. Одни с ненавистью, другие с презрением отказывают нам в убежище, прав-

да, азербайджанцы встречают нас с распростертыми объятиями, но видит Бог, нашу жизнь вне родины нельзя назвать жизнью.

Разве мы виноваты в том, что на горе нашей страны царизм проводил в Грузии политику разделения грузинского народа. В 1840 году, когда был упразднен Ахалцихский пашалык, все грузины-мусульмане изъяснялись на грузинском языке, свои деревенские дела улаживали на родном языке, уже к 1916 более половины населения забыло грузинский язык.

Разве мы виноваты в том, что в период культа личности, когда люди боялись даже свободно думать, и еще раньше нам стали изменять фамилии и национальность, заставляя нас поверить в то, что мы дети чужого народа, внушали нам рабское повиновение спущенным сверху принципам. За все эти годы, годы мук и страданий мы ни разу не нашли поддержки у властей. Но многие самотверженные грузинские патриоты боролись за наше возвращение в Грузию. В 1989-92 годах их ругали на многотысячных митингах, по телевидению, на страницах газет, называли "агентами Кремля", "изменниками родины", призывали разъяренную толпу, расправиться с ними, некоторых избили, но они продолжали и продолжают защищать нас, тем самым защищая нравственность, совесть и честь своей родины.

Столько лет шла эта борьба, столько сил и жизней было на нее пожертвовано, но и сегодня мы не получили реабилитацию. Это вопиющая несправедливость, с которой невозможно примириться.

Безусловно, есть среди нас люди, которые забыли свою историю. Но неужели Грузия, как мать, не простит своего заблудшего сына и не прижмет его к своей груди? Как в Грузии, так и среди нас, имеются люди, которые идут путем подлой лжи и обмана. А наш путь – путь радости обретения родины, путь любви. Мы хотим вернуть свою национальность, выучить свой грузинский язык, восстановить наши грузинские фамилии. Но как?

Ведь все это невозможно сделать без возвращения на родину.

Ведь мы – грузины, в наших жилах течет грузинская кровь. Мы готовы так же неколебимо стоять на страже могущества Грузии, как и наши великие предки.

Наша любимая, милая Родина! Услышь наш зов, не слушай неразумных. Обрати на нас взор. Не пугайся, что нас сотни тысяч.

Верим, в Грузии сегодня много проблем, Грузии сегодня трудно. Но у кого есть право противопоставлять и разделять грузин-мусульман и грузин-христиан? Мы ведь вообще исчезнем с лица земли, если нам вовремя не помочь. Верим, что с нашим присоединением умножатся сила и могущество Грузии.

Не отказывайся от нас, Родина-мать! Пусть не радуется враг нашему разъединению!

Приюти, Грузия, своего сына-мученика, своего угнетенного брата – грузина-мусульманина!

Лишь тот Отчизне верен, вырастая,
Кто осушал народных слез поток.
Все остальное – выдумка пустая,
Так мы подводим жизненный итог.

Тициан Табидзе.

ХАЛИЛ УМАРОВ-ГОЗАЛИШВИЛИ

ТРАГЕДИЯ МЕСХОВ

Компьютерная верстка – НИКА ГЕЛАШВИЛИ
Оператор – ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКА

გამოიცა ჰაინრიხ ბიოლის ფონდის (გერმანია)
ხელშეწყობით
Published by Support of Heinrich Boll Foundation
(Germany)

Центр культурных взаимосвязей Грузии
"Кавказский дом".
Тбилиси, ул. Галактиона №20